

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

На правах рукописи

Максимов Алексей Сергеевич

**Инверсивная векторная модель
обеспечения национальной безопасности России
в условиях гибридной войны**

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата политических наук
по специальности
5.5.4 – Международные отношения,
глобальные и региональные исследования

Научный руководитель –
доктор политических наук, доцент,
профессор Н.И. Харитонова

Москва – 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	C.3
Глава 1. Гибридная война как проблема международных отношений и национальная безопасность России.....	C.22
1.1 Сравнительный анализ исследовательских подходов к оценке современного состояния национальной безопасности России в условиях гибридной войны	C.22
1.2. Специфика использования методов и технологий гибридной войны на постсоветском пространстве	C.63
1.3. Угрозы национальной безопасности России в условиях гибридной войны	C.85
Глава 2. Стратегическое моделирование обеспечения национальной безопасности России в условиях гибридной войны.....	C. 115
2.1. Инверсивная векторная модель обеспечения национальной безопасности России.....	C.115
2.2. Механизмы обеспечения национальной безопасности России с использованием инверсивной векторной модели.....	C.127
2.3. Комплексный стратегический подход к взаимодействию России с ключевыми геополитическими оппонентами на основе инверсивной векторной модели	C.156
Заключение.....	C.179
Список использованных источников и литературы.....	C.188
Приложения.....	C.210

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В контексте тектонических сдвигов и трансформаций, произошедших в мире за последние десятилетия, многие проблемы защиты национальных интересов и обеспечения национальной безопасности предстают в новом свете. Если на протяжении предшествующих периодов истории человечества главным инструментом выполнения этой функции считалась вооруженная мощь, то в нынешних условиях наряду с военной силой все большее значение приобретают иные формы, методы и средства. Так, один из современных социологов войны Мартин Ван Кревельд утверждает, что войны старого типа уходят в прошлое, а войны нового типа становятся доминирующими¹, последние требуют новых сил и средств, выработку адаптивных стратегий и тактик. Появление большого количества конфликтов, которым приписывается гибридная природа, привлекает внимание исследователей, констатирующих, что гибридные войны стали наиболее распространенной формой конфликта XXI века², сочетающей сложность и потенциальную связность различных угроз³. Политические исследования акцентируют внимание на том, что именно гибридная война и гибридные угрозы «в существенной степени определяют многие современные тенденции в развитии мира и войны»⁴.

Большинством отечественных исследователей гибридная война рассматривается как угроза национальной безопасности России, направленная на подрыв государственных суверенитета и независимости, территориальной целостности нашей страны и, как следствие, ее субъектности в современной системе международных отношений.

---

¹ Кревельд, М. Ван. Мы вступили в эпоху войн нового типа: интервью. // *Nota bene*. 2005. № 7.

² Kilcullen D. *The Accidental Guerrilla: Fighting Small Wars in the Midst of a Big One*. Oxford University Press; 2009.

³ Арзуманян Р. В. Стратегия иррегулярной войны: теория и практика применения. Теоретические и стратегические проблемы концептуализации, религиозные и военно-политические отношения в операционной среде иррегулярных военных действий. М.: АНО ЦСОиП. 2015.

⁴ Гибридная война превратилась в новый вид межгосударственного противостояния. 8.10.2018. // РСМД [Официальный сайт]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gibridnaya-voyna-prevratilas-v-novyy-vid-mezhgosudarstvennogo-protivostoyaniya/> (дата обращения: 21.04.2021).

Характеризуя актуальность темы необходимо выделить следующие аспекты:

во-первых, недостаточная теоретическая разработанность проблемы международного гибридного противоборства на теоретическом уровне. Понимание западными правящими элитами невозможности вести конкурентную борьбу за сохранение однополярной структуры мира (доминирование Запада) средствами войны, характерными для прошлого столетия, заставляет использовать гибридные формы противоборства. Это, в свою очередь, порождает существенные проблемы в реализации политической и военно-политической практики современных государств, подвергающихся гибридным угрозам со стороны их геополитических оппонентов в условиях становления полицентричного мира;

во-вторых, роль России как одного из центров силы в формирующемся полицентричном мире объективно предопределена развивающимися тенденциями в сфере геополитики и геостратегии. Это вызывает напряжение в отношениях с Западом, стремящемся к сохранению гегемонии, и заставляет последний искать все новые способы деструктивного воздействия на российскую государственность. Любой внешнеполитический шаг Российской Федерации, направленный на укрепление государственности, реализацию внешнеполитических интересов, расширение зоны геополитического влияния провоцирует реакцию Запада в виде использования различных комбинаций методов и технологий гибридного воздействия, что, в свою очередь негативно сказывается на состоянии национальной безопасности России. Для политических, научных и экспертных кругов возникает потребность в глубоком и детальном анализе характера гибридного военно-политического, социально-политического, экономического и информационного воздействия на Российское государство в контексте текущего геополитического конфликта, который обычно характеризуется как противостояние коллективного Запада и постсоветской России за будущее мироустройство;

в-третьих, Российская Федерация, оказавшись на рубеже 2020-х годов в весьма сложной геополитической и геоэкономической ситуации (санкционное

давление Запада, пандемия COVID-19, новый виток гонки вооружений, интенсификация политического давления и проч.), вынуждена искать принципиально новые, перспективные механизмы отстаивания и защиты национальных интересов и обеспечения национальной безопасности, принимая во внимание направленность вектора развития нового мирового порядка в сторону полицентричности и сложнопредсказуемые трансформации мирополитической структуры, способствующие появлению неизвестных ранее вызовов и угроз. То есть, новые угрозы национальной безопасности России вынуждают Россию, втянутую в такой тип противоборства, искать эффективные методы и механизмы противодействия и их нейтрализации с целью полноценной реализации внешней политики и обеспечения национальной безопасности.

Таким образом, актуальность темы исследования определяется остротой кризиса в отношениях между коллективным Западом (евроатлантическим сообществом), провоцирующим активизацию гибридной войны и ужесточение ее инструментов, и Россией, стремящейся заручиться поддержкой государств, имеющих явную антиатлантическую направленность внешней политики (прежде всего речь идет о Китае), характеризующего международно-политическое противоборство за будущее мироустройство. Кризис показал, что Россия не справляется с рядом угроз, имеющих гибридный характер, что негативно сказывается на состоянии национальной безопасности и перспективах развития российской государственности в условиях враждебной геополитической среды. Актуализируется необходимость поиска и разработки подходов (моделей) к обеспечению национальной безопасности России, работающих на новых комбинациях принципов, механизмов и мер, способных не только эффективно противостоять гибридным угрозам, но и содействовать реализации проактивной внешней политики в условиях становления полицентричного миропорядка.

Степень научной разработанности темы. Актуальность вопросов, касающихся специфики гибридного противоборства, объясняет появление большого количества научных статей, диссертационных и монографических

исследований по указанной проблематике в целом и по обеспечению безопасности государства в условиях текущей гибридной войны в частности. Все работы можно объединить в *три группы*.

К первой группе относятся работы, посвященные исследованию различных теоретических аспектов гибридного противоборства в рамках международно-политического и военно-политического научных направлений. В отечественной науке проблематике гибридной войны посвящены работы В.Н. Акулинина, Н.С. Епифанова, А.А. Бартоша, В.К. Белозерова, А.В. Соловьева, А.С. Брычкова, Д.А. Егорченкова, Н.С. Данюка, М.Е. Кучинской, И.Н. Панарина, П.В. Попова, С.И. Репко, О.В. Тиханычева, Я.А. Чижевского и др.⁵ Среди зарубежных авторов большое значение для развития теории гибридных войн труды М. Van Creveld, F. Hoffman, D. Kilcullen, M. Kaldor, J. Stowell, M. Williamson, P.R. Mansoor и др.⁶

Анализ работ, включенных в первую группу, показал отсутствие единого подхода к пониманию феномена «гибридной войны», что объясняется изменчивостью, сложностью, многосоставностью и комплексностью способов ее ведения, и позволил прийти к следующему выводу. Неустойчивость

---

⁵ Акулинин В.Н., Епифанова Н.С. Концепция гибридной войны в практике межгосударственного противостояния // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. №36. С.53-54; Бартош А.А. Конфликты XXI века. Гибридная война и цветная революция. М.: Горячая линия-Телеком, 2018; Он же. Парадигма гибридной войны // Вопросы безопасности. 2017. №3. С. 44-61; Белозеров В.К., Соловьев А.В. Гибридная война в отечественном военном и политическом дискурсе // Власть. 2015, № 9. С. 5-11; Брычков А.С. и др. Гибридные войны XXI столетия: происхождение, сущность и место в цивилизационном процессе: Монография. Смоленск, 2009; Егорченков Д.А., Данюк Н.С. Теоретико-идеологические подходы к исследованию феномена «гибридных войн» и «гибридных угроз»: взгляд из России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2018. №1. С. 26-48; Кучинская М.Е. Феномен гибридации современных конфликтов: отечественный и западный военно-политический дискурс // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 6. С. 122-143; Панарин И.Н. Гибридная война против России (1816-2016 гг.). М., 2016; Попов П.В. Государственно-целевой подход к концепции гибридной войны // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т.8. №4 (29). С. 51-53; Репко С.И. Гибридные войны США (1979-2017) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2017. Вып. 1 (778). С. 156-165; Тиханычев О.В. Гибридные войны: новое слово в военном искусстве или хорошо забытое старое? // Вопросы безопасности. 2020. № 1. С. 30-43; Чижевский Я.А. Развитие военно-политического дискурса: представляем неологизмы «асимметричный конфликт» и «гибридная война» // Политическая наука. 2016, №2. С. 269-283 и др.

⁶ Creveld, Martin van. The Transformation of war. Free Press, 1991; Hoffman F. Conflict in the 21st Century: the Rise of Hybrid Wars, 2007; Kilcullen, D. Out of the Mountains: The Coming Age of the Urban Guerrilla. Oxford University Press, 2015; Kilcullen D. The Accidental Guerrilla: Fighting Small Wars in the Midst of a Big One. Oxford University Press, 2009; Kaldor, M. New and Old Wars : Organized Violence in a Global Era. 3rd ed. Oxford : Wiley, 2013; Stowell, J. What is Hybrid Warfare? // Global Security Review. 2018 (Aug.1); Williamson M., Mansoor P.R. Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present, Cambridge: Cambridge University Press. 2012 и др.

терминологического аппарата и тот факт, что соответствующая проблемная область в политической науке образовалась относительно недавно, а также, зачастую, политическая ангажированность исследований по проблеме гибридного противоборства не позволяют составить полное научное представление об исследуемой проблеме и возможностях использовать теоретические результаты для выстраивания моделей нейтрализации гибридных угроз в условиях масштабных международных кризисов, сопровождающих процесс становления полицентричного мира.

Во вторую группу включены работы, характеризующие подходы, методы и инструменты гибридного воздействия на российскую государственность геополитическими оппонентами, а также работы, посвященные анализу проблем обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в условиях гибридной войны. Здесь необходимо отметить исследования таких авторов как В.Л. Гладышевский, Е.В. Горгола, С.И. Коданева, И.И. Кузютин, А.В. Манойло, В.В. Меркурьев, С.В. Орлова, В.М. Родачин, С.Н. Соколов, В.Л. Суворов, Г. Тертеров, В.С. Шукшин и др.⁷ Анализ работ, отнесенных ко второй группе, показал отсутствие фундаментальных работ, рассматривающих проблему обеспечения национальной безопасности России в условиях гибридной войны на основе системного и структурно-функционального подходов с учетом изменений в современной системе международных отношений и ключевых факторов в

---

⁷ Гладышевский В.Л., Горгола Е.В. Гибридная война запада и обеспечение ресурсного противодействия сетевому сценарию для России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т.13. Вып.2. С.369-383; Коданева С.И. «Гибридные угрозы» безопасности России: выявление и противодействие // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т.13. №2. С. 44-71; Кузютин И.И. Возможные меры противодействия «цветным революциям» // Достижения науки и образования. 2016. № 7(8). С. 96 -99; Манойло А.В. Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов // Мировая политика. 2015. № 1. С. 1-19; Меркурьев В.В., Агапов П. В. Противодействие технологиям «цветных революций» в системе мер по предупреждению преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства // Всероссийский криминологический журнал. 2014. № 2. С. 63-71; Орлова С.В. Механизмы противодействия рискам и угрозам дестабилизации гражданского общества // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. №4. С.27-32; Родачин В.М. Гибридные войны и обеспечение национальной безопасности России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т.9. №4 (40). С. 93-99; Соколова С.Н. Риски и угрозы гибридных войн в современном обществе: парадоксы реальности // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2017. №2. С. 35-40; Тертеров Г. «Цветные революции» // 21-й век. 2016. №3(40). С. 16-26; Шукшин В.С., Суворов В.Л. Гибридные войны современной эпохи как угроза безопасности России. М.: Изд-во «У Никитских ворот», 2022.

поведенческих моделях, способных влиять на результаты гибридного противоборства между Россией и коллективным Западом.

К *третьей группе* отнесены работы, рассматривающие методологические аспекты выработки механизмов и инструментария, способных выявлять угрозы гибридного характера и эффективно противостоять им. К этой группе целесообразно отнести работы А.Ю. Маруева, предложившего векторный подход для реализации национальных интересов в геополитике, а также работы А.Г. Дугина и М.А. Мунтяна⁸, а также работы, посвященные возможностям триадического метода⁹. В прикладном аспекте представляют интерес работы А.А. Бартоша, С.И. Коданевой, И.И. Кузютина, С.В. Орловой, П.В. Попова, В.Ш. Сургуладзе, Л.В. Терентьевой и др.¹⁰ Анализ исследований, включенных в третью группу, продемонстрировал необходимость обобщения имеющегося опыта теоретических интерпретаций политической сущности, содержания, приемов и методов гибридного противоборства и выработки принципиально нового, научно обоснованного подхода (модели) к обеспечению национальной безопасности России в условиях гибридной войны.

---

⁸ Маруев А.Ю. Векторный подход к определению геополитических интересов современной России и геостратегия их реализации и защиты : диссертация ... доктора политических наук : 23.00.04 / Маруев Алексей Юрьевич; [Место защиты: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ]. Москва, 2010; Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: АРКТОГЕЯ-центр, 2000; Мунтян М.А. Геополитика: история и современность. Курс лекций. Т. 2. М.: НП «Центр общественных экспертиз», 2009 и др.

⁹ Баранцев Р.Г. О тринитарной методологии // Между физикой и метафизикой: наука и философия. СПб, 1998. С.51-61; Баранцев Р.Г. Универсальная семантика триадических структур в науке-искусстве-религии // Языки науки -языки искусства. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С.61-65; Шевченко А.В. Информационная устойчивость политической системы. М.: Изд-во «Граница», 2005 и др.

¹⁰ Бартош А.А. Стратегия и контрстратегия гибридной войны // Военная мысль. 10.10.2018. URL: <https://vm.ric.mil.ru/Stati/item/138034/>; Гладышевский В.Л., Горгола Е.В. Гибридная война запада и обеспечение ресурсного противодействия сетевому сценарию для России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т.13. Вып. 2. С.369-383; Коданева С.И. «Гибридные угрозы» безопасности России: выявление и противодействие // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т.13. №2. С.44-71; Кузютин И.И. Возможные меры противодействия «цветным революциям» // Достижения науки и образования. 2016. № 7 (8). С. 96-99; Орлова С.В. Механизмы противодействия рискам и угрозам дестабилизации гражданского общества // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. №4. С.27-32; Она же. Механизмы противодействия технологиям дестабилизации политического режима в современной России на примере арабской весны // Власть. 2019. №6. С. 317-320; Попов П.В. Государственно-целевой подход к концепции гибридной войны // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т.8. №4 (29). С. 51-53; Сургуладзе В.Ш. Политика идентичности в реалиях обеспечения национальной безопасности: Стратегия, теория, практика. М., 2019; Терентьева Л.В. Территориальный аспект юрисдикции и суверенитета государства в киберпространстве // LEX RUSSICA (Русский закон). 2019. №4(419). С. 139-150 и др.

Таким образом, в результате критического обзора научной литературы по теме диссертационного исследования установлено, что в современной российской научной литературе отсутствуют исследования, посвященные комплексному анализу состояния и перспектив обеспечения национальной безопасности России в условиях гибридного противоборства с выходом на конкретные предложения функциональных подходов (моделей) для нейтрализации гибридных угроз и формирования принципиально нового уровня обеспечения национальной безопасности и реализации национальных интересов России.

Проблемная ситуация заключается в несоответствии системы практических мер, предпринимаемых Россией для обеспечения национальной безопасности, критической степени угроз, порожденных спецификой гибридной войны в условиях становления полицентричного миропорядка. Следствием является постепенное сужение так называемого ближнего сегмента зоны геополитических интересов России (постсоветское пространство), усугубление проблем во внутренней политике, частичная международная изоляция, нарастание угрозы прямого столкновения с блоком НАТО в формате прокси-войны.

Научная задача, на решение которой направлено настоящее исследование, заключается в создании научно обоснованного подхода к стратегии обеспечения национальной безопасности России в условиях обострения до критической степени угроз, порожденных спецификой гибридной войны в условиях становления полицентричного миропорядка.

Объектом исследования является национальная безопасность России в условиях гибридной войны.

Предметом исследования являются механизмы обеспечения национальной безопасности России в условиях гибридной войны.

Цель и задачи исследования. Цель исследования заключается в разработке инверсивной векторной модели и комплексного стратегического подхода к обеспечению национальной безопасности России в условиях гибридной войны.

Поставленная цель работы обуславливает необходимость решения следующих задач:

1. Охарактеризовать исследовательские подходы к оценке современного состояния национальной безопасности России в условиях гибридной войны как проблеме международных отношений.

2. Выявить и охарактеризовать специфику использования методов и технологий гибридной войны на постсоветском геополитическом пространстве.

3. Определить и классифицировать угрозы национальной безопасности России в условиях гибридной войны, выявить степень их активности.

4. Создать инверсивную векторную модель обеспечения национальной безопасности России в условиях гибридной войны.

5. Разработать актуальные механизмы обеспечения национальной безопасности России в условиях гибридной войны с использованием инверсивной векторной модели.

6. Разработать комплексный стратегический подход к взаимодействию с основными геополитическими оппонентами на основе предлагаемой в исследовании инверсивной векторной модели, предложить ряд практических рекомендаций.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют *принципы* историзма, научности и объективности; *положения* теории международных отношений (политический реализм), теории национальной безопасности и геополитической теории; системный, сферный, стратегический, конфликтологический, системно-деятельностный подходы; методы ретроспективного, сравнительного, статистического, векторного анализа, метод экспертных оценок; а также специальные методы: сценарный анализ, имитационное моделирование, метод функциональных триад.

На первом этапе исследования системный, конфликтологический подходы и структурно-функциональный анализ позволили определить ключевые параметры

ведущейся против России гибридной войны и характер гибридных угроз, их структуру и взаимосвязи, перспективы и темпы их интенсификации, специфику среды разворачивания гибридных конфликтов и параметры выбора страны-жертвы и подходящего инструментария, а также предложить авторскую классификацию угроз. Использование ретроспективного и сравнительного методов дало возможность выявить характерные черты развертывания гибридной активности стран Запада в отношении России в постбиполярный период. Результаты анализа были верифицированы методом экспертных оценок и сопоставлены с положениями одного из профильных программных документов США. Системно-деятельностный подход и триадический метод позволили установить, что гибридная война имеет природу наступательной стратегии в борьбе за сохранение однополярного мира. Посредством терминологического анализа были определены несовершенства в предлагаемых отечественными и зарубежными исследователями определениях «гибридной войны» и предложить авторское определение этого феномена. Анализ документов, статистический анализ дали возможность уточнить специфику реализации стратегии гибридной войны на тактическом и оперативном уровнях.

В рамках второго этапа исследования посредством использования векторного подхода и векторного анализа, триадического метода, а также имитационного моделирования были выработаны инверсивная векторная модель обеспечения национальной безопасности и на ее основе – механизмы обеспечения национальной безопасности России в условиях гибридной войны в пяти ключевых сферах (направлениях), где концентрируются пять групп угроз, определенные как «триады гибридных угроз». Функциональность предложенных механизмов были верифицированы с помощью метода экспертных оценок и сценарного анализа. Далее, предложенная инверсивная векторная модель была положена в основу комплексного стратегического подхода к взаимодействию с ключевыми геополитическими оппонентами (США, отдельные страны ЕС, НАТО) и обеспечения национальной безопасности в условиях становления полицентричного мирового порядка.

Эмпирическая база исследования. Решение обозначенной научной проблемы предполагает использование обширной эмпирической базы, позволяющей верифицировать теоретические и практические результаты и выводы исследования. В качестве эмпирической базы исследования определены следующие *группы источников*.

Первую группу источников, содержащую значительный объем информации о характере и интенсивности гибридного противоборства, сформировали материалы открытого доступа Совета безопасности РФ, МИД России, ФСБ России, МО РФ и др., представленные на официальных интернет-сайтах.

Ко *второй группе источников* по проблемам национальной безопасности в условиях гибридной войны относятся материалы, содержащиеся в новостных интернет-версиях различных российских и зарубежных СМИ («Российская газета», «Известия», «Ведомости», «Красная звезда», «Завтра», «Деловой мир», «Свободная пресса», «Defensenews», «National Review», «Mint Press News» и др.), информационно-аналитических агентств (ТАСС, «Царьград», «Регнум», РИА «Новости», «Russia today», «Global Security Review» и др.): интервью высших должностных лиц, глав министерств и ведомств, комментарии относящихся к изучаемой проблеме событий и фактов, представленные российскими учеными и экспертами, специалистами по национальной и международной безопасности, информационно-аналитические материалы открытого доступа.

Третью группу источников составляют экспертные интервью, полученные в ходе бесед автора исследования с российскими специалистами по национальной безопасности и внешнеполитической проблематике. Экспертный опрос был проведен 16 - 21 июля 2021 г. в Москве; в опросе приняли участие 29 экспертов. Материалы экспертных интервью были использованы при реализации сценарного анализа и применении метода экспертных оценок.

Основные научные результаты, полученные автором:

1. Выявлено, что существующие концепции и подходы не позволяют дать комплексную оценку состоянию национальной безопасности РФ в условиях

гибридной войны. Определено, что гибридная война носит характер инструментальной наступательной стратегии в борьбе Запада против становления многополярного мира (за сохранение однополярного мира) путем внешнего провоцирования ассиметричных конфликтов разного типа внутри государства-мишени и в зонах его геополитического влияния.

2. Определено, что в рамках гибридной войны коллективного Запада против России постсоветское пространство следует рассматривать как театр военных действий. Выявлено, что жертвой применения технологий «цветных революций» становится не государство, имеющее большой потенциал социально-экономического развития, но при этом находящееся на сложном этапе своего развития, как принято считать. Выбор государства-жертвы на указанном театре военных действий обусловлен его геополитическим положением, значимостью для решения тактических геополитических задач, уровнем технологического развития.

3. Предложена авторская классификация гибридных угроз:

- пять функциональных групп угроз представляют собой «триады гибридных угроз» в пяти сферах локализации, при синхронной активности которых возникает синергетический эффект негативного воздействия на систему национальной безопасности России;

- предложена шкала ранжирования «триад» по уровню «угрозоемкости» и дана характеристика вариантов их трансформации и интенсификации в краткосрочной перспективе (5-10 лет) с учетом меняющейся мировой обстановки.

Разработана авторская модель «триад гибридных угроз», определен механизм их воздействия на структуры безопасности страны-мишени.

4. Доказана применимость векторного подхода к анализу гибридного противоборства; на его основе разработана инверсивная векторная модель обеспечения национальной безопасности России в условиях гибридной войны, реализующаяся в пространстве и времени. Последняя представлена как модель обеспечения национальной безопасности России в условиях гибридной войны в рамках декомпозиции задачи комплексной нейтрализации гибридных угроз.

5. На основе инверсивной векторной модели обеспечения национальной безопасности России в условиях гибридной войны разработаны пятикомпонентные механизмы противодействия гибридным угрозам национальной безопасности в пяти функциональных сферах (сферы локализации «триад гибридных угроз»), в числе которых предложены: картографирование гибридных конфликтов, введение в число участников процесса принятия внешнеполитических решений институтов, представляющих научное и экспертное сообщество, реализация нового типа проактивности внешней политики и др.

6. На основе предложенной инверсивной векторной модели и совокупности актуальных механизмов противодействия гибридным угрозам разработан и рекомендован к использованию комплексный стратегический подход к взаимодействию с ключевыми геополитическими оппонентами (США, отдельные страны ЕС, НАТО) и обеспечению национальной безопасности, базирующийся на принципах прагматизма, примата национальных интересов и национальной безопасности, проактивности и готовности взаимодействовать с лояльными политическими и бизнес-субъектами внутри стран-оппонентов. Для реализации разработанной в ходе исследования стратегии предложен ряд конкретных практических рекомендаций для исполнительных органов власти.

Научная новизна исследования заключается в том, что в рамках диссертационной работы:

1. Предложено авторское определение феномена гибридной войны, согласно которому, гибридная война – это наступательная стратегия, направленная на десуверенизацию государства-оппонента и деконструкцию сфер его влияния с целью последующего перевода под полный или частичный геополитический контроль страны-инициатора гибридного противоборства.

2. Выявлен и сформирован перечень факторов, доминирующих при выборе механизмов гибридного воздействия на страну-жертву: геополитическое положение государства; значимость территории государства для решения тактических задач в ходе реализации геостратегии страны-инициатора гибридной

войны (сжатие сферы геополитического влияния России, создание контуров нестабильности в российском пограничье, оформление перспективы соприкосновения российских границ с зонами ответственности НАТО, создание по периметру государственных границ плацдармов для дальнейших деструктивных действий, направленных на десоверенизацию России), уровень технологического развития.

3. На основе авторской классификации угроз разработана, подтверждена функциональность и операциональность вербальной модели «триад гибридных угроз» и синергетического эффекта при их синхронной активности в отношении страны-мишени гибридного воздействия.

4. Разработанная на основе векторного подхода инверсивная векторная модель обеспечения национальной безопасности России в условиях гибридной войны предполагает, что процесс инверсии в рамках модели нацелен на обеспечение национальной безопасности, имеет поэтапный характер (во времени) и его реализация сопряжена с операциями сложения, умножения и сравнения векторов, представленных и гибридными угрозами, и активностью по противодействию им (в пространстве).

5. Разработанные на базе инверсивной векторной модели обеспечения национальной безопасности пятикомпонентные механизмы противодействия гибридным угрозам работают на принципе, заключающемся в концентрации усилий на одной приоритетной угрозе в рамках «триады гибридных угроз» с целью ослабления/ликвидации этого элемента «триады». Предложенные механизмы предназначены для нейтрализации «триад» гибридных угроз и возможного синергетического эффекта их синхронной активности. Суть совокупности представленных механизмов определяется единым функциональным принципом, а именно: концентрация усилий на одной приоритетной угрозе в рамках «триады гибридных угроз» с целью ослабления / ликвидации этого элемента «триады» в условиях ограниченных ресурсов.

6. Назначение (миссия) стратегии, лежащей в основе предложенного комплексного стратегического подхода, заключается в следующем: в условиях

ограниченных ресурсов, в том числе временных, разнонаправленного действия внутренних и внешних факторов целесообразно сосредоточиться на первоочередной нейтрализации/ликвидации трех «триад» (в духовной и социокультурной, военно-политической и экономической сферах), что в перспективе позволит сделать ликвидацию всех пяти «триад гибридных угроз» необратимым процессом без перенапряжения системы обеспечения национальной безопасности и ее ресурсной базы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Согласно авторскому определению, предложенному в исследовании, гибридная война – это наступательная стратегия, направленная на десуверенизацию государства-оппонента и деконструкцию сфер его влияния с целью последующего перевода под полный или частичный геополитический контроль страны-инициатора гибридного противоборства.

2. Гибридная война коллективного Запада против России носит непрерывный характер в условиях трансформации системы международных отношений. Синхронная активность «триад» гибридных угроз создает синергетический эффект в комплексном негативном воздействии на систему национальной безопасности России. Модель линейного сопротивления государства гибридным угрозам является неустойчивой и, соответственно, неэффективной. Эффективно противостоять стратегиям гибридной войны, используемых Западом, можно, используя механизмы и стратегии, основанные на векторном подходе. Разработанная инверсивная векторная модель взаимодействия системы обеспечения национальной безопасности с выявленными структурами гибридных угроз может быть использована как модель обеспечения национальной безопасности России в условиях гибридной войны в рамках декомпозиции задачи комплексной нейтрализации гибридных угроз. Указанная модель пригодна для выработки актуальных механизмов обеспечения национальной безопасности России и комплексного стратегического подхода к взаимодействию России с ключевыми геополитическими оппонентами.

3. Разработанные механизмы противодействия гибридным угрозам и обеспечения национальной безопасности РФ на основе инверсивной векторной модели способны успешно противодействовать «триадам» гибридных угроз, нейтрализуя возможности синергетического эффекта при воздействии на систему национальной безопасности России. Реализация предложенного в исследовании комплексного стратегического подхода на основе инверсивной векторной модели и совокупности актуальных механизмов противодействия гибридным угрозам позволит в среднесрочной перспективе качественно скорректировать поведенческую стратегию России в отношениях «Россия-Запад», в краткосрочной перспективе - вовремя распознавать планы противника и снизить интенсивность гибридной войны, организовать эффективное противодействие гибридным угрозам, что позитивно скажется на состоянии национальной и международной безопасности России. Изменив парадигму отношений с Западом, Россия сможет реализовать возможности превентивной и перспективной политики по формированию лояльной внешнеполитической среды. Позитивным следствием может стать расширение ближнего сегмента зоны геополитических интересов России, выход из частичной международной изоляции, ослабление угрозы прямого столкновения с блоком НАТО.

Гипотеза исследования. Предложенные инверсивная векторная модель и базирующийся на ней комплексный стратегический подход, включающие систему актуальных механизмов противодействия гибридным угрозам и обеспечения национальной безопасности России в условиях гибридной войны, позволят эффективно решать внешнеполитические проблемы и обеспечивать национальную безопасность Российской Федерации, упрочить положение государства на мировой арене в текущей геополитической обстановке, создадут условия для продвижения национальных интересов и сформируют предпосылки к утверждению международного статуса России как ключевого центра силы в системе нового мирового порядка, т.е. качественно скорректирует поведенческую стратегию в отношениях «Россия-Запад».

Теоретическая значимость результатов настоящего диссертационного исследования определяется тем, что они дают целостное научное представление о состоянии национальной безопасности России в условиях геополитического противоборства, специфике формирования и реализации внешнеполитических стратегий, геополитических факторах и процессах в Евразии. Существенное значение для политической науки имеет предложенные в исследовании авторское определение гибридной войны, обладающее высоким уровнем адаптивности для эффективного решения практических задач, инверсивная векторная модель обеспечения национальной безопасности и базирующийся на ее основе комплексный стратегический подход к взаимодействию с геополитическими оппонентами. Верификация результатов разработок посредством применения метода экспертных оценок показала способность указанных модели и стратегического подхода положительно сказаться на уровне обеспечения национальной безопасности России и реализации ее национальных интересов, повышения ее роли в системе международных отношений в условиях становления полицентричного мира. Предложенные модель и подход могут стать методологической и прикладной базой международной практики по нейтрализации гибридных угроз и противодействию им в целях укрепления национальной безопасности.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в деятельности государственных органов, отвечающих за формирование и реализацию Стратегии национальной безопасности РФ, Концепции внешней политики РФ, Военной доктрины РФ и других документов стратегического планирования, а также стабилизации отношений России и стран Запада, прогнозирования развития ситуации в ближнем сегменте зоны геополитических интересов России (страны ближнего зарубежья). Результаты исследования могут использоваться в процессе обучения студентов и слушателей образовательных учреждений, специализированных курсов для сотрудников министерств и ведомств Российской Федерации, занимающихся проблемами внешнеполитического управления, обеспечения национальной

безопасности России, практической геополитики в контексте устранения проблем современного гибридного противоборства.

Степень достоверности и апробация исследования. Достоверность результатов исследования обеспечивается корректностью исходных методологических принципов, достаточной теоретической и эмпирической базой исследования, апробацией материалов исследования.

Основные результаты и содержание исследования отражены в 6 опубликованных работах, в том числе в 4 научных статьях в ведущих рецензируемых периодических изданиях, рекомендованных ВАК, в 2 статьях в других изданиях, в т.ч. 3 в журналах, рекомендованных Ученым советом РАНХиГС при Президенте РФ, общим объемом 5,54 п.л.

1. Максимов А.С. Актуальные механизмы нейтрализации гибридных угроз национальной безопасности России в рамках инверсивной векторной модели // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. Т.16. № 4. С. 88-103. 1,05 п.л. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47142541>

2. Максимов А.С. Угрозы национальной безопасности России в условиях гибридной войны // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. Т.16. №3. С. 109-130. 1,4 п.л. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46405196>

3. Максимов А.С. Специфика использования методов и технологий гибридной войны на постсоветском пространстве // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. №5(155). С. 69-78. 0,76 п.л. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46421881>

4. Максимов А.С. Национальная безопасность России в условиях гибридной войны // Конституционная реформа и национальные цели развития России: социально-экономические и политико-правовые приоритеты. Сборник статей и докладов международной научно-практической конференции (2 декабря 2020 г.). Под редакцией П.А. Меркулова, О.В. Малаховой. – Орёл: Изд-во Среднерусского

института управления – филиала РАНХиГС, 2021. С. 169-172. 0,36 п.л. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47168601&pff=1>

5. Максимов А.С. Противодействие технологиям «цветных революций» в России: оценка эффективности // «Стратегическое управление в сфере национальной безопасности: воплощение идей умиротворения и сдерживания. К 800-летию благоверного князя Александра Невского» : Материалы VIII Международной научно-практической конференции Факультет национальной безопасности, Институт права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ (Москва, 23 июня 2021 г.). 0,65 п.л.

6. Максимов А.С., Харитонов Н.И. Взаимодействие России с ключевыми геополитическими оппонентами в условиях гибридной войны: комплексный стратегический подход // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. №95. С. 108-123. 1,3 п.л. DOI: 10.24412/2070-1381-2022-95-108-123 URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2022/vipusk_95._dekabr_2022_g./pravovie_i_politicheskie_aspekti_upravlenija/17-01-26kharitonova_maksimov.pdf

Результаты исследования были апробированы в докладах на международных конференциях и экспертных семинарах: Среднерусский научный форум «Общественные отношения в эпоху цифровизации: проблемы, вызовы и пути решения» (Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС г. Орёл, 4 декабря 2020 г.); «Стратегическое управление в сфере национальной безопасности: воплощение идей умиротворения и сдерживания. К 800-летию благоверного князя Александра Невского» : Институт права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ (Москва, 23 июня 2021 г.); Международная научно-практическая конференция «Черноморское сотрудничество 2021» (Севастополь, Севастопольский государственный университет, Российский университет дружбы народов, Ассоциация Балтийско-Черноморских исследований, Черноморский информационно-аналитический центр, 21-22 октября 2021 г.); Второй Евразийский аналитический форум- 2021 (Москва, 12 ноября 2021 г.); Международная научная

конференция «Западный фланг СНГ и Прибалтика: итоги 30 лет независимости» (Ассоциация Балтийско-Черноморских исследований, Центр исследований постсоветских стран и журнал «Постсоветские исследования», Москва, 19 ноября 2021 г.).

Результаты исследования также прошли пробацию в работе автора как независимого эксперта в работе с государственными органами и общественными организациями.

Структура диссертации определена поставленной целью и последовательно решаемыми задачами, и включает в себя введение, две главы, содержащих шесть параграфов, заключение, список использованных источников и литературы, ряд приложений.

Глава 1. Гибридная война как проблема международных отношений и национальная безопасность России

1.1. Сравнительный анализ исследовательских подходов к оценке состояния национальной безопасности современных государств в условиях гибридной войны

В подразделе рассматривается проблема состояния национальной безопасности России в условиях гибридной войны, для чего анализируется феномен гибридной войны как проблемы международных отношений, терминологический аппарат, проводится анализ подходов к изучению проблемы, определяются параметры и закономерности изменения института войны в условиях глобализации и трансформации внешнеполитического поведения ключевых мировых акторов в условиях становления полицентричного мирового порядка.

Феномен гибридной войны как тип конфликтного взаимодействия рассматривается в конфликтологическом ракурсе изучения международной политики. Соответственно, для изучения проблемы гибридных войн используются основные методологические подходы, применяемые для анализа политики: реализм, международно-политический либерализм, глобализм, системный анализ, конструктивизм и проч. Однако, и на это обращают внимание отечественные теоретики, произошла определенная адаптация указанных подходов и методов к проблематике войн и конфликтов, сложились специфические именно для этой сферы методологические подходы¹¹, например, группа концепций «справедливых войн», концепция «ответственность по защите» и др.

---

¹¹ Современная политическая наука. Методология: Научное издание / Отв. ред. О.В. Гоман-Голутвина, А.И. Никитин. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во «Аспект-Пресс», 2020. С. 653.

Настоящее исследование строится в рамках теории политического реализма (Фукидид, Н. Маккиавелли, Т. Гоббс, Д. Юм, К. фон Клаузевиц, Р. Нибур, Г. Моргентау, Э. Карр), основным постулатом которого является центральная роль государства в международных отношениях, представляющих собой непрекращающееся противоборство, вытекающее из конфликта национальных интересов. И если вплоть до эпохи модерна, мощь государства отождествлялась с его военной мощью, то в эпоху постмодерна, в которую вступил мир на рубеже XX-XXI веков, возможность проецировать силу отождествляется и с другими составляющими мощи государства – экономикой, идеологией, культурой, дипломатией, ИКТ и проч. Но при этом, политическая суть войны как институции не изменилась. Как указывал Г. Моргентау, «Политическая цель войны – не простой захват территорий либо разгром вражеской армии, а влияние на сознание противника, подчинение умов и сердец побежденных воле победителя»¹².

Ряд качественных и глубоких трансформаций в современной международно-политической системе имеет важные последствия для международной безопасности и национальной безопасности государств. Например, снижение эффективности и влияния международных межгосударственных организаций, повышение роли формально негосударственных структур, чья активность прямо и косвенно регулируется глобальными и региональными государствами-лидерами, эрозия международно-правовой основы современного мирового порядка, идеологизация международной политики, актуализация «права сильного», рост влияния фактора силы в мировой политике и проч. Эти последствия, трансформирующиеся в угрозы и вызовы государственности, наиболее эффективно анализируются инструментарием политического реализма, имеющего богатую теоретическую традицию.

---

¹² Моргентау Г. Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир. Нью-Йорк, 1948. С. 28.

Анализ феномена гибридной войны и проблема терминологии. Понятие «гибридная война» вошло в научный оборот сравнительно недавно и в течение последних нескольких лет было достаточно скрупулезно разработано и концептуализировано прежде всего в военном и разведывательном сообществах. Хотя многие авторы указывают на неоднозначность этого понятия и его «неоперациональность»¹³. Сохраняется весьма обширный круг спорных и нерешенных вопросов, касающихся как содержательных, так и сугубо функциональных аспектов феномена гибридной войны. Ответы на эти вопросы могут быть получены в результате более глубокого осмысления сложных аспектов проблемы в рамках научных подходов с использованием актуального аналитического инструментария.

Гибридная война как объект научного интереса является продуктом интеграции научно-теоретических и сугубо прикладных моделей, технологий и решений, при этом каждая из названных сфер взаимно обогащают и дополняют друг друга. В результате возникает возможность синтезировать продукт экономической, политической и, прежде всего, военной науки в проекции к специальному объекту исследования. Более того, специфика «гибридной войны» позволяет активно задействовать соответствующие разделы исторического знания в диапазоне от «Большой Игры» (по сути модель конфликтного взаимодействия Российской и Британской империй в XIX – начале XX столетий) до специфических технологий ведения пропаганды и контрпропагандистских операций (так, Э. Карр уделял особое внимание контролю над общественным мнением, рассматривал пропаганду в качестве ресурса международного влияния, связал возросшую роль информации в международных отношениях, увязав эту составляющую с военными и экономическими вопросами¹⁴). С другой стороны, при анализе характерных черт гибридного противоборства важно учитывать, что и сама практика организации, обеспечения и реализации военных действий

---

¹³ Чижевский Я. А. Развитие военно-политического дискурса: представляем неологизмы «асимметричный конфликт» и «гибридная война» // Политическая наука. 2016. №2. С. 269-283.

¹⁴ Carr E. The Twenty Years' Crisis. L.: Palgrave, 2001. P.120-130.

такого типа интегрирует решения, которые стали доступными и возможными вследствие развития новых технологий, коммуникативного пространства, организации информационного поля и пр.

Формирование типологии войн нового типа сопровождается терминологической неопределенностью. Последнее связано с взаимопроникновением продуктов научной мысли российского, американского, европейского военных сообществ. Например, один и тот же тип войн обозначается посредством разных терминов (классический пример – «инсургентская война» и «партизанская война»). Или, например, по-разному классифицируются нерегулярные скрытые боевые действия специальных военных формирований (ССО, ССН и пр.) в преддверии, на начальном этапе или в качестве сопровождения регулярных военных операций.

Впервые термин «гибридная война» был представлен в американской военной литературе. В 2002 г. У.Дж. Неметом в научной работе «Будущие войны и Чечня: пример гибридных боевых действий» указывалось: «В будущем возникнет необходимость бороться с угрозами асимметричных гибридных боевых действий. Необходимо помнить о том, что современные виды диверсионно-террористических тактик, будучи продолжением методов ведения войны до-государственными субъектами, становятся все более эффективными благодаря новейшим технологиям и современным методам мобилизации»¹⁵. Таким образом У.Дж. Немет понимает гибридную войну, прежде всего, как «современный вид партизанской войны», применяющей «новейшие технологии и методы мобилизации»¹⁶. Здесь важно отметить, что изначально рассматриваемое понятие было прочно встроено в контекст диверсионно-террористической активности. Несколько позже произошла проекция этих термина и понятия на другие формы вооруженных конфликтов.

---

¹⁵ Nemeth W.J. Future war and Chechnya: a case for hybrid warfare. Naval postgraduate school. Monterey, 2002. 100 p. URL: http://calhoun.nps.edu/bitstream/handle/10945/5865/02Jun_Nemeth.pdf?sequence=1 (дата обращения: 21.02.2021).

¹⁶ Nemeth W. J. Future War and Chechnya: A Case for Hybrid Warfare, Thesis, Naval Postgraduate School, Monterey, California, June 2002.

Военные специалисты в рамках научной дискуссии подчеркивают, что термин «гибридная война» является лишь одним из множества терминов, характеризующих «новые войны». К их числу можно отнести: «война управляемого хаоса», «войны третьего рода», «приватизированные войны», «мультивариантные войны», «комплексные военные действия»¹⁷. В. Овчинский, Е. Ларина в качестве одного из синонимов «гибридных войн» предлагают использовать термин «многомерные нелинейные войны», предлагая для этого соответствующее обоснование¹⁸. Научные дискуссии на российских площадках обозначили и другие подходы. Некоторыми исследователями обосновывается позиция, согласно которой «гибридные военные действия» и «гибридная война» – это два разных феномена, поскольку ведение военных действий – еще не война, а гибридная война – нечто качественно иное, нежели гибридные боевые действия, гибридная угроза и т.д.¹⁹ Анализируя эти позиции, В.К. Белозеров и А.В. Соловьев приходят к выводу о том, что в теоретическом плане более корректным является термин «гибридный конфликт», в пропагандистском же аспекте более эффективным остается – «гибридная война»²⁰. В этом контексте заслуживает внимания подход Я.А. Чижевского, обозначившего устойчивую когнитивную связь между «асимметричным конфликтом» и «гибридной войной»²¹. В.М. Родачин также отмечает асимметричный характер гибридной войны, т.к. «противоборство в ней ведется между государством и негосударственными субъектами, в военных силах которых имеется существенный дисбаланс (асимметрия) либо которые применяют кардинально

---

¹⁷ См. например, Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Изд-во Института Гайдара. 2015. С.378.

¹⁸ Ларина Е., Овчинский В. Пятое измерение войны // Завтра. 2 декабря 2013. URL: <http://www.zavtra.ru/content/view/pyatoe-izmerenievojny> (дата обращения: 20.02.2021).

¹⁹ См. подробнее: Гибридные войны XXI века. Материалы межвузовского круглого стола. 29.01.2015 г. 2015. М.: Изд-во ВУ. 310 с.

²⁰ Белозеров В.К., Соловьев А.В. Гибридная война в отечественном военном и политическом дискурсе // Власть. 2015. № 9. С.8.

²¹ Чижевский Я.А. Развитие военно-политического дискурса: представляем неологизмы «асимметричный конфликт» и «гибридная война» // Политическая наука. 2016. №2. С. 269-279.

различные стратегии и тактику»²². Эти же черты характеризуют и невоенную область противоборства. Таким образом, гибридная война – это «вооруженный конфликт, осуществляемый сочетанием невоенных и военных средств с их синергетическим эффектом»²³. В целом, однако, следует отметить, что понятие «гибридная война» все же не тождественно понятию «асимметричная война» и имеет более сложный характер. Тем не менее, в российском политическом дискурсе достаточно прочно утвердился термин «гибридная война», а не термины «гибридное противостояние» и «гибридный конфликт».

В специальной литературе достаточно часто встречаются формулировки, сопряженные с морально-этическими категориями, что отсылает нас к разработкам реалиста Р. Нибура²⁴. Как правило, подобные формулировки представлены в работах западных исследователей. Так, например, Франк Ван Каппен, бывший советник НАТО, предлагает следующую дефиницию: «Гибридная война – это смешение классического ведения войны с использованием нерегулярных вооруженных формирований. Государство... совершает сделку с негосударственными исполнителями – боевиками, группами местного населения, организациями, связь с которыми формально полностью отрицается... Вся грязную работу можно переложить на плечи негосударственных формирований»²⁵. Определение гибридной войны с использованием этических категорий было предложено заместителем генерального секретаря НАТО А. Вершбоу: «Гибридная война – это сочетание военной угрозы, скрытой интервенции, тайной поставки оружия и систем

---

²² Родачин В.М. Гибридные войны и обеспечение национальной безопасности России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т.9. №4 (40). С. 95.

²³ Hybrid warfare: A new phenomenon in Europe's security environment. Praha; Ostrava: Published by Jagello 2000 for NATO Information Centre in Prague; 2015. №. 8.

²⁴ Niebuhr R. Ideology and the Scientific Method // R.B. McAfee (ed.). The Essential Reinhold Niebuhr: Selected Esseys and Addresses. New Haven: Yele University Press, 1968; Idem. The Irony of American History. Chicago: The University of Chicago Press, 2008; Idem. Moral Man and Immoral Sosity: A Study of Ethics and Politics. Louisville: Westminster John Knox Press, 2001.

²⁵ Цит по: Захаров М. «Гибридная война» в степях Украины: Кто сделал первый выстрел? // Мир и политика. М., 2014. 21 мая. URL: <http://mir-politika.ru/13626-gibridnaya-voyna-v-stepyah-ukrainy-kto-sdelal-pervyy-vystrel.html> (дата обращения: 20.02.2021).

вооружения, экономический шантаж, дипломатическое лицемерие и манипуляции в средствах массовой информации с прямой дезинформацией»²⁶.

Если оставить за рамками анализа идеологическую и эмоциональную составляющие, то неизбежно обращают на себя внимание формулировки, содержащие сущностные характеристики гибридной войны как современного феномена. Так, например, Андис Кудорс, представитель Центра восточно-европейских политических исследований (Centre d'études politiques est-européennes, Латвия), будучи соавтором информационной записки «Гибридная война: новый вызов Европе», предложил следующую дефиницию: «Гибридная война – это конфликт, связанный с наличием внутренних или внешних угроз для какой-либо страны, в которой одновременно применяется несколько типов ведения военных действий: обычные вооруженные силы, тактика нерегулярных вооруженных формирований, а также нелегитимные действия, нацеленные на дестабилизацию ситуации»²⁷. А. Рац в докладе «Гибридная война России на Украине: лишая противника возможности оказывать сопротивление» выводит понятие «гибридная война» на более высокий уровень. По его мнению, гибридная война – это комплекс мер военного и невоенного характера с применением дипломатических, экономических, политических, социальных, информационных и военных средств²⁸. Натан Фриер, научный сотрудник Центра стратегических и международных исследований (США), определяет ее как «противоборство, в котором хотя бы одна сторона использует два из четырех существующих методов войны (традиционная война, иррегулярная война, терроризм, разрушительные технологии)»²⁹. Редактор *Global Security Review*

---

²⁶ Vershbow A. Speech by NATO Deputy Secretary General Ambassador Alexander Vershbow at the Interparliamentary conference on CFSP/CSDP. Riga, 2015. 5 March. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_117919.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 20.02.2021).

²⁷ Kudors A. Note d'information. Guerre hybride: un nouveau défi de sécurité pour l'Europe. 2015. URL: <http://www.parleu2015.lv/files/cfsp-csdp/wg3-hybrid-war-backgroundnotes-fr.pdf> (дата обращения 20.08.2020).

²⁸ Racz A. Russia's hybrid war in Ukraine breaking the enemy's ability to resist // FIIA Report 43. Helsinki, 2015. № 101. URL: <http://stratcomcoe.org/andras-racz-russias-hybrid-war-ukraine-breaking-enemys-ability-resist> (дата обращения 20.08.2020).

²⁹ Frier N. Hybrid Threats and Challenges: Describe... Don't Define. URL: <http://smallwarsjournal.com/blog/journal/docs-temp/343-freier.pdf>. (дата обращения 20.08.2020).

Джошуа Стоувелл, указывает, что «термин «гибридная война» описывает стратегию, использующую обычную военную силу в сочетании с действиями иррегулярных сил и с тактикой кибервойны»³⁰. Российский политолог И. Панарин предлагает следующую формулировку: «Гибридная война – совокупность методов военно-силового, политико-дипломатического, финансово-экономического, информационно-психологического и информационно-технического давления, а также технологий цветных революций, терроризма и экстремизма, мероприятий спецслужб, формирований сил специального назначения, сил специальных операций и структур публичной дипломатии, осуществляемых по единому плану органами управления государства, военно-политического блока или ТНК. Цели гибридной войны – полная или частичная дезинтеграция государства, качественное изменение его внутри- или внешнеполитического курса, замена государственного руководства на лояльные режимы, установление над страной внешнего идеологического и финансово-экономического контроля, ее хаотизация и подчинение диктату со стороны других государств или ТНК»³¹. Данные формулировки, как представляется, являются вполне содержательными и определяют сущность и, в обобщенном виде, типологию приемов (форм ведения) гибридной войны.

Однако целесообразно выделить признак, который, как видится, мог бы способствовать терминологическому разграничению двух типов войны – тотальной и гибридной. Для этого необходимо опереться на формулировку, предложенную Ш. Ферстером: «Суть тотальной войны – сознательное втягивание гражданских лиц в военные действия»³². Ключевые понятия здесь – «тотальная война», «гражданские лица» (т.е. – некомбатанты), «военные действия». Известно, что в современных вооруженных конфликтах активно

---

³⁰ Joshua Stowell What is Hybrid Warfare? // Global Security Review. 2018 (Aug.1).

³¹ Панарин И. Гибридная война против России (1816-2016 гг.). М., 2016. С.212.

³² Ферстер Ш. Тотальная война. Концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861–1945 гг. // Россия и война в XX столетии. Взгляд из удаляющейся перспективы. Материалы международного интернет-семинара. М., АИРО. 2005. С. 26.

задействованы как комбатанты, так и некомбатанты. В подобных случаях, как правило, речь идет о локальных боевых действиях, а не о тотальных войнах в прямом смысле этого термина. Соответственно, глобальность либо локальность в проекции к вооруженному противостоянию сторон могут на терминологическом уровне разграничить войну в классическом смысле этого слова и войну гибридную. Разумеется, с учетом критерия многофункциональности применяемых технологий, не связанных напрямую с боевыми действиями (санкционно-экономические, пропагандистско-информационные, социально дестабилизирующие – например, так называемые «цветные революции» и пр.).

Анализ подходов к изучению феномена гибридной войны показывает, что отечественная научная мысль отнюдь не развивалась в фарватере зарубежных исследований. В феврале 2013 г. в профильных российских СМИ вышла концептуальная статья начальника ГШ ВС РФ В. Герасимова «Ценность науки в предвидении» с подзаголовком «Новые вызовы требуют переосмыслить формы и способы ведения боевых действий»³³. Эта публикация стала результирующей частью доклада начальника ГШ ВС РФ на тему «Основные тенденции развития форм и способов применения ВС, актуальные задачи военной науки по их совершенствованию», сделанного на заседании Академии военных наук. В. Герасимов в докладе указал на качественные изменения в природе современных конфликтов, внедрение нестандартных приемов и асимметричных действий, стирание различий между стратегическим, оперативным и тактическим уровнем, наступательными и оборонительными действиями и проч. Здесь же В. Герасимовым была представлена следующая схема (*Рис. 1.1*), иллюстрирующая роль невоенных методов при разрешении межгосударственных конфликтов:

---

³³ Герасимов В. Ценность науки в предвидении // Военно-промышленный курьер. 26 февраля 2013.

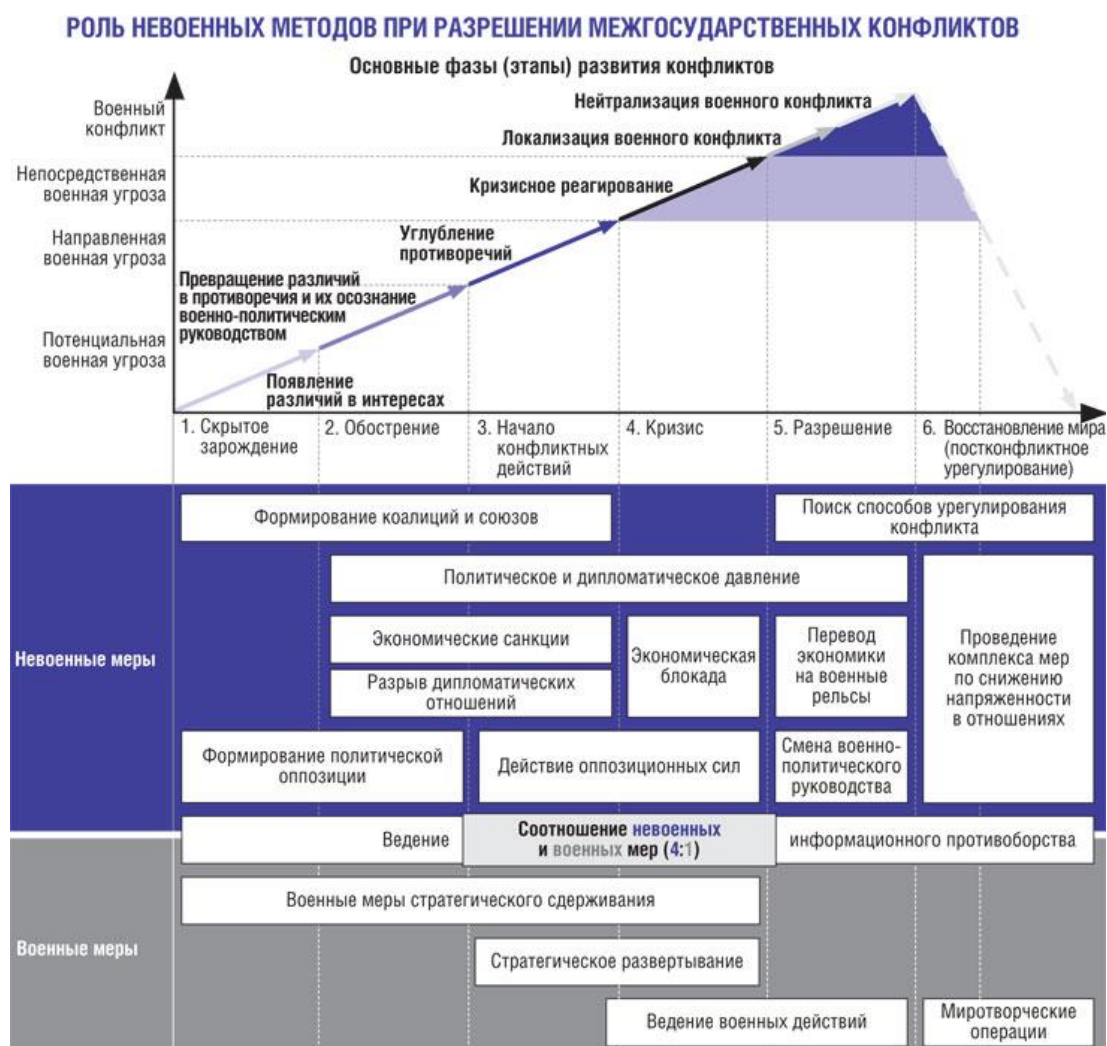

Рис. 1.1. Роль невоенных методов при разрешении межгосударственных конфликтов (составлено В. Герасимовым).

Несомненно, выступление начальника ГШ ВС РФ В. Герасимова следует рассматривать как результат глубокой научной разработки теории гибридной войны, сочетающей как военные, так и невоенные меры, участие объектов, являющихся комбатантами и не являющимися таковыми согласно международному праву, преследующей широкий спектр целей и располагающей столь же широким спектром технологических решений (Рис. 1.2).

Рис. 1.2. Изменение характера вооруженной борьбы в современных условиях (составлено В. Герасимовым).

Кроме того, доклад начальника ГШ ВС РФ и публикация статей в профильных СМИ означало не просто осознание того факта, что Россия находится в состоянии гибридной войны, но и концептуализацию этого явления в российской парадигме военной мысли с целью последующей выработки инструментов противодействия. И это неспроста. На западе гибридная война к тому моменту прошла много этапов концептуализации.

В США в 2005 г. экс-глава Пентагона генерал Дж. Мэттис и полковник Ф. Хоффман опубликовали статью «Будущее ведение войны: восход гибридных войн». Ф. Хоффман, сформулировавший классическую концепцию гибридной войны, характеризует многомерность гибридной войны в терминах мультимодальности – многообразия и разнородности применяемых способов и средств ее ведения, «которые оперативно и тактически направлены и координируются в рамках основного боевого пространства для достижения синергетических эффектов», многовариантности режимов ведения и

мультиузлового характера войны³⁴. Экс-министр обороны США Р. Гейтс описывал «гибридные сценарии военных действий», в которых сочетается «смертоносность вооруженных конфликтов между государствами с фанатичным и неослабевающим рвением экстремистов, ведущих нетрадиционные боевые действия». В этих условиях наступают «такие войны, в которых продукция «Майкрософт» сосуществует с мачете, а технология «Стелс» соседствует с камикадзе»³⁵. Эти исследования, видимо, следует считать одними из первых в современной историографии военной науки, посвященных собственно теории гибридной войны.

Российские специалисты вполне обоснованно полагают, что термин «гибридная угроза» и другие вариации использования прилагательного «гибридный» являются продуктом американской корпорации РЭНД (RAND Corporation) или иной американской «фабрики мысли», деятельность которых становится все более идеологически ангажированной³⁶. Отметим, что именно корпорация РЭНД ранее ввела в оборот ряд новых терминов, утвердившихся в экспертной и научной практике, в том числе термин «информационная война». Это понятие к настоящему времени прижилось и активно используется в военно-политическом дискурсе.

В 2010 г. рабочая группа НАТО (Planification stratégique & Concept) предложила следующее определение термина «гибридная угроза»: это угроза, созданная реальным или потенциальным противником (государством, негосударственной организацией или террористами), которая заключается в реализованной или предполагаемой возможности одновременного применения традиционных и нетрадиционных военных методов для достижения своих целей³⁷. И в этом же году в концепции НАТО, получившей название «NATO's

---

³⁴ Hoffman F. Conflict in the 21st Century: the Rise of Hybrid Wars; 2007. P. 28.

³⁵ Калдор М.. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Изд-во Института Гайдара. 2015.

³⁶ Белозеров В.К., Соловьев А.В. Гибридная война в отечественном военном и политическом дискурсе // Власть. 2015. № 9. С.6.

³⁷ Гейтс Р. 2009. Сбалансированная стратегия // Россия в глобальной политике. 2009. № 2. С. 26.

Bi-Strategic Command Capstone Concept», гибридные угрозы были определены как угрозы, создаваемые противником, способным одновременно адаптивно использовать традиционные и нетрадиционные средства для достижения собственных целей³⁸.

В 2012 г. историк Вильямсон Мюррей (историк) и военный специалист Питер Мансур публикуют фундаментальный труд «Гибридные военные действия: борьба с комплексным оппонентом с древних времен и до наших дней»³⁹. Это исследование стало еще одним шагом к теоретическому осмыслению концепции гибридной войны и, несомненно, во многом повлияло на концептуальные положения официальных военных доктрин США и НАТО, принятых несколько позже.

В 2014 г. произошли исторически значимые события по возвращению Крыма в состав России. Технология проведенной операции не только вызвала неимоверный интерес западных военных специалистов, но и инициировала увязывания феномена гибридной войны непосредственно с действиями России в новых геополитических реалиях. Военные эксперты в публикациях в электронном журнале НАТО *Revue del' OTAN magazine* в этот период практически единодушно отмечают, что международные организации, подобные Североатлантическому альянсу, не знают, как адаптироваться к новому типу агрессии, названному гибридной войной⁴⁰. В одном из своих выступлений генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг подчеркнул, что «гибридная война охватывает широкий перечень различных типов военных действий... Этот термин используют для описания сочетания военных и невоенных средств, скрытых и открытых операций... Это комбинация различных гражданских и военных приемов. ...Примером «гибридной войны» являются действия России,

---

³⁸ NATO's Bi-Strategic Command Capstone Concept. 19.01.2010. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_82705.htm (дата обращения: 12.01.2021).

³⁹ Williamson M., Mansoor P.R. Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present, Cambridge: Cambridge University Press. 2012.

⁴⁰ La guerre hybride et le choix de la riposte. URL: <http://www.nato.int/docu/review/2014/Russia-UkraineNato-crisis/Russia-Ukraine-crisis-war/fr/index.htm> (дата обращения: 20.08.2020).

приведшие к «аннексии Крыма», а также ее действия в Донбассе»⁴¹. В итоговой декларации Саммита НАТО, состоявшегося в Шотландии в сентябре 2014 г., впервые на официальном уровне было заявлено о необходимости готовить Североатлантический альянс к участию в войнах нового типа – гибридных войнах.

Особый интерес представляет «Белая книга» по противодействию нетрадиционным (unconventional) войнам, опубликованная командованием специальных операций сухопутных войск в сентябре 2014 г., где крымские события рассматриваются сквозь призму гибридных войн. В «Белой книге» гибридная война определена как «комбинирование традиционных, иррегулярных и асимметричных средств для непрерывной манипуляции политическим и идеологическим конфликтом»⁴². В документе вводится уточнение, связанное с гибридной войной России против Украины. Подготовка специальной операции проводилась на общегосударственном уровне, что означает комбинирование дипломатических, информационных, экономических, финансовых и правовых инструментов⁴³.

Таким образом, после событий 2014 г., связанных с воссоединением Крыма с Россией, в концептуальном плане государство стало рассматриваться как один из субъектов гибридной войны. Причем в качестве субъекта, располагающего преимуществом по сравнению с негосударственными субъектами гибридного военного взаимодействия. В частности, речь идет о том, что государство может включить политические методы борьбы в свой арсенал гибридных методов и средств и действовать в «серой зоне» между миром и войной таким образом, чтобы скрывать свое участие в конфликте⁴⁴.

---

⁴¹ Цит. по: Полунин А. НАТО: курс на гибридную войну. Что дает альянсу новая стратегия борьбы с Россией? // Свободная пресса [Сайт]. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/137300/> (дата обращения: 12.02.2021).

⁴² Counter-Unconventional Warfare. White paper. URL: <https://info.publicintelligence.net/USASOC-CountenconventionalWarfare.pdf> (дата обращения: 12.02.2021).

⁴³ Там же.

⁴⁴ Bachmann S. D., Gunneriusson H. Russia's hybrid war in the East: the integral nature of the information sphere. Georgetown Journal of International Affairs. 2015; Fall.

В опубликованной Пентагоном 1 июля 2015 г. Национальной военной стратегии США (The National Military Strategy of the United States of America 2015)⁴⁵ раскрытие содержания понятия «гибридная война» осуществляется также посредством устойчивой связки с Российским государством. В документе вызывает интерес следующее: «Существует область конфликта, в которой пересекается государственное и негосударственное насилие. Его участники объединяют и смешивают методы, силы, средства и ресурсы, чтобы достичь своих целей. В таких «гибридных» конфликтах могут участвовать военные, отрицающие свою причастность к государству, как это сделала Россия в Крыму»⁴⁶. Согласно тексту Стратегии, «в гибридных конфликтах могут также участвовать государственные и негосударственные игроки, совместно добивающиеся общих целей и применяющие богатый арсенал оружия, что мы наблюдаем на востоке Украины. Гибридные конфликты обычно усиливают неопределенность и двойственность, усложняют принятие решений и замедляют взаимодействие, направленное на осуществление эффективных ответных действий»⁴⁷.

В конце 2015 года в российских средствах массовой информации появились сообщения о том, что в декабре 2015 г. на саммите министров иностранных дел стран НАТО была принята новая стратегия ведения гибридной войны⁴⁸. Этим новостям предшествовал доклад, принятый 10 октября 2015 года на Парламентской ассамблее НАТО «Hybrid Warfare: NATO's New

---

⁴⁵ The National Military Strategy of the United States of America 2015. URL: http://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/2015_National_Military_Strategy.pdf (дата обращения: 21.08.2020).

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ НАТО приняла стратегию против гибридных войн. 02.12.2015 // NewsLand. [Сайт]. URL: <https://newsland.com/user/4296735949/content/nato-priniala-strategiiu-protiv-quotgibridnykh-voinquot/4854888> (дата обращения: 14.01.2021); Столтенберг: главы МИД НАТО одобряют новую стратегию гибридной войны. 30.11.2015 // РИА Новости. [Сайт]. URL: <https://ria.ru/20151130/1332861135.html?ysclid=lrhrp2gd47737885491> (дата обращения: 14.01.2021); Полуниин А. НАТО: курс на гибридную войну. Что дает альянсу новая стратегия борьбы с Россией? // Свободная пресса [Сайт]. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/137300/> (дата обращения: 12.02.2021); Will hybrid warfare doctrine draw NATO and Russia further apart? 08.12.2015 // РБК. [Сайт]. URL: https://www.rbth.com/international/troika/2015/12/08/will-hybrid-warfare-doctrine-draw-nato-and-russia-further-apart_548775 (дата обращения: 14.01.2021).

Strategic Challenge?»⁴⁹. По словам генерального секретаря НАТО Йенса Столтенберга, суть новой стратегии базируется на «трех китах: подготовка, сдерживание и оборона». Среди ответов на гибридные угрозы, кроме улучшения в работе разведывательных служб и обмене развединформацией, значится также возможность применения специальных сил быстрого реагирования⁵⁰. Эта Стратегия предполагает доминирование тоталитарной пропаганды и нацелена на дезинтеграцию евразийского пространства, создание хаоса и нестабильности в соседних с Россией государствах с использованием технологий «цветных революций», информационной войны, терроризма и экстремизма, финансово-экономического давления, военно-силового принуждения. Имеет смысл отметить, что технология т.н. «цветных революций» появилась и получила практическую реализацию гораздо раньше, однако именно в этом документе она была формализована. В том же году американский политический обозреватель Эндрю Кобылко сформулировал новую парадигму понимания системы международных отношений. По его мнению, гибридная война – это американская стратегия, главной скрытой целью которой является препятствие построения многополярной системы международных отношений путём внешнего провоцирования конфликтов идентичности (этнической, религиозной, региональной, политической и т.д.) в государстве-мишени переходного типа. Целями американской стратегии «гибридных войн» являются интеграционные проекты России и Китая⁵¹.

Командование США и НАТО последние годы активно внедряют разработки по ведению гибридного противоборства в военно-стратегические

---

⁴⁹ Hybrid Warfare: NATO's New Strategic Challenge? General Report. 10.10.2015 // NATO Parliamentary Assembly. [Официальный сайт]. URL: <https://www.nato-pa.int/download-file?filename=sites/default/files/documents/2015%20-%20166%20DSC%2015%20E%20BIS%20-%20HYBRID%20WARFARE%20-%20CALHA%20REPORT.docx> (дата обращения: 14.01.2021)/

⁵⁰ Столтенберг: главы МИД НАТО одобряют новую стратегию гибридной войны. 30.11.2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20151130/1332861135.html?ysclid=lrhrp2gd47737885491> (дата обращения: 14.01.2021)

⁵¹ Korybko A. Hybrid wars: The indirect adaptive approach to regime change. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. 2015.

документы⁵². Так, в 2017 г. в первом президентском меморандуме Д. Трампа по национальной безопасности «Перестройка ВС США» отмечается необходимость продолжить трансформацию ВС США как основного гаранта продвижения американских интересов с позиции силы, констатируется, что США должны готовиться к войнам нового поколения. В том же 2017 г. был разработан документ, посвященный перспективам строительства и развития Сил специальных операций на период до 2035 г. и на дальнейшую перспективу — концепция «ССО Сухопутных войск-2035», в котором отмечается, что военные конфликты будущего по своей сути будут гибридными, сочетающими действия группировок ВС, иррегулярных формирований, а также деятельность в информационном и киберпространствах⁵³. Позже Министерство обороны США начало разработку стратегии ведения военных действий на основе гибридных методов, ставшую известной в среде экспертов как «троянский конь» (использование «протестного потенциала пятой колонны» в интересах дестабилизации обстановки с одновременным нанесением ударов ВТО по наиболее важным объектам)⁵⁴.

Анализ стратегических документов США, указанных выше, а также ряда других⁵⁵, показывает, что Вашингтон рассматривает методы гибридной войны как востребованные на ближайшие десятилетия, поэтому необходимо

---

⁵² The Army Operating Concept (AOC): Win in a Complex World (2020-2040). 31.10.2014. TRADOC Pamphlet 525-3-1.

⁵³ Judson J. US Army Special Ops commander lifts curtain on 2035 strategy. // Defensenews [Сайт] URL: <https://www.defensenews.com/digital-show-dailies/sofic/2017/05/17/us-army-special-ops-commander-lifts-curtain-on-2035-strategy>. (дата обращения: 123.09.2020).

⁵⁴ Генштаб России объяснил суть американского «Троянского коня» 02.03.2019. // РИА Новости [Сайт]. URL: <https://ria.ru/20190302/1551501526.html> (дата обращения: 123.09.2020).

⁵⁵ FM 3-05.301. Psychological Operations Process Tactics, Techniques, and Procedures. Washington, Department of the Army, 2007. Available at: <https://info.publicintelligence.net/USArmy-PsyOpsTactics.pdf>; FM 3-05.130. Army Special Operations Forces Unconventional Warfare, Washington, Department of the Army. Available at: <https://fas.org/irp/doddir/army/fm3-05-130.pdf>; Quadrennial Defense Review Report. Washington, Department of Defense, 2010. Available at: <https://comw.org/qdr/fulltext/1002QDR2010.pdf>; FM 3-0. Operations. Washington, Department of the Army, 2017. Available at: <https://fas.org/irp/doddir/army/fm3-0.pdf>; FM 3-12. Cyberspace and electronic warfare operations. Washington, Department of the Army, 2017. Available at: <https://fas.org/irp/doddir/army/fm3-12.pdf>; Irregular Warfare. Joint Operating Concept. Washington, Department of Defense, 2007. Available at: https://www.globalsecurity.org/military/library/policy/dod/iw-joc_v1_2007.pdf; Hybrid Warfare. Briefing to the Subcommittee on Terrorism, Unconventional Threats and Capabilities. Committee on Armed Services, House of Representatives. September 10, 2010. Available at: <https://www.gao.gov/assets/100/97053.pdf> etc.

разрабатывать особую стратегию, позволяющую мобилизовать необходимые ресурсы в государственных масштабах, учитывая многоаспектность гибридного воздействия.

Таким образом, можно говорить о *трех существующих подходах к определению природы гибридной войны*.

Согласно *первому подходу*, гибридная война представляет собой совокупность враждебных действий одного государства в отношении другого, а также разнообразная военная, финансово-экономическая и общественно-политическая поддержка противников правящего режима⁵⁶.

Согласно *второму подходу*, гибридная война представляет собой сочетание вооруженных и невооруженных действий одного государства в отношении другого. Чаще всего этот подход подразумевает гибридный характер операций, в рамках которых военные действия сопровождаются, к примеру, информационными атаками (Косово). В рамках этого подхода используется определение гибридной войны Международного института стратегических исследований Military Balance, согласно которому «гибридная операция – это использование военных и невоенных инструментов в интегрированной кампании, направленной на достижение внезапности, захват инициативы и получение психологических преимуществ, использование дипломатических действий, масштабные и стремительные информационные, электронные и кибероперации, прикрытие и сокрытие военных и разведывательных действий в сочетании с экономическим давлением»⁵⁷.

Наконец, согласно *третьему подходу*, имеющему *комплексный* характер, определение гибридной войны складывается из ключевых особенностей обоих подходов. Речь идет о совокупности разнообразных невооруженных враждебных действий с ограниченным использованием, при необходимости,

---

⁵⁶ Williamson M., Mansoor P.R. Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present, Cambridge: Cambridge University Press. 2012.

⁵⁷ Кучинская М.Е. Феномен гибридизации современных конфликтов: отечественный и западный военно-политический дискурс // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 6. С. 122-143. URL: <https://riss.ru/bookstore/journal/2018-g/6-51/>,

вооруженных сил специального назначения; сочетание мультимодальных и многовариантных действий и конфликтов (именно этого подхода придерживается НАТО⁵⁸).

Особняком стоит понимание гибридной войны как атрибута глобальных изменений в современной системе международных отношений, представляющей собой способ противодействия устоявшимся центром силы (США) новым и нарождающимся центрам силы (Китай, Россия) и их интеграционным проектам с целью сохранения доминирующего положения (однополярной структуры мироустройства).

Таким образом, к способам ведения гибридной войны можно отнести: политическое давление на международной арене; экономические санкции; информационные войны; кибервойны; деятельность спецслужб на территории противника, спонсирование оппозиции, сепаратистов⁵⁹, а также террористических организаций, действия, направленные на повышение уровня преступности (например, наркоторговли и торговли оружием, людьми, вовлечение несовершеннолетних в преступный бизнес и т. д.)⁶⁰.

Рассуждая о природе гибридных войн, необходимо определиться с терминами, используемыми в настоящем исследовании. Здесь важно иметь в виду, что терминологический аппарат в рамках изучения феномена гибридных войн еще не устоялся. С этим обстоятельством связано то, что специалисты используют «смежные» понятия как взаимозаменяемые, что часто приводит к различному пониманию тех или иных суждений. Терминологический анализ научной и экспертной литературы позволил прийти к выводу о целесообразности использования в настоящей работе следующих терминов и

---

⁵⁸ The Secretary General's Annual Report 2018; Hunter E., Pernik P. The Challenges of Hybrid Warfare, 2015. Tallinn: International Centre for Defence and Security URL: https://icds.ee/wp-content/uploads/2013/Eve_Hunter_Piret_Pernik_-_Challeng-es_of_Hybrid_Warfare.pdf; Countering Hybrid Warfare: Conceptual Foundations and Implications for Defence Forces. 2019 и др.

⁵⁹ Коданева С.И. «Гибридные угрозы» безопасности России: выявление и противодействие // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т.13. №2. С. 46-47.

⁶⁰ Панова А.В. Национальное сознание и правосознание в условиях информационной экономики. Владимир: АРКАИМ. 2019.

понятий (все обозначенные ниже понятия используются для акцентирования различных сторон, аспектов, этапов гибридного противоборства/гибридных конфликтов).

Поле боя – место ведения боевых действий, площадь которого определяется глубиной боевых порядков и протяженностью линии соприкосновения противоборствующих сторон на театре военных действий (ТВД).

Боевые действия – это организационное применение сил и средств для выполнения боевых задач частями, соединениями и объединениями родов войск.

Военные действия — это организованное применение вооруженных сил государства для выполнения поставленных задач. Противоборство сторон в войне (т.е. ведение войны на стратегическом уровне). Совокупность военных операций, объединённых общей целью, называется военной кампанией.

Театр военных действий (ТВД) – предполагаемые территории и пространства ведения военных действий двух и более государств.

Гибридный конфликт – скоординированное применение военных и невоенных мер, ограниченных по территории и целям.

Гибридная агрессия – вид наступательной стратегии, нацеленной на уничтожение государства-жертвы, политического строя или его территории и непременно является частью гибридной войны.

Гибридная угроза – это возможное применение против государства гибридных воздействий военного и невоенного характера, угрожающих национальной безопасности и существованию государства.

Ассиметричная война – это комплекс мер несимметричного воздействия на государство агрессора или более сильного противника для подавления его политической воли, ведения войны или конфликта.

Вооруженный конфликт – это действия по разрешению национально-этнических, религиозных и иных противоречий с применением средств вооруженного насилия, при которых государство не переходит в особое

состояние, определяемое как война, и не вводит режим военного положения в стране или на части ее территории, а вооруженная борьба не выходит за пределы операционного направления. К вооруженным конфликтам относятся различные военные инциденты, военные акции и др. военные столкновения ограниченного масштаба (низкой интенсивности) с применением иррегулярных или регулярных вооруженных формирований. Особой формой вооруженного конфликта являются приграничные конфликты. Опасность вооруженного конфликта заключается в том, что они могут превращаться в военные конфликты различной интенсивности и с применением различных видов оружия, в т.ч. оружия массового поражения. Вооруженный конфликт в отличие от военного конфликта не имеет обязательно столкновение регулярных армий двух и более государств.

Военный конфликт – это форма разрешения межгосударственных или внутригосударственных противоречий с двухсторонним использованием военного насилия. Понятие военный конфликт охватывает все виды вооруженного противоборства в социально-политических целях, включая мировые, региональные, локальные войны и вооруженные конфликты. В современном международном праве термины «военный конфликт» и «война» употребляются как синонимы. Но в авторском определении в рамках настоящего исследования он стоит на ступень ниже гибридной войны, являясь её составной частью и на ступень выше чем гибридный и вооруженный конфликты.

Вооруженная борьба – это простое или расширенное противоборство вооруженных субъектов, реализующие противоположные цели с применением оружия во всех доступных человечеству средах и сферах (в опоре на определения понятий «военные действия», «вооруженный конфликт», «военный конфликт»).

Информационное противоборство – это целевое воздействие на информационную среду противоборствующей стороны (информационная среда, являясь системообразующим фактором во всех видах национальной

безопасности, в тоже время представляет собой самостоятельный объект защиты). Через целевое воздействие на информационную среду реализуются угрозы национальной безопасности в различных сферах человеческой жизнедеятельности:

- в политической сфере происходит психологическое воздействие на общество и личность и формируются реакции на происходящие процессы;
- в экономической сфере – влияние на достоверность, формирование эффекта «запаздывания» и незаконное использование экономической информации;
- в военной сфере – влияние на качество добываемой разведывательной информации, дезинформация, проникновение и перехват ИРИ и т.д.;
- в духовной сфере – борьба за смыслы, ценности, навязывание идеологием и т.д.

Физическая среда борьбы – это качественное пространство, в котором осуществляется и реализуется борьба противостоящих сторон.

Сфера борьбы – это сфера человеческой жизнедеятельности в которой происходят процессы конфронтации и противоборства сторон, как в реальном, так и виртуальном пространстве.

Итак, сравнительный анализ определений феномена гибридных войн, а также смежных понятий, подходов к изучению гибридных войн показал следующее. Работы западных специалистов не отражают всей сложности этого феномена, а зачастую в принципе вводят в заблуждение своих коллег-политологов и военных специалистов из тех стран, с которыми гибридное противоборство ведется или планируется вестись в обозримой перспективе. В свою очередь, подходы к анализу, видение и оценка отечественных специалистов феномена гибридной войны зачастую не соответствует реальному положению дел, что объясняется не только известным отставанием отечественных политологических разработок, но и объективным фактором различных исторических опытов стран и тем фактом, что российские специалисты находятся в пространстве, испытывающим на себе гибридную

агрессию (отсюда определенная «одномерность» видения проблемы). В результате, все это неизбежно сказывается на реальной политике обеспечения национальной безопасности, так как в нашей стране по инерции господствует линейное восприятие гибридных угроз безопасности.

Асимметричность гибридной войны и состав участников. Если максимально обобщить характерные черты войн всех шести поколений, то условно их можно представить следующим образом.

В войнах первого поколения участвовало большое количество живой силы (комбатантов), причем взаимодействие носило линейный характер (так, к примеру, действовали наполеоновские армии).

Пик войн второго поколения пришелся на события Первой мировой войны, когда исход противоборства зависел от возможности массированного использования огневой мощи.

Третье поколение войн ставило во главу угла метод блицкрига – когда вместо фронтовой атаки армия сосредотачивалась на маневре обхода и действий с тыла (было характерно для военных операций в ходе Второй мировой войны).

Характерной чертой войн четвертого поколения стало дальнейшее развитие децентрализованного подхода вплоть до полного отсутствия фронта как такового. Внимание противоборствующих сил сосредоточено на гражданском населении противника, проникновении вглубь территории и подавлении политической воли к сопротивлению.

К числу войн пятого поколения можно отнести использование методов, характерных для четвертого уровня, но с использованием новых технологий (беспилотные летательные аппараты, киберсредства и проч.), позволяющие атаковать гражданское население на территории страны противника удаленно, т.е. без прямого непосредственного взаимодействия представителей воюющих сторон.

Войны шестого поколения объединяют в себе характерные черты войн пяти предыдущих поколений и носят гибридный характер.

В литературе можно встретить и такую обобщенную классификацию войн:

- «Война 1.0» – противостояние регулярных армий и генеральных штабов, высокая концентрация войск, наличие прифронтовой зоны и тыла, цель – разгром живой силы противника и установление на территории лояльного режима (к числу войн такого типа можно отнести большинство классических войны XIX-XX вв.);

- «Война 2.0» или «гибридная война» – отсутствие единой линии фронта, сочетание армейских, диверсионных и партизанских действий, меньшее, чем прежде, внимание господству в воздухе (основоположником такого подхода считается вьетнамский генерал Во Нгуен Зиап, возглавивший военное сопротивление войскам США);

- «Война-3.0» или полифункциональная война – участие правительственных войск и некомбатантов (партизан, ополченцев и т.д.), сочетание с информационно-психологической и финансово-торговой войной (пример – гражданская война на Украине).⁶¹

Мартин ван Кревельд ввел в научный оборот термин «нетринитарные войны»,⁶² подчеркивая, что «они не укладываются в тройственную схему «правительство – армия – население». Вот эти вооруженные конфликты и становятся сегодня все более значимыми. Практически все войны, которые мощные с военной точки зрения государства вели после 1945 г., были войнами против партизан, герильи, инсургентов, террористов, борцов национального сопротивления. Все эти войны не могут быть отнесены к категории войн «по Клаузевицу». И практически все эти войны были проиграны государствами. «...Сильные страны, действуя конвенциональными методами, не могут победить в войнах нового типа, в войнах с партизанами, террористами, национальным

---

⁶¹ Война 3.0 // Невское время. 29 августа 2014.

⁶² См. подробнее: М. ван Кревельд. Трансформация войны. М., 2005. С.87-97. Комментируя позицию М. ван Кревельда, Р. Нудельман приводит статистику: «Историк Майкл Карвен анализирует 16 более или менее крупных военных конфликтов, в которых участвовала Великобритания после 1945 года. Двенадцать из них были нетринитарными. И в одиннадцати из этих двенадцати победа осталась на стороне неконвенционального противника. И другая статистика, из работы историка Лафлина: из 28 конфликтов, имевших место в 1990 году во всем мире, 23 были нетринитарными. Из 28 конфликтов в 1991 году нетринитарными были 25».

сопротивлением, с «противником без территории»⁶³. К сходному выводу, но следуя другой логике, приходит Т. Шеллинг. Рассматривая войну через призму теории игр и стратегии конфликта, он констатирует ключевую позицию – отказ от симметрии⁶⁴.

Описывая ключевые признаки гибридной войны, Джозеф Най указывает: «В целом ясен важный тренд: размывание границ военного фронта и гражданского тыла. Эта тенденция ускоряется из-за того, что войнам между странами приходят на смену вооруженные конфликты с участием негосударственных игроков, например, групп повстанцев, сетей террористов, боевиков, криминальных организаций. ...Еще больше запутывает ситуацию размывание границ между этими группами, причем некоторые из них даже получают государственную поддержку. Революционные вооруженные силы Колумбии – старейшая группа повстанцев в Латинской Америке – сформировала альянс с наркокартелями. Некоторые группы талибов в Афганистане и других странах поддерживают тесные связи с международными террористами из «Аль-Каиды». ...В гибридной войне обычная и нетрадиционная военная сила, военные и гражданские лица, физическое разрушение и информационное манипулирование оказываются плотно переплетены».⁶⁵

В полном соответствии с отказом от симметрии расширяется состав участников конфликтного взаимодействия. В качестве непосредственных и косвенных участников в настоящее время выступают государства, коалиции государств, правящие режимы, международные и региональные организации, оппозиционные и повстанческие движения, террористические и экстремистские группы, партии, группировки, незаконные воинские формирования и проч.⁶⁶ В числе некомбатантов подавляющее большинство представляют

---

⁶³ М. ван Кревельд. Эпоха войн нового типа // NOTA BENE. № 480, 18 июня 2006.

⁶⁴ Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М., 2007. С.325.

⁶⁵ Nye J.S., Jr. The future of power // Project-syndicate. FEB 5, 2015. № 3.

⁶⁶ Сабит Х., Хабиб. Характер современных локальных войн и вооруженных конфликтов в условиях многополярного мира. Дисс. ...кандидата исторических наук. М., 2003. С.178.

негосударственные субъекты, в частности, негосударственные военизированные структурами, применяющими насилие как *modus operandi*.

Даже если не разграничивать указанные субъекты на функциональные и обеспечивающие, очевидно, что акторы современных гибридных войн в своей деятельности комбинируют военные и невоенные технологии. Однако указанный *modus operandi* сохраняется, равно как и весьма обширный круг так называемых «сопутствующих жертв», т.е. мирного населения. В частности, таким образом, характеризуются «действия США и НАТО в комбинации с использованием экстремистов, бандформирований, террористов в Югославии, Афганистане, Ираке, Ливии, Ливане, Йемене, Сирии, Грузии, Украине»⁶⁷.

Целесообразно, по мнению Родачина В.М., выделять государственные и негосударственные гибридные войны. Государственные становятся комплексным инструментом агрессии против суверенных государств и направлены на международную изоляцию, дезорганизацию системы государственного и военного управления, экономику социальные институты, свержение легитимного правящего руководства – вплоть до проведения военно-силовой операции на грани войны и мира (в «серой зоне») с использованием высокоточных авиационных и ракетных ударов, сил специального назначения, вооруженных формирований негосударственных субъектов⁶⁸. В свою очередь негосударственные гибридные войны представляют собой экстремистскую и террористическую агрессию ультрарадикальных политических сил, их незаконных вооруженных формирований и несиловых компонентов, поддерживаемых извне, против конституционного строя, легитимного правительства и государственного руководства суверенного государства в интересах незаконного установления реакционного режима, подконтрольного «внешним управляющим»⁶⁹. Таким образом, подход В.М. Родачина в целом

---

⁶⁷ Родачин В.М. Гибридные войны и обеспечение национальной безопасности России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т.9. №4 (40). С. 97.

⁶⁸ Там же. С. 96-97.

⁶⁹ Там же. С. 97.

корреспондирует с современным подходом в конфликтологии, согласно которому все современные конфликты делятся на три основных вида: вооруженные конфликты (с участием государства хотя бы с одной стороны), негосударственные (конфликт между негосударственными субъектами, без участия государства), одностороннее насилие (организованные атаки на гражданское население со стороны государства или негосударственного игрока)⁷⁰.

Сторонники государственно-целевого подхода к изучению феномена гибридной войны отмечают, что современные войны такого типа ведутся государственными акторами, желающими изменить свой статус в системе международных отношений⁷¹. Ведение гибридной войны позволяет государствам достигать своих целей в обстоятельствах, когда есть риск развязывания ядерной войны или масштабной войны с применением обычных вооружения, или если существующие законы войны и глобальные нормы не допускают применения силы.

Для современного суверенного государства в условиях гибридной войны сложность ситуации заключается в необходимости принимать решение о проведении боевых действий в условиях, когда противник в принципе не является комбатантом в полном соответствии с нормами международного права. Еще сложнее действовать в ситуации, когда проявляются латентные формы военных конфликтов. Речь идет, прежде всего, о парамилитарных структурах любого генезиса. В ходе гражданской войны на Украине таковыми выступили так называемые «тербаты», «интернациональные бригады», «самостийные подразделения Правого Сектора». Современные вооруженные конфликты на практическом уровне спровоцировали появление таких понятий как «вежливые люди», «добровольцы», «отпускники» и проч.

---

⁷⁰ SIPRI. YEARBOOK. 2012. Armaments, disarmament and international security. Stockholm International Peace Research Institute. Oxford university press. 2012.

⁷¹ Попов П.В. Государственно-целевой подход к концепции гибридной войны // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т.8. №4 (29). С. 53.

Отдельно в научной литературе выделяется такая категория как «войны управляемого хаоса»⁷². Цель такой войны – геополитическое уничтожение государства-жертвы за счет резкого снижения уровня жизни и даже численности населения, уменьшение размеров территории, свержение легитимного правительства. В ходе войн такого типа используются механизмы «непрямых действий», в числе которых сценарии так называемых «цветных революций». За последние два десятилетия мировая общественность неоднократно наблюдала как, в соответствии с методическими рекомендациями по организации ненасильственного сопротивления запускаются (например, работа Дж. Шарпа «От диктатуры к демократии» или другие его работы⁷³), лежащими в основе сценариев «цветных революций», запускаются механизмы социальных волнений, массовых беспорядков и даже гражданской войны. Более того, инспирированные извне процессы социально-экономической и социально-политической деградации той или иной страны сопровождается резким всплеском насилия, уголовной преступности, бандитизмом. Так, множественные источники указывают на увеличение уровня преступности на Украине в 5-7 раз и возвращение криминальной ситуации к параметрам 1990-х годов⁷⁴.

Таким образом, учитывая указанное выше, можно констатировать следующие изменения института войны в условиях глобализации и трансформации внешнеполитического поведения ключевых мировых акторов: гибридизация войны, асимметричность, дегуманизация, приемлемость войны под лозунгами борьбы за права человека (морализация), роботизация.

Национальная безопасность в условиях гибридной войны. Сторонники теоретико-идеологического подхода к исследованию феномена гибридных войн

---

⁷² Попов И.М. Война управляемого хаоса в Сирии // Военная история и футурология [Сайт]. URL: <http://www.milresource.ru/Syria-Popov.html> (дата обращения: 14.10.2020).

⁷³ Шарп Дж. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения / Пер. с англ. Н. Козловской М.: Новое издательство, 2005; Шарп Дж. 198 методов ненасильственной борьбы // Albert Einstein Institution [Официальный сайт]. URL: <http://www.aeinstein.org/wp-content/uploads/2013/10/The-198-Methods-of-Nonviolent-Action-Russian-.pdf>. (дата обращения: 14.04.2021).

⁷⁴ В Украине вырос уровень преступности. 19.09.2014 // FORUM [Сайт]. URL: <http://for-ua.com/article/1055491> (дата обращения: 12.06.2021).

отмечают, что понимание «гибридных войн» и «гибридных угроз», ввиду отсутствия четкого единообразного определения сущности этих феноменов, «зависит от идеологического восприятия международных политических процессов и экспертной интерпретации отношений между Россией и Западом»⁷⁵. Можно утверждать, что данное утверждение может быть справедливым как в отношении гибридных войн, так и в отношении идеологического противостояния периода холодной войны.

Между тем, современные национальные государства по-разному реагируют на новые технологии военных конфликтов и локальных боевых действий. Так, Генеральный штаб Народно-освободительной армии Китая разработал стратегию «войны без ограничений», которая комбинирует электронные, дипломатические, экономические, кибернетические, террористические, пропагандистские инструменты для нарушения работы и истощения систем США. Дж. Най в одной из своих статей привел слова китайского военного чиновника: «первое правило войны без ограничений – в этой войне нет правил и ограничений»⁷⁶. Российские эксперты подчеркивают, что «в Пекине с 1946 года исходят из того, что третья мировая война неизбежна. ...Китайцы в своей военной доктрине честно признают, что в третьей мировой войне (когда бы она ни случилась, и кто бы ее ни начал) они будут воевать против технологически более оснащенного и продвинутого противника. И устранить это технологическое отставание в течение всего XXI века им не удастся, если только Европа, США и Россия не впадут в анабиоз»⁷⁷.

Еще в 2005 г. в США была обнародована Директива Министерства обороны № 3000 «Военное обеспечение операций по стабилизации, безопасности, переходным периодам и восстановлению», которая существенно расширила спектр действий вооруженных сил США за рубежом. В соответствии

---

⁷⁵ Егорченков Д.А., Данюк Н.С. Теоретико-идеологические подходы к исследованию феномена «гибридных войн» и «гибридных угроз»: взгляд из России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2018. №1. С 26.

⁷⁶ Най Дж. Будущее силы или о непредсказуемой эволюции войн 10.02.2015 // День. 2015. №21.

⁷⁷ Крутиков Е. Китай готовится к Третьей мировой войне // Взгляд. 26 мая 2015.

с данной Директивой операции невоенного характера рассматриваются в качестве основных для ВС США наравне с традиционными боевыми операциями. В декабре 2006 г. Армия США и Корпус Морской Пехоты США опубликовали совместное Руководство по борьбе с инсургентами⁷⁸. Данная методика учитывает опыт партизанских войн, в том числе опыт СССР в Афганистане.

К числу наиболее распространенных (и одновременно разработанных в теории) технологий гибридной войны следует отнести:

- «цветные революции» как технология конфликтной мобилизации;
- «серые зоны» и война в городах как технология боевых действий;
- диверсионно-террористическая активность;
- сетевые технологии в информационных операциях.

Наибольшую тревогу в настоящий момент вызывает проблема терроризма. Террористическая активность достаточно давно рассматривается в качестве малых или локальных войн, конфликтов малой интенсивности, партизанских или инсургентских войн и т.д. Речь о том, что терроризм является результатом трансформаций военных технологий. Таким образом, применение оперативно-боевых и войсковых действий в целях борьбы с терроризмом следует рассматривать не иначе как реакцию государства на смысловые модификации современного терроризма, изменение самих подходов к проблемам борьбы с терроризмом, стратегии и тактике снижения террористических рисков и угроз.

Схожим образом, с точки зрения национальной безопасности, оцениваются и кибер-угрозы. Информационная безопасность сегодня на нормативно-правовом уровне воспринимается и оценивается в геополитическом контексте, точнее – в контексте военно-политической безопасности суверенных государств и их объединений. В широкий оборот вошел не только термин

---

⁷⁸Insurgencies and Counterinsurgency Field Manual FM 3-24/MCWP 3-33.5 // Federation of American Scientists [Официальный сайт]. URL: <https://fas.org/irp/doddir/army/fm3-24.pdf> (дата обращения: 13.11.2020).

«кибер-преступления», но и «кибер-диверсии», «информационные войны» и т.д. Стало очевидным, что в современных условиях ее информационная составляющая вышла на первый план.

Аналогии можно провести с точки зрения духовной и социокультурной безопасности современных государств. Согласно подходу, в рамках которого гибридная война рассматривается как социокультурный феномен, гибридные войны имеют три вектора социокультурного влияния, «воздействуя на культурную идентичность, чувство патриотизма и сопричастности судьбе государства, а также духовные и материальные ценности народа»⁷⁹. Гибридную войну можно рассматривать в качестве вызова в рамках концепта «вызов-ответ» британского историка Арнольда Тойнби, характеризующего развитие цивилизаций как межцивилизационный диалог, включающий конкуренцию. Историческая ситуация обозначает перед конкретным обществом проблему («вызов») и дальнейшее развитие этого общества определяется выбором варианта решения проблемы («ответом»)⁸⁰.

Итак, современный этап развития международных отношений характеризуется возрастающим межцивилизационным и идеологическим противостоянием между Западом и Россией. Давление Запада на Россию и зону его непосредственного влияния представляет собой элемент стратегии гибридной войны Запада, нацеленной на дестабилизацию Евразии с целью устранения центра силы, способного предложить альтернативный американскому глобальный проект.

Генерал армии В. Герасимов, рассуждая в феврале 2016 г. об особенностях современных гибридных конфликтов, подчеркнул, что их неотъемлемой частью являются «цветные революции» и политика «мягкой силы». Он обратил внимание на то, что «непрямые и асимметричные действия и способы ведения гибридных войн позволяют лишить противоборствующую

---

⁷⁹ Коноплева А.А., Веремьев А.С., Чобитько С.П. Гибридная война как современный социокультурный феномен // Манускрипт. 2018. №7 (93). С. 86.

⁸⁰ Toynbee A.J. A study of history. Oxford, 1935.

сторону фактического суверенитета без захвата территории государства». Комментируя выступление В. Герасимова, И. Панарин обоснованно указывает, что военно-политический потенциал России должен вписаться в комбинацию «мягкой силы» и «жесткой силы». По его мнению, России важно эффективно «взаимодействовать со структурами публичной дипломатии, неправительственными организациями, международными институтами, которые используют рычаги политического, экономического и информационного влияния включая силы специальных операций»⁸¹.

Вопросы состояния национальной безопасности России в контексте гибридной войны получили свое развитие и в дальнейшем. 4 марта 2019 г. издание «Красная Звезда» опубликовало полный текст стратегического выступления В. Герасимова. В числе ключевых тезисов этого доклада фигурирует тезис о том, что основой российского ответа на гибридные угрозы является «стратегия активной обороны», которая с учётом оборонительного характера российской Военной доктрины предусматривает комплекс мер по упреждающей нейтрализации угроз безопасности государства⁸².

В этом контексте представляет интерес исследование, проведенное коллективом российских специалистов, обосновывающее теоретические и прикладные аспекты такого формата действий силовых структур в условиях гибридной войны как военно-полицейская операция⁸³. Указанная тема является сравнительно новой в общем дискурсе проблем борьбы с таким проявлением гибридной войны как терроризм. Контртеррористические действия обычно рассматриваются либо как точечные силовые операции, направленные на

---

⁸¹ Панарин И. Доктрина генерала Герасимова и Гибридная война 14.03.2019 // Деловой мир [Сайт]. URL: <https://gazeta-delovoy-mir.ru/2019/03/14/4639/> (дата обращения: 12.11.2020).

⁸² Герасимов В. Векторы развития военной стратегии // Красная Звезда. 4 марта 2019.

⁸³ Модестов С.А. О сущности и содержании понятия «военно-полицейская операция» // Организация сотрудничества компетентных органов государств - участников СНГ при проведении контртеррористических мероприятий: совместная военно-полицейские операции. Сборник статей / под общ. ред. Золотова В.В. - М.: Редакция журнала «На боевом посту», 2017; Кардаш И.Л. Военно-полицейская операция как форма применения войск (сил) при осуществлении мероприятий контртеррористического профиля (теория вопроса) // Организация сотрудничества компетентных органов государств - участников СНГ при проведении контртеррористических мероприятий: совместная военно-полицейские операции. Сборник статей / под общ. ред. Золотова В.В. - М.: Редакция журнала «На боевом посту», 2017.

пресечение террористических актов и задержание преступников, проводимые спецподразделениями органов безопасности, спецслужб и правоохранительных органов, либо как локальные операции, проводимые на ограниченных участках местности совместными силами воинских подразделений и спецподразделений компетентных органов с применением спецсредств, оружия и в необходимых случаях – вооружения. Современные же технологии, реализуемые международными террористическими организациями, меняют наше видение и оценку содержания, сил и средств, масштабов и интенсивности антитеррористических практик. Глава АТЦ СНГ Андрей Новиков подчеркивает: «Сегодня деятельность международных террористических организаций направлена на насильственное изменение конституционного строя сразу нескольких граничащих между собой государств, нарушение их территориальной целостности, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации, включая инспирирование «цветных революций». Как реальный результат деятельности международных террористических организаций в Ираке, Ливии, Сирии мир увидел уничтожение или нарушение функционирования военных и промышленных объектов, объектов жизнеобеспечения населения, транспортной инфраструктуры, устрашение населения, нарушения безопасности и устойчивости функционирования критической информационной инфраструктуры, и собственно говоря – уничтожение государства как такового. Значительная часть боевых действий международных террористических организаций разворачивается в городах и крупных населенных пунктах»⁸⁴.

Соответственно, задачи восстановления конституционного порядка в таких условиях потребуют не поэтапной реализации войсковых операций, вслед за которыми идет оперативно-боевая и оперативно-розыскная деятельность компетентных органов, а осуществления всего комплекса действий одновременно, на одной и той же территории. Совершенно не исключена

---

⁸⁴ Глава Антитеррористического центра СНГ: до 30% боевиков возвращаются на родину 03.12.2019. // ТАСС [Сайт]. URL: <https://tass.ru/interviews/7241907> (дата обращения: 12.11.2020).

необходимость проведения таких операций и за пределами национальной территории того или иного государства. Более того, подчеркивают специалисты, не исключена вероятность проведения такого рода масштабных операций совместными силами подразделений министерств обороны, органов безопасности, спецслужб и правоохранительных органов двух и более государств⁸⁵. Опыт боевых действий в Сирии показал, что такого рода сочетание функционала разных силовых структур будет включать в себя: сочетание разведывательных возможностей армии и оперативной работы спецслужб и органов внутренних дел; установление периметра «зоны ответственности» армейских подразделений армии и других силовых структур (в том числе - контроль воздушного пространства, береговых линий); охрана ключевых объектов инфраструктуры и дипломатических представительств и прочее вплоть до военно-медицинского и иного обеспечения.

Негативно на состоянии национальной безопасности сказывается и фактор внезапности, который геополитические оппоненты России ставят во главу угла, реализуя специальные действия и операции, например, в киберпространстве, где их крайне сложно выявлять в стадии вызова и прогнозировать их активность. Это касается и терактов, и активности иррегулярных формирований⁸⁶.

Становится очевидным, что система обеспечения безопасности использует свой адаптивный потенциал и продуцирует новые форматы противодействия гибридным угрозам, стремясь сохранить равновесное и стабильное состояние. Апробация новых форматов происходит пока в удаленных от России регионах (Сирия), либо в непосредственной близости от своих границ (Нагорный Карабах).

Вместе с тем, в экспертном сообществе сильны ожидания, связанные с расширением внешнеполитического инструментария, способного эффективно

---

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Бартош А.А. Фактор внезапности в гибридной войне и национальная безопасность России 10.11.2018 // Научно-исследовательский центр «Национальная безопасность» [Сайт]. URL: <https://nic-pnb.ru/voyny-konflikty-voennoe-stroitelstvo/faktor-vnezapnosti-v-gibridnoj-vojne-i-natsionalnaya-bezopasnost-rossii/> (дата обращения: 10.11.2020).

противодействовать технологиям гибридной войны. Эти ожидания обусловлены принятием общероссийским голосованием в 2020 году поправок в Конституцию Российской Федерации. Речь, в частности, идет о поправке, касающейся усилий России по поддержанию мира и безопасности. Согласно новой статье 79.1, «Российская Федерация принимает меры по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного сосуществования государств и народов, недопущению вмешательства во внутренние дела государства»⁸⁷.

Крайне важно изменить стратегическое видение современных проблем, связанных с гибридными войнами для эффективного стратегического планирования. В частности, в рамках определения границ гибридного противоборства. Как было показано выше, гибридное взаимодействие, являющееся нелинейным по своему характеру, предполагает многомерную реализацию различных типов активностей военного и невоенного типа. Следовательно, при оценке параметров будущих гибридных конфликтов специальные службы должны определить не только «где», «кто», «когда» и «как» начнет конфликт, но своевременно определять главное – какого типа будет конфликт и в какой форме он будет проходить, вероятность и уровень ущерба от действия тех или иных факторов.

Кроме того, указанные в этом подразделе проявления гибридной войны характеризуют противодействие со стороны США и в целом коллективного Запада тенденции формирования полицентричного мира (то есть борьбу за сохранение однополярного мира с ведущей ролью США)⁸⁸ как одну из актуальнейших проблем современных международных отношений. Схожесть проявлений недобросовестной конкурентной борьбы с нарождающимися

---

⁸⁷ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Официальный сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>

⁸⁸ Кобылко Э. Гибридные войны. Часть I: закон ведения гибридной войны 23.03.2016. // Международная жизнь. [Сайт]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/14929> (дата обращения: 11.11.2020).

центрами силы с уже определенными и описанными проявлениями гибридного противоборства Запада против России, последовательно выступающей за формирование полицентричного мироустройства⁸⁹, позволяют рассматривать гибридную войну как наступательную стратегию в борьбе против становления многополярного мира (за сохранение однополярного мира) путем внешнего провоцирования ассиметричных конфликтов разного типа внутри государства-мишени и в зонах его геополитического влияния.

В связи с указанным выше интерес вызывает взаимоотношения феноменов стратегии, суверенитета и гибридности в контексте размышлений о природе гибридной войны. Определение этого взаимоотношения производилось с опорой на идею тройственности качественной определенности (идея триадичности качества), идеи В. Фихте о триадических умозаключениях и Р.Г. Баранцева о семантике триадической структуры⁹⁰, т.к. качественный анализ и качественное моделирование обладают когнитивной ценностью, потому что позволяют генерировать категориальные комбинации разнообразных форм⁹¹. Триада обеспечивает полноту описания объекта на текущем уровне детализации (дешифровки) при соблюдении требования минимума содержания⁹². Поэтому триадический метод (метод Триады) как один из универсальных когнитивных инструментов, представляющий методологию категориальных схем, будет использован в данной работе для конструирования дефиниции понятия «гибридная война», для качественного анализа и при разработке моделей триад гибридных угроз и проч.

Большинством классиков военной науки рассматривают войну как явление политического порядка, тем не менее, значительная часть определений понятия «война» в части характеристик цели такого типа взаимодействия между

---

⁸⁹ Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». 31 марта 2023 г. № 229 // Президент России. [Официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/70811>

⁹⁰ Баранцев Р.Г. О тринитарной методологии // Между физикой и метафизикой: наука и философия. СПб, 1998. С.51-61; Баранцев Р.Г. Универсальная семантика триадических структур в науке-искусстве-религии // Языки науки -языки искусства. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С.61-65 и др.

⁹¹ Шевченко А.В. Информационная устойчивость политической системы. М.: Изд-во «Граница», 2005.

⁹² Разумов В. И. Категориально-системная методология в подготовке ученых. 2-е изд. Омск : Ом. гос. ун-т, 2008. С. 81, 125, 261. 277 с.

акторами международных отношений не упоминает лишение суверенитета страны, в отношении которой развязывается война⁹³. В свою очередь гибридная война, как указывалось выше, имеет целью именно лишение противника политического суверенитета и перевод его территорий и сфер влияния под свой геополитический контроль. И в этой части как раз ключевую роль играет стратегия (военная стратегия), базирующаяся на необходимости достичь указанной цели за счет минимального использования ресурсов страны-агрессора. В этом смысле логическая связка между понятиями «стратегия», «суверенитет» и «гибридность» может быть представлена в рамках триадического метода в виде триады, где сопряжение указанных понятий позволяет выйти на определение ключевой характеристики гибридной войны: а именно, то, что она является по сути наступательной стратегией, преследующей цель лишения страны-жертвы суверенитета (что, в общем отличает обычную войну от гибридной войны). Таким образом, триадический метод демонстрирует возможность достижения синергетического эффекта в рамках системной триады⁹⁴ – появления нового качества современной войны, которая реализуется как гибридная, – это эффективный способ захвата, расширения или удержания политической власти.

Важное значение в гибридном взаимодействии, в том числе конфликтного характера имеет уровень технологического развития взаимодействующих субъектов. Речь прежде всего идет о том, насколько субъекты используют в своей внешнеполитической стратегии достижения научно-технической революции (НТР) и особенно гуманитарно-технологической революции (ГТР)⁹⁵. Чем выше уровень технологического развития, тем более глубоким в результате оказывается гибридное воздействие одного субъекта на другого. Кроме того, формулируя понятие гибридной войны, автор различает понятия гибридные

---

⁹³ Козырев Г.И. Война как политический феномен // Социология. 2013. №2. С. 118-127.

⁹⁴ Баранцев Р.Г. Системная триада –структурная ячейка синтеза // Системные исследования. Ежегодник 1988. М., 1989. С. 193-210.

⁹⁵ Малинецкий Г.Г., Посашков С.А., Скурлягин А.А. Гуманитарно-технологическая революция, кризис совести, риски и проекты будущего // Стратегические приоритеты. 2019. №1(21). С. 48-76; Контуры цифровой реальности: Гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего / Под ред. Иванова В.В., Малинецкого Г.Г., Сиренко С.Н. М.: ЛЕНАНД, 2018.

действия (как любых разнородных интегрированных процессов, объединенных общей целью или совместными действиями⁹⁶) и гибридной войны, когда гибридные действия обретают вид враждебных действий в соответствии с заданной целью государства-агрессора.

Таким образом, в настоящем исследовании предлагается авторское определение гибридной войны, обретшей ряд специфических характеристик в постбиполярном мире, которое в развернутом виде формулируется следующим образом. *Гибридная война XXI века – это крайняя форма гибридного конфликта, реализующаяся в виде агрессии военными и невоенными методами; является наступательной стратегией государства-агрессора в отношении одного и более государств, в которой скоординированные действия по применению военных и невоенных мер необходимо рассматривать как систему, направленную на десоверенизацию государства-цели или государств.* Определение «гибридный» подразумевает сочетание или соединение более двух элементов силы или типов и компонентов конфликтного взаимодействия в ходе противостояния. Эти компоненты обычно характеризуются как обычные и нетрадиционные или обычные и нерегулярные. Для современной войны гибридного типа характерна проблема, определяемая как «дилемма безопасности» (парадоксальная ситуация, в которой меры по обеспечению национальной безопасности одного государства воспринимаются другим как угроза собственной безопасности). Гибридная война носит тотальный характер для всего человечества, так как применение сил и средств сторон, втянутых в противоборство, носит трансграничный и трансконтинентальный характер. Специфические черты современной гибридной войны – невозможность определения ее начала, факта агрессии, отсутствие международного консенсуса по определению агрессора и переход в тотальную форму, когда неиспользование вооруженных сил уже невозможно, так как конечная ее стадия предполагает решающую роль военных мер. Важной характеристикой гибридной войны на

---

⁹⁶ Нечеткие гибридные системы. Теория и практика / Под ред. Н.Г. Ярушкиной. М.: Физмат, 2007.

современном этапе является то, что она сопровождается военными и невоенными действиями, направленными на десоверенизацию государства-оппонента и деконструкцию сфер его национальных интересов и безопасности с целью последующего перевода под полный или частичный геополитический контроль страны-инициатора гибридного противоборства.

По мнению автора исследования, гибридная война для государства или государств, против которых осуществилась гибридная агрессия, может быть освободительной, являясь по сути наступательной стратегией (с применением всех имеющихся сил и средств, ассиметричных действий и технологий), которую можно отнести к такому типу боевых действий как активная оборона. При этом ключевой задачей органов национальной безопасности является выявление, когда, кем и в какой сфере была осуществлена агрессия. Для этого структуры, задействованные в системе обеспечения национальной безопасности, должны определить границы суверенитета в сферах национальных интересов, при пересечении которых наносится непоправимый урон государству, без фактического пересечения территориальных границ.

Итак, анализ показал, что состояние национальной безопасности современных государств в условиях гибридных войн может быть оценено как нестабильное и перманентно подвергающееся напряжению. В этих условиях система обеспечения национальной безопасности вынуждена адаптироваться, видоизменяться, вырабатывать новые свойства и качества, чтобы эффективно противостоять гибридным угрозам. Анализ также показал, что гибридная война по своей сути является наступательной стратегией, которую реализуют мощные державы, недовольные нынешним статусом-кво и стремящиеся изменить существующий мировой порядок и укрепить свой статус в международно-политической системе. Следовательно, активность таких государств, генерирующих гибридную нестабильность в различных регионах мира, провоцируют появление угроз международной безопасности и стабильности.

Можно согласиться с С.Н. Соколовой, указывающей, что «угрозы гибридных войн являются глобальной проблемой цивилизации»⁹⁷.

Подводя итог этой части исследования на основе изучения феномена гибридной войны, терминологического анализа, сравнительного анализа подходов отечественных и зарубежных специалистов, рассмотрения проблемы симметричности гибридной войны и состава участников, а также национальной безопасности в условиях гибридной войны, констатируем следующее.

Во-первых, предложенные западными специалистами подходы к анализу гибридного противоборства не отражают всей сложности этого феномена, а зачастую в принципе вводят в заблуждение своих коллег из тех стран, с которыми такое противоборство ведется или планируется вестись.

Во-вторых, видение и оценка отечественных специалистов проблематики гибридных войн зачастую не соответствует реальности, что сказывается на реальной политике обеспечения национальной безопасности (по инерции господствует линейное восприятие гибридных угроз безопасности, имеющих как правило, нелинейный характер и предполагающий качественно иной характер противодействия).

В-третьих, в ходе гибридной войны пересечение суверенных границ государства-жертвы происходит одновременно и незаметно, так как критически важные для национальной безопасности границы в духовной и социокультурной, экономической и информационной сферах не определены. Военная атака государства-агрессора направлена непосредственно на глубинный уровень коллективного (общественного) сознания и ядро системы национальной безопасности государства-цели. Последствием такого воздействия становится постепенное разрушение государственности, возможная полная потеря суверенитета, захват государства в формате подчинения правительства политической воле противника или полное уничтожение государства-жертвы.

---

⁹⁷ Соколова С.Н. Риски и угрозы гибридных войн в современном обществе: парадоксы реальности // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2017. №2. С. 40.

В-четвертых, целесообразно использовать более гибкое и адаптивное определение гибридной войны для расширения операциональных возможностей системы обеспечения национальной безопасности, в целом лежащее в русле политического реализма, а именно: гибридная война – это наступательная стратегия, направленная на десоверенизацию или подрыв суверенитета государства-оппонента и деконструкцию сфер его влияния с целью последующего перевода под полный или частичный геополитический контроль страны-инициатора гибридного противоборства. Гибридная война может быть оборонительной, как оружие неядерного сдерживания. Однако в таком случае структуры, включенные в систему обеспечения национальной безопасности, должны определить, когда, кем и в какой «сфере» была продуцирована угроза, а также обозначить для государства-агрессора границы своего суверенитета в тех сферах национальных интересов, в которых появились эти угрозы.

Таким образом, необходимо констатировать, что существующие концепции и подходы к изучению феномена гибридной войны не позволяют дать комплексную оценку состоянию безопасности РФ в условиях гибридного противоборства. Гибридная война, с одной стороны, нуждается в дальнейшем изучении как проблема международных отношений, имеющая большой потенциал к дальнейшей трансформации, сопровождающейся появлением новых рисков и угроз для международной и национальной безопасности. С другой стороны – гибридная война оказывает ощутимое негативное влияние на состояние национальной безопасности России. В подразделе предлагается авторское определение гибридной войны, которая должна рассматриваться как наступательная стратегия, направленная на десоверенизацию государства-оппонента и деконструкцию сфер его влияния с целью последующего перевода под полный или частичный геополитический контроль страны-инициатора гибридного противоборства. Таким образом, гибридная война, как стратегия в борьбе против становления многополярного мира (за сохранение однополярного мира) путем внешнего провоцирования ассиметричных конфликтов разного типа внутри государства-мишени и в зонах его геополитического влияния, является

фактором, влияющим на состояние систем международной и национальной безопасности современных государств, России в частности, что требует выработки специального инструментария для нейтрализации этого фактора.

1.2. Специфика использования методов и технологий гибридной войны на постсоветском пространстве

Для выявления специфики использования методов и технологий гибридной войны целесообразно охарактеризовать и дать оценку опыта ведения гибридных войн против России на постсоветском пространстве.

Динамические изменения в характере применения методов и технологий гибридной войны. Для начала следует указать, что гибридная война США против Российской Федерации началась отнюдь не в 2000-х гг., когда Россия начала системно проводить более или менее самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику (условным порогом можно считать мюнхенскую речь Президента В.В. Путина и реакцию Запада на нее). К гибридным действиям против России-СССР можно отнести весь комплекс политики «железного занавеса», конфликты де-факто между США и СССР в третьих странах, санкционную политику в отношении СССР и действия, направленные на изменение сознания советских граждан. Специальные службы США последние несколько десятилетий успешно управляли конфликтами различной интенсивности посредством спецслужб, базирующихся в 150 странах мира⁹⁸. США, создавая тиражируемые средствами массовой информации легенды о «джихаде», освободительной борьбе, войнах за независимость и проч., вели гибридные войны против СССР и его союзников по всему миру, называя свои действия такими специфическими терминами, как «война под прикрытием» (covered war), «программа помощи под прикрытием» (covered aid program), «стратегия не прямых действий» (indirect actions strategy),

---

⁹⁸ Dower J.W. An American century of carnage: Measuring violence in a single superpower world. 01.04.2017 // Salon [Сайт]. URL: salon.com/2017/04/01/an-american-century-of-carnage (дата обращения 03.04.2021).

«война наемниками» (mercenaries war), «иррегулярная война» (irregular warfare), «подрывные методы» (subversive efforts), «специальная война» (special war) и проч.⁹⁹

Использование тех или иных методов и технологий гибридной войны зависит от массы факторов – характеристик страны-противника, страны-мишени, страны-жертвы, обстановки в регионе, политических, технических, дипломатических и в целом, ресурсных возможностей, целей и задач страны-инициатора гибридного противоборства. Например, такой инструмент гибридного противоборства как сторонние вооруженные группировки использовались еще в Древней Греции или в новое время (ирландские наемники). Однако если ранее это было связано с тем, что содержание регулярных армий обходилось очень дорого, то сегодня причиной применения наемников является желание скрыть свои замыслы и действия. Сегодня все чаще в гибридных конфликтах используется частная военная сила в виде частных конных компаний (ЧВК), которые ранее привлекались для обеспечения безопасности частных бизнес-структур, а последние десятилетия – для решения политических задач.

Информационные технологии ведения гибридного противоборства тоже не является чем-то принципиально новым. Формированием негативного образа России занималась Англия в XVI в., наполеоновская Франция в XIX в., а со времен войны во Вьетнаме каждый житель планеты может буквально вживую «наблюдать» войну благодаря телевидению, а сейчас и интернету, и формировать свое мнение о ней. Таким образом, общественное мнение, которое, в частности в России впервые было диагностировано как социальное явление как раз в годы Крымской войны 1853-1856 гг. (именно в Крымскую кампанию появилась военная журналистика), стало крайне важным инструментом в рамках гибридного противоборства. Подтверждением служит и ситуация с бомбардировками Югославии на рубеже столетий, когда европейскими

---

⁹⁹ Репко С.И. Гибридные войны США (1979-2017) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2017. Вып. 1 (778). С. 156-157.

политическими силами были предприняты колоссальные усилия по формированию общественного мнения, которое бы допустило возможность появления бомбардировщиков в небе Европы впервые после Второй мировой войны. Поэтому в настоящее время в развитых странах мира активно формируются специализированные службы информационно-психологической борьбы (например, 77-я бригада ВС Великобритании (77th Brigade), киберкомандование США (USCYBERCOM) и др.), использующие современные информационные и коммуникационные технологии.

С развитием информационного пространства и других трансграничных сред, ставших следствием глобализации, в гибридном противоборстве стали активно использоваться и социально-политические технологии¹⁰⁰. Специалисты считают, что разнообразие этих современных технологий позволяет проводить внутреннюю классификацию подобных действий: от простой финансовой и информационной поддержки оппозиционных течений и создания внутри государства-противника «пятой колонны», до внедрения агентов влияния, обеспечивающих так называемую «мягкую оккупацию» (soft occupation) страны и переход её под внешнее управление¹⁰¹. Методы могут различаться по интенсивности и степени скрытности, их различные комбинации применяются в зависимости от характеристик противника. Примеров такого рода привести можно очень много – от скрытого использования Германией противоречий и революционных настроений внутри России в начале XX в. в годы Первой мировой войны до открытого использования уже апробированных методик США в Венесуэле в 2019 г. Очевидно, что использование таких методов и технологий значительно дешевле и безопаснее прямого военного вмешательства. Технологии десоверенизации через насаждение («продвижение») демократии отлично зарекомендовали себя на постсоветском пространстве. Подобный

---

¹⁰⁰ См.: Люттвак Э. Государственный переворот, практическое пособие. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, Университет Дмитрия Пожарского, 2012.

¹⁰¹ Тиханычев О.В. Гибридные войны: новое слово в военном искусстве или хорошо забытое старое? // Вопросы безопасности. 2020. № 1. С. 33.

формат гибридных действий получил в литературе название «цветные революции». «Цветная революция» представляет собой детально проработанный механизм вмешательства третьей стороны во внутренние дела государства с целью дестабилизации и смены политического режима в угоду своим интересам. Достижение этой цели осуществляется посредством создания кризисной ситуации. При этом активную роль в развитии кризиса играет деструктивно настроенная оппозиция, привлекающая на свою сторону протестно настроенные народные массы, которые она зачастую использует втемную, следуя своим собственным целям¹⁰².

В качестве повода к началу гибридной войны, реализуемой информационно-коммуникационными или социально-политическими технологиями могут быть использованы, например, национальный вопрос, религиозные противоречия и специфика этнонациональной политики государства-мишени. Характерным является ситуация с отделением и признанием в качестве независимого государства Косова. Также активно используется практика присвоения гражданства другого государства (например, Румыния активно «раздает» свое гражданство гражданам Молдовы, реализуя неофициальную политику Унири (Объединения), а также скупка земли, недвижимости, миграции и проч. Часто такие технологии называют «предгибридными»¹⁰³.

Методы и технологии экономического воздействия на противника, которые могут быть отнесены к гибридным, также не являются принципиально новыми. Так, подделка денежных знаков (наполеоновская Франция) сменилась блокировкой финансовых счетов отдельных лиц и целых государств (Иран, Ирак, Венесуэла), отключением (Иран) и угрозами отключения от системы SWIFT (Россия). Сюда же можно отнести и практику «экономической блокады», получившей развитие в самом начале XIX в. (Франция блокировала торговлю

---

¹⁰² Манойло А.В. Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов // Мировая политика. 2015. № 1. С. 1-19.

¹⁰³ Там же. С. 34.

Великобритании) и на протяжении XIX-XX вв. реализовывавшейся в основном в форме морской блокады – в этот период времени огромное количество государств подвергались морской блокаде, некоторые более десятка раз. В период после Второй мировой войны распространяется практика экономических санкций. Особенно характерной она была в случае коллективного противодействия Запада Советскому Союзу. Набор инструментов санкционного давления весьма обширен – от заградительных таможенных пошлин и закона США «О контроле над экспортом», которым в 1949 г. был создан Координационный комитет по экспортному контролю, до уже упомянутого выше закона «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (Countering America's Adversaries Through Sanctions Act, CAATSA) 2017 г. Можно смело утверждать, что санкции являются привычным и обыденным инструментом американской внешней политики.

Наряду с «экономической блокадой» существуют и другие формы ресурсного противоборства в форме транспортной, энергетической и даже водной блокады, способные привести к экоциду больших территорий. В качестве примера можно привести попытку отвести воды реки Иордан от Израиля, послужившая одной из причин «шестидневной войны» (1967 г.) или энергетическую и водную блокады Крыма (2014 г.), кибер-диверсии против электроэнергетической инфраструктуры Венесуэлы (2019 г.)¹⁰⁴.

В постбиполярный период конфликтов, попадающих под определение гибридных войн, становится гораздо больше, чем в межвоенный и послевоенный периоды мировой истории. Их становилось больше и в «жестком» варианте (например, силовая и информационная поддержка действий против законно избранного правительства вооруженных формирований оппозиции в Ливии и Сирии) и в более мягком варианте в форме тайной поддержки лидеров «цветных

---

¹⁰⁴ Whitney Webb: «Lights Out!» Did Trump and His Neocons Recycle Bush-Era Plan to Knock Out Venezuela's Power Grid?, Even as the Venezuelan government blamed the recent power outage on U.S.-led «sabotage,» the U.S. has long had a plan on the books for targeting the civilian power grid of adversarial nations, Mint Press News (MPN), 11 March 2019. URL: <https://www.mintpressnews.com/did-the-us-recycle-a-bush-era-plan-to-take-out-venezuelas-power-grid/256113/> (дата обращения 07.05.2021).

революций». Специалисты отмечают: «анализ структуры «гибридных» действий, проходивших в период новейшей истории, показывает, что, несмотря на смещение акцентов в сторону несиловых действий, военная компонента по-прежнему остаётся основной в их структуре»¹⁰⁵. Причем, все чаще для реализации военной составляющей гибридного противоборства привлекаются частные военные компании, но еще чаще государство-инициатор формирует в стране-мишени вооруженные формирования (движение «Талибан» в Афганистане, чеченские бандформирования в России, «сирийская оппозиция» в Сирии и т.д.). Отдельно следует рассматривать такое явление как масштабное международное вооруженное вмешательство как операции, реальной целью которых является смена правящего режима в тех странах, политика которых «осуждается мировым сообществом» (две операции в Ираке в 1991 и 2003 гг., операция в Югославии в 1999-2000 гг., операция в Афганистане 2001 г., операция в Ливии 2011 г. и Сирии 2014 г.), причем не все из них получили одобрение Совета Безопасности ООН, т.е. были незаконными, с точки зрения международного права. Фактически речь идет о том, что цели одной страны, реализуются за счет десоверенизации государства-мишени вооруженными силами ряда третьих государств с привлечением частной военной силы в «условно правовых рамках» в опоре на концепцию Responsibility to Protect (Ответственность по защите (R2P)).

Предполагается также, что силовая компонента и далее будет трансформироваться под влиянием концепции дистанционных боевых действий (Remote Warfare). Такой подход является следствием сложившейся исторически на Западе традиции вести конфликты на расстоянии и, по возможности, чужими силами. В современных условиях, когда военные технологии достигли впечатляющего уровня, такой подход определяет ведение операций на удалённых ТВД с использованием преимущественно беспилотных летательных аппаратов, часто неофициально. Очевидно, что в будущем эта тенденция будет

---

¹⁰⁵ Тиханычев О.В. Гибридные войны: новое слово в военном искусстве или хорошо забытое старое? // Вопросы безопасности. 2020. № 1. С. 35.

усиливаться. И, в совокупности с растущими возможностями кибер-нападения, решающего задачи повреждения инфраструктурных объектов на любом расстоянии и без явного физического воздействия, «концепция Remote Warfare существенно изменит силовую составляющую «гибридных» действий, снизив порог решения на применение силы»¹⁰⁶. Таким образом, сама гибридная война, становясь оружием неядерного сдерживания, направлена на ослабление противника, сдерживание его развития в различных сферах и ликвидацию малейших возможностей к достижению геополитического, военно-политического и экономического превосходства.

Гибридная война, методологические и технологические основы которой прописаны в программных документах США, направлена на установление американской мировой гегемонии. Очевидно, что главным препятствием на этом пути становится формирование полицентричного мирового порядка – появление и укрепление нескольких центров глобального влияния. Поэтому, с точки зрения США, для достижения мирового господства гибридная война должна вестись постоянно – в отношении не только геополитических противников (Россия, Китай), но и против союзников (ЕС) и нейтральных стран. Причем в ходе гибридного противоборства стороны (прежде всего это относится к США) формируют «модели поведения друзей, нейтральных сил и врагов в ситуации мира, кризиса и войны»¹⁰⁷. Следовательно, и модель поведения России тщательно и последовательно формирует внешняя сила, это также означает, что против Российской Федерации ведутся военные действия нового поколения¹⁰⁸. Другими словами, Россия является объектом в чужой операциональной боевой модели. Соответственно ее поведение запрограммировано на определенные действия.

---

¹⁰⁶ Там же. С. 37.

¹⁰⁷ Гладышевский В.Л., Горгола Е.В. Гибридная война запада и обеспечение ресурсного противодействия сетевому сценарию для России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т.13, Вып.2. С. 371.

¹⁰⁸ Викулов С.Ф., Горгола Е.В., Мкртчян С.С. Американский милитаризм в XXI веке: борьба за глобальное лидерство: монография. М.: Изд-во АПВЭиФ, МАНИИПТ, МОИУП, 2015; Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. М.: АРКТОГЕЯ, 1999.

В российском сегменте Евразийского ТВД США предпринимают усилия в следующих направлениях. Во-первых, манипулирование процессами в России с целью воспрепятствовать дальнейшим шагам по возврату влияния Москвы на постсоветском пространстве. Во-вторых, влияние на политическую ситуацию в России с целью предотвращения сдвига в сторону патриотизма и выхода на конфронтацию с США. В-третьих, переход к следующей фазе раздробления постсоветского пространства уже в самой России и тем самым спровоцировать способствовать распаду Российской Федерации (эта стратегия была изложена в так называемом «проекте З. Бжезинского»). При этом частью политического истэблишмента рассматривается и альтернатива полному распаду России – превращение нашего государства в послушного младшего партнера (модель, напоминающая модель российско-американских отношений первой половины 1990-х гг.). Таким образом, Вашингтон располагает возможностью заменить один сценарий другим, «перейдя от варианта распада к мягкому влиянию или от мягкого давления к жесткому революционному перевороту – вплоть до прямого военного удара»¹⁰⁹. Очевидно, главное: американские сетевые стратегии перенесены на территорию России и разворачиваются на наших глазах¹¹⁰.

Геополитическая логика гибридной войны США против России наиболее наглядно реализуется на постсоветском пространстве, традиционно являвшимся зоной влияния России. События на Украине, в Грузии, Кыргызстане, Молдове, Армении продемонстрировали устремления Вашингтона полностью нейтрализовать влияние России в бывших советских республиках. Именно эти события получили в отечественной литературе название «цветные революции». Суть этого явления, являющегося фактически операциями тактического уровня геополитической стратегии США и одной из наиболее востребованных технологий гибридной войны Запада против России, заключается в смене

---

¹⁰⁹ Гладышевский В.Л., Горгола Е.В. Гибридная война запада и обеспечение ресурсного противодействия сетевому сценарию для России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т.13, Вып.2. С. 372.

¹¹⁰ Hersprin D.R. Rumsfeld's Wars: The Arrogance of Power. Lawrence, Kans.: University Press of Kansas, 2008.

правлящих режимов на подконтрольные Западу, способных своими действиями завершить раздробление постсоветского пространства, разорвав все связи с интеграционным ядром – Россией. На этом уровне также возможны разные варианты реализации сценария смены власти – от мягкого («бархатного»), когда передача власти происходит легитимно, – до жесткого, вплоть до использования военной силы, в случае, если мягкие сценарии не срабатывают. Британский специалист Джон Лафлэнд считает, что, «в сущности, можно говорить о трех ответвлениях современной технологии государственных переворотов: о контроле за СМИ, неправительственных организациях, и скрытых операциях»¹¹¹.

Алгоритм реализации сценария «цветных революций» достаточно хорошо проанализирован в отечественной литературе – начиная с анализа уже ставшей хрестоматийной методической работы Джина Шарпа¹¹² до разборов и описания реальных событий очередной «цветной революции» в конкретном постсоветском государстве или странах Востока¹¹³. В рамках подготовительного этапа развязывается информационная война против официальных властей, проводится работа с потенциальными и реальными оппозиционными группами (политическая оппозиция, молодежь, региональные элиты и проч.) с целью внедрения демократической повестки и идеи о необходимости бороться за демократию (т.е. против недемократичного правящего режима). На этом этапе страна насыщается всевозможными НПО, деятельность которых координируется, как правило, из-за границы.

На следующем этапе в стране создаются условия экономических и социальных трудностей, кризисов, которые в совокупности с нагнетанием с помощью информационно-коммуникационных технологий и кибер-средств

---

¹¹¹ Laughland J. The Trial of Slobodan Milosevic and the Corruption of International Justice. London: Pluto Press, 2007. P. 39.

¹¹² Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения / Пер. с англ. Н. Козловской М.: Новое издательство, 2005.

¹¹³ Орлова С.В. Механизмы противодействия рискам и угрозам дестабилизации гражданского общества // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. №4. С.27-32.

провоцируют социальную напряженность и недовольство, самопродуцирующиеся волны политического протеста.

Далее создается искусственная необходимость проведения «справедливых», «честных» и «свободных» выборов и путем использования современных методов манипулирования электоратом к власти приводятся люди, удовлетворяющие требованиям Запада. В случае, если сценарий «демократичных» выборов дает сбой, запускается более жесткий сценарий, в рамках которого искусственно активизируются радикальные и/или террористические группировки. Последние при поддержке и финансировании страны-инициатора дестабилизируют обстановку в стране и пытаются взять власть в свои руки силой/угрозой применения силы. Действия такой «умеренной оппозиции» сопровождаются информационной кампанией по дальнейшей дискредитации официальных властей, создания негативного имиджа для мировой общественности.

В случае, если внутренняя оппозиция при поддержке Запада извне не справляется с поставленной задачей (официальные власти как правило пытаются противодействовать такой вооруженной оппозиции традиционными военно-политическими методами), государство-инициатор организует инцидент, медийное освещение которого окончательно формирует преступный образ властей страны-мишени, после чего проводится комплексная атака на критическую с точки зрения безопасности инфраструктуру страны с помощью кибер-средств и других современных технологических средств, кампания по деморализации элит и личного состава вооруженных сил страны-мишени. Далее под предлогом «защиты населения от преступного правительства» вводится военный контингент в формате коалиционных сил, за чем следует установление приемлемого для Запада порядка и режима, «демократичные» выборы, формирование лояльного правящего режима. Таким образом, государство полностью переводится под геополитический контроль страны-инициатора гибридного противоборства. Характеристиками страны, пережившей сценарий «цветной революции», выступают рокировка государственных органов,

отсутствие политической устойчивости и кардинальная смена приоритетных направлений развития государства в целом¹¹⁴. Последствия «цветных революций» для стран-мишеней и их ближайших соседей очевидно негативные – от социально-экономических проблем и дестабилизации приграничных регионов до организации нелегальных трафиков (наркотические средства, оружие и проч.) и вооруженные конфликты, крайне тяжело поддающиеся урегулированию.

Тем не менее, как указывают специалисты, «следует признать, что сетевые войны, используемые США, дают великолепный эффект»¹¹⁵. Свидетельством чему являются провал пророссийских сил на Украине (2004, 2014 гг.), в Молдове (2009 г.) и др. постсоветских странах, переживших «цветные» революции. Очевидно также и то, что США не намерены останавливаться на достигнутом. В докладе RAND Corporation 2019 г. «Перенапряжение России: конкуренция с выгодных позиций» (Extending Russia Competing from Advantageous Ground)¹¹⁶ военному руководству США рекомендуется в гибридной войне с Россией реализовать на постсоветском пространстве следующие меры: предоставление летального вооружения Украине; продвижение демократии и либерализация в Белоруссии; разбалансировка Южного Кавказа; сокращение российского влияния на Центральную Азию; переворот в Приднестровье и вывод российского военного контингента, включая миротворцев, из региона. Это все, наряду с размещением вооружения в Европе, усилением поддержки сирийских боевиков, мерами, связанными с переброской тактического ядерного оружия ближе к границам России, перебазированием флотов и проч., по замыслу авторов доклада, должно иметь синергетический эффект и привести к надрыву России и резкому сокращению ее влияния, перманентному кризису.

---

¹¹⁴ Кузютин И. И. Возможные меры противодействия «цветным революциям» // Достижения науки и образования. 2016. № 7 (8). С. 96.

¹¹⁵ Гладышевский В.Л., Горгола Е.В. Гибридная война запада и обеспечение ресурсного противодействия сетевому сценарию для России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т.13. Вып.2. С. 372.

¹¹⁶ Extending Russia Competing from Advantageous Ground. 2019. // RAND Corporation [Официальный сайт]. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3063.html (дата обращения: 18.04.2021).

Алгоритм выбора страны-жертвы. В научной литературе к числу «цветных революций» обычно относят следующие: «Бульдозерная революция» в Югославии, 2000 г.; «Революция роз» в Грузии, 2003 г.; «Оранжевая революция» на Украине, 2004 г.; «Революция тюльпанов» в Киргизии, 2005 г.; «Бесцветная революция» в Молдове, 2009 г.; «Революция достоинства», более известная как «Евромайдан», на Украине, 2013-2014 гг.; «Революция лотоса» в Египте и переворот в Тунисе, происшедшие в контексте начавшейся в 2011г. Арабской весны. Некоторые исследователи считают «цветной» «Либеральную революцию» в России в 1990-1991гг. Также были неудачные (в той или иной мере) попытки подобных революций в Беларуси (2006г.), Армении (2008г.), России (так называемая «Болотная революция» в 2011-2013гг.) и Китае («Жасминовая революция» в 2011г.).

Как указывалось выше, «цветные революции» являются тактическим уровнем реализации геостратегии США, а по сути – внешним вмешательством. Выбор такой технологии распространения своего геополитического влияния обусловлен геополитическими и геоэкономическими факторами и всеми теми возможностями, которые дала глобализация «по американским лекалам». Соответственно и выбор страны-жертвы необходимо рассматривать с точки зрения геополитики и геоэкономики.

Начать необходимо с констатации очевидного факта, что после крушения биполярной системы противоречия между Россией и США остались – в рамках той логики, в которых они развивались после выхода США на авансцену мировой политики в начале XX в. Более того, после непродолжительного периода без явной конфронтации в 1990-х гг. (как известно, Россия была не в состоянии даже артикулировать свои внешнеполитические интересы), геополитические и геоэкономические противоречия между Западом и Россией получили новый размах. Теперь на мировой арене присутствовала и еще одна сверхдержава – Китай, находящийся в схожем по ряду параметров режиме противостояния с Западом. Однако, в отличие от холодной войны второй половины XX в., новая холодная война ведется с использованием методов и

технологий гибридного противоборства, что обусловило соответствующие изменения в геополитической тактике. Так, «цветные революции» осуществляются не в отношении страны-противника, а в находящейся в зоне ее геополитического влияния стране-мишени. После успешной реализации сценария «цветной революции», такое государство выходит из сферы влияния страны-противника, тем самым ослабляя его политические, экономические, социокультурные позиции в конкретном регионе. Все «цветные революции» на постсоветском пространстве были призваны решить именно эту тактическую задачу, в то время как стратегической задачей является уничтожение российской государственности.

Успешное решение этой задачи в цивилизационном, политическом, экономическом и социокультурном смысле «оторвали» эти бывшие братские советские республики от России, ослабив ее национальную безопасность, создав новые риски международной безопасности. Соответственно, промежуточной целью «цветных революций» является формирование региональных «зон нестабильности» вокруг государства-противника, а в случае ЕС и Турции – и вокруг государств-союзников, в соответствии с логикой гибридной войны. Причем, понятие «региональный» становится весьма условным, учитывая трансграничный характер современных угроз безопасности. Так, Арабская весна, спровоцированная «цветными революциями» в Египте и Тунисе, привела к дестабилизации Большого Ближнего Востока. Это привело, в свою очередь, к гражданской войне в Ливии и Сирии. Появление и активность ИГ (ИГИЛ) стало существенным фактором, влияющим на безопасность Российской Федерации, что обусловило необходимость реализации военно-политических усилий России, направленных на уничтожение ИГ и стабилизацию Сирии. Европа получила колоссальную проблему беженцев и мигрантов из региона, Китай – нарастающую проблему экстремизма в своих северо-западных регионах. Автоматически обострился ближневосточный конфликт, проблема иранского ядерного досье, курдский вопрос и другие застарелые проблемы региона, последствия которых крайне сложно спрогнозировать. Однако, если

рассматривать указанные события с точки зрения американской внешнеполитической логики, – эти операции тактического уровня можно считать более чем успешными.

Факторы, способствующие реализации гибридного воздействия.

Постепенно, по мере наработки опыта реализации сценариев «цветных революций» формируется перечень факторов, играющих роль при выборе механизмов гибридного воздействия на страну-жертву – социальная нестабильность общества, коррумпированность элит, наличие любого типа оппозиции, информационная открытость и прочее. Наличие того или иного фактора, или их комбинации учитывается при разработке сценария смены власти. И если ранее для дестабилизации ситуации в стране-жертве достаточно было информации и данных разведывательных и дипломатических служб, то сегодня США активно используют технологии работы с bigdata – огромными массивами данных об обществе страны, в которой планируется смена режима. «Особое внимание уделяется политическому, социально-экономическому, положению, изучению психологической и ценностной системы населения»¹¹⁷. Сочетание подходов к изучению специфики страны (характеристики правящего режима, оппозиции, общества, критической инфраструктуры, статуса на международной арене, конфликтах и проч.) позволяют осуществить эффективную организацию и канализацию протестных настроений с использованием методик социальной мобилизации, мифотворчества, работы с медиа, негосударственным сектором и т.д. Особое внимание уделяется конфликтам, т.к. в любой конфликтной ситуации проще осуществлять манипулятивные стратегии. Так, запуск сценариев «цветных революции», как правило, совпадает с парламентскими или президентскими выборами в стране, когда естественное политическое противостояние искусственно переводится в плоскость проблемы нарушения прав человека, недемократичности выборных процедур, фальсификаций результатов и прочего.

---

¹¹⁷ Тертеров Г. «Цветные революции» // 21-й век. 2016. №3(40). С. 19.

Системность и комплексность действий внутри страны-жертвы и за ее пределами – в международном информационном пространстве позволяют добиться нужного для страны-инициатора эффекта вплоть до возможности открытого внешнего вмешательства во внутреннюю политику страны-жертвы. Более того, с каждой новой «цветной революцией» ее организаторы и вдохновители всех уровней получают новый опыт, который встраивается в уже отработанный алгоритм и в последующем используется в схожих условиях, вплоть до использования искусственного интеллекта и системы поддержки принятия решений.

Одним из факторов является формируемый и внедряемый извне с начала 1990-х годов запрос постсоветских обществ на развитие гражданского сектора. Отсюда и открытость и общества, и государства широкому спектру условно гражданских инициатив и институций в самых разнообразных сферах – от проблем окружающей среды до амнистирования незаконно осужденных. Это активно используется страной-инициатором гибридного противоборства. В рамках реализации «цветных революций» активно стали привлекаться негосударственные акторы – от неправительственных организаций – до вооруженных бандформирований, якобы защищающих население от преступной власти. И чем более ресурсным является такая негосударственная структура – независимо от степени ее легитимности – тем больше шансов у нее оказаться в ядре протестного движения.

Примечательно, что попытки «цветных революций» осуществляются и непосредственно в стране-противнике при том, что неудачный исход таких попыток предопределен устойчивостью власти (Россия, Китай). Однако государство-инициатор руководствуется другой целью, а именно – создание негативного образа страны в международном информационном пространстве, что неизбежно отрицательно влияет на статус и положение страны-противника, его рейтинги и авторитет. Как правило, следствием становятся санкции, ухудшение экономических показателей, страдает внешняя торговля, международные связи, что, в свою очередь, отрицательно сказывается на

внутренней политической и социально-экономической обстановке в стране. Не добавляет стабильности и подогреваемые извне протестные настроения, которые к этому моменту уже успевают «прорасти» на территории страны-противника, формируется полулегальная идеология почитания «жертв кровавого режима» и проч.

Население государств, переживших события «цветных революций», получают социальную нестабильность вкупе с непрекращающейся борьбой за власть между местными «прозападными» группами интересов. Примечательно, что новые «прозападные» режимы часто стремятся закрепить у власти путем окончательного подавления воли пророссийски ориентированных групп, особенно, если они обособлены территориально – компактно проживают в «периферийном» регионе (как правило, там всегда существовал латентный или открытый типичный «периферийный» конфликт). Так, Грузия спровоцировала вооруженный конфликт в Южной Осетии и, в результате потеряла и Южную Осетию и Абхазию. Украина лишилась Крыма и в ее юридических границах появились две непризнанные республики – Луганская и Донецкая – с перспективой полной сепарации. Нынешние действия прозападных властей в Кишиневе также вполне могут привести к тому, что непризнанное Приднестровье может покинуть юридические границы Молдовы.

Достигнув определенных успехов на тактическом уровне достижения цели геостратегии по установлению геополитического контроля в Евразии, в настоящее время Запад все активнее переносит апробированные в странах ближнего российского зарубежья модели и механизмы гибридного воздействия непосредственно на Россию. Так, в мае 2021 г. Комитет по международным отношениям Европарламента сформулировал пять принципов, согласно которым Евросоюзу рекомендуется выстраивать отношения с Россией. Комитет предложил руководству Европейского союза бороться с «российским вмешательством» в дела ЕС, противодействовать угрозе безопасности, ввести санкции, финансовый контроль и организовать международные расследования. Брюсселю также было рекомендовано оказать поддержку

«продемократическому обществу» в России и использовать успех программы «Восточное партнёрство».

Как следует из доклада, принцип «поддержки демократии» предполагает противостояние «русскоязычной пропаганде». Кроме того, в комитете считают, что руководству ЕС следует рассмотреть возможность не признавать легитимность нового состава российской Госдумы после выборов, запланированных на сентябрь 2021 г., и информировать российскую общественность о выгодах, которые Россия может получить в случае демократических преобразований. «Евросоюзу следует принять и анонсировать стратегическое видение своих будущих отношений с демократической Россией, включающее широкий спектр условий и стимулов, таких как облегчение визового режима, программы инвестирования в свободную торговлю и модернизацию, а также стратегическое партнёрство; оно также должно обозначить готовность предложить потенциальные преимущества в обмен на демократические преобразования в России»¹¹⁸.

Очевидно, что такой подход Европейского союза, будучи синхронизирован с действием американского закона «О противодействии противникам Америки посредством санкций»¹¹⁹ 2017 года, обязывающего все администрации применять санкции против России и определяющего ее как противника, может иметь определенный эффект.

Еще одним важным фактором, как указывалось в п.1.1., является уровень технологического развития страны. Чем в большей степени государство использует достижения НТР и ГТР (в частности, это выражается в интеграции в мировое интернет-пространство, являющееся эффективным инструментом для формирования общественного мнения, интеграции в международные профессиональные сетевые сообщества, быстром «отклике» населения на

---

¹¹⁸ «Демократические» принципы: в Европарламенте составили рекомендации по поводу отношений с Россией // RT [Сайт]. URL:https://russian.rt.com/world/article/861926-evroparlament-rekomendacii-otnosheniya-rossiya?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 16.05.2021).

¹¹⁹ Countering America's Adversaries Through Sanctions Act (CAATSA); H.R. 3364, Pub.L. 115-44) // Congress.gov [Официальный сайт]. URL:<https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364> (дата обращения: 13.03.2021).

мировые события и новые ценностные установки, навязываемые извне и проч.), тем легче государству-агрессору манипулировать отдельными социальными группами в собственных интересах в ходе реализации гибридного сценария.

Традиционно считается, что жертвой применения технологий «цветных революций», становится «государство, имеющее большой потенциал социально-экономического развития, но при этом находящееся на сложном этапе своего развития, связанном с несовершенством системы государственного управления, наличием социальных и экономических проблем»¹²⁰. И в качестве примера приводят политические режимы арабских стран, пострадавших во время Арабской весны 2010-2011 гг., постсоветские государства, о которых шла речь в этом подразделе. Однако это не так. Результаты геополитического анализа показывают, что выбор государства-жертвы обусловлен его геополитическим положением, значимостью для решения тактических задач в ходе реализации геостратегии страны-инициатора гибридной войны, уровнем технологического развития. В данном случае США и их партнерам на Западе было необходимо сжать сферу геополитического влияния России, создать контуры нестабильности в российском пограничье, оформить перспективу соприкосновения российских границ с зонами ответственности НАТО и создать плацдармы для дальнейших деструктивных действий, направленных на десоверенизацию России, по периметру ее территории.

Профилактика в России. В докладе начальника ГШ ВС РФ В. Герасимова на тему «Основные тенденции развития форм и способов применения ВС, актуальные задачи военной науки по их совершенствованию» содержится важный для общей оценки подхода российского военного руководства к проблеме гибридной войны: «...Мы должны не копировать чужой опыт и догонять ведущие страны, а работать на опережение и самим быть на

---

¹²⁰ Орлова С.В. Механизмы противодействия технологиям дестабилизации политического режима в современной России на примере арабской весны // Власть. 2019. №6. С. 318.

лидирующих позициях»¹²¹. На необходимости преобразований в военной сфере настаивает и Президент России В.В. Путин, подчеркивая, что стране «...необходимо создать качественно новую, «умную» систему военного анализа и стратегического планирования, подготовки готовых «рецептов» и их оперативной реализации в структурах наших силовых ведомств»¹²².

Наблюдая и анализируя происходящее в странах ближнего зарубежья, ставших жертвами реализации сценариев «цветных революций», Россия, будучи сама в группе риска, начала уделять внимание проблеме разработки превентивных мер противодействия гибридному воздействию на российскую государственность через общественные структуры и системы. В целом все превентивные меры могут быть сведены к четырем основным группам: нормативно-правовые, административные, информационно-идеологические и экономические. И эти меры носят скорее профилактический характер¹²³.

Так, в России актуализировался вопрос разработки мер по раннему предупреждению преступлений, направленных на вооруженный мятеж (ст. 249 УК РФ), насильственный захват власти в нарушение Конституции РФ (ст. 278 УК РФ), публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ). Однако власти осознали и необходимость принять меры против использования гибридных технологий в превентивном порядке.

Толчком к началу деятельности в этом направлении стали события весны 2012 г. на Болотной площади в Москве. Тогда достоянием общественности стал тот факт, что беспорядки на Болотной площади финансировались из-за рубежа, а активисты «Левого фронта» — Константин Лебедев и Леонид Развозжаев — охотно принимали советы и финансовые средства известного грузинского

---

¹²¹ Герасимов В. Ценность науки в предвидении 26.02.2013 // Военно-промышленный курьер [Сайт] URL: <https://vpk-news.ru/articles/14632> (дата обращения: 24.05.2021).

¹²² Владимир Путин: «Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России» 20.02.2012 // Международная жизнь [Сайт]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/8286> (дата обращения: 24.05.2021).

¹²³ Орлова С.В. Механизмы противодействия рискам и угрозам дестабилизации гражданского общества // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. №4. С.28.

политика Гиви Таргамадзе¹²⁴. Так, в Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», были внесены изменения, в соответствии с которыми понятие некоммерческой организации было расширено за счет некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента (п. 6 ст. 2 введен Федеральным законом от 20.07.2012 № 121-ФЗ). Этот закон направлен на исключение неотслеживаемого финансирования оппозиционных организаций из-за рубежа и осуществление контроля над финансовой поддержкой оппозиции со стороны других государств. Меркурьев В.В. и Агапов П.В. указывают, что после принятия указанного закона было выявлено более 200 некоммерческих организаций, финансирование из-за рубежа которых составляло более 6 млрд рублей, а 22 подобные организации участвовали в политической деятельности, электоральных процессах и подготовке законопроектов¹²⁵.

В 2015 г., в России принимается закон о нежелательных иностранных и международных организациях, согласно которому ограничивалась или запрещалась деятельность некоторых НКО «в связи с угрозой основам конституционного строя России, ее обороноспособности или безопасности»¹²⁶. Далее, в 2017 г. Генеральная прокуратура России признала нежелательной деятельность на территории России зарубежных НПО: «Открытая Россия» (Otkrytaya Rossia, Великобритания), «Институт современной России» (Institute of Modern Russia, Inc, США) и Общественное сетевое движение «Открытая Россия» (Open Russia Civic Movement, Великобритания). Все три обозначенные неправительственные организации связаны между собой и восходят к «Институту современной России», основанному в Нью-Йорке (США) в 2010 г.

---

¹²⁴ Меркурьев В.В., Агапов П.В. Противодействие технологиям «цветных революций» в системе мер по предупреждению преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства // Всероссийский криминологический журнал. 2014. № 2. С. 63-71.

¹²⁵ Меркурьев В.В., Агапов П.В. Противодействие технологиям «цветных революций» в системе мер по предупреждению преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства // Всероссийский криминологический журнал. 2014. № 2. С. 63-71.

¹²⁶ Орлова С.В. Механизмы противодействия рискам и угрозам дестабилизации гражданского общества // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. №4. С.29.

Меры административного характера, предпринимаемые российскими властями, в целом отличаются большей оперативностью. Они дают возможность нейтрализовать ряд усилий организаторов «цветных революций» на этапе их подготовки. В частности, достаточно успешно решается задача по достижению силового превосходства над (потенциальными) участниками и сторонниками «цветной революции» и той частью оппозиционеров, которые примыкают к активу «революционеров» в активной фазе протестов, созданием всевозможных препятствий для деятельности оппозиции на организационном и техническом уровнях.

Информационно-идеологические меры направлены на организацию контроля информационно-коммуникационного пространства с целью профилактики распространения деструктивного для государственности контента и создания сил и средств нейтрализации ресурса оппозиции, запрограммированной на дестабилизацию политической обстановки и смещение власти. Это достигается путем формирования общественно-политических партий, организаций и общественных движений патриотической направленности, информационной и административной поддержки их деятельности, предоставления организационного и отчасти материального ресурса. В 2013 г. был принят Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 398 - ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации». Закон направлен на повышение результативности профилактической работы силовых структур по противодействию экстремизму и оперативности реагирования на размещаемые в сети Интернет экстремистские материалы.

Экономические меры направлены на подрыв материально-ресурсной базы актива потенциальной «цветной революции». Речь идет о замораживании деятельности внутренних экономических субъектов, обеспечивающих материальную подпитку оппозиции, нейтрализации активности иностранных экономических структур на территории РФ, поддерживающих оппозиционную активность, блокировку финансовых потоков и проч.

Спустя почти 10 лет после начала реализации этих мер, можно констатировать, что усилия российских властей на всех указанных направлениях имеют неоднозначный эффект. Дело не только в том, что эти меры дополнительно радикализируют часть внутренней оппозиции, но и провоцируют Запад к более жесткой политике в отношении России, выражающейся в санкциях, официальной критике, обострении информационного противостояния. Применяемый набор мер, будучи профилактическими, на самом деле являются попыткой решить проблему на оперативном уровне, в то время как она требует решения стратегического уровня.

Примечательно, что в ключевых стратегических документах России, таких как Военная доктрина¹²⁷, Доктрина информационной безопасности¹²⁸, Концепция внешней политики¹²⁹, Стратегия национальной безопасности¹³⁰ нет упоминания проблематики гибридной войны и реализации технологий гибридного противодействия против России. Лишь в разделе IV «Оборона страны» Стратегии национальной безопасности указывается на необходимость совершенствования «форм и способов применения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов предусматривает своевременный учет тенденций изменения характера современных войн и вооруженных конфликтов, создание условий для наиболее полной реализации боевых возможностей войск (сил), выработку требований к перспективным формированиям и новым средствам вооруженной борьбы»¹³¹.

---

¹²⁷ Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Военной доктрины Российской Федерации. 25 декабря 2014 года. Пр-2976. Российская газета. 30 декабря 2014 г. № 6570.

¹²⁸ Указ Президента Российской Федерации. «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». 5 декабря 2016 г. № 646. Собрание законодательства Российской Федерации от 12 декабря 2016 г. № 50 ст. 7074.

¹²⁹ Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». 30 ноября 2016 г. № 640. Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 49 ст. 6886.

¹³⁰ Указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

¹³¹ Указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

Таким образом, анализ опыта использования методов и технологий гибридной войны на постсоветском пространстве позволяет рассматривать постсоветское пространство как ТВД в рамках гибридной войны против России, констатировать возникновение угроз международной безопасности (через дестабилизацию приграничных регионов других стран, появление новых маршрутов нелегальных трафиков и проч.) и, соответственно – угроз национальной безопасности и стран-жертв и смежных государств. Это является следствием недостаточной теоретической проработки проблемы и недостаточного отражения в стратегических документах России проблематики и предлагаемых мер противодействия. В то время как опыт государств-жертв гибридного воздействия в формате «цветных революций» показывает, что ключевым направлением в политике нейтрализации подобных сценариев является купирование внешних угроз. Результаты анализа, проведенного в подразделе, позволяют констатировать недостаточность мер, отсутствие системы и действенных механизмов противодействия гибридным угрозам, слабую научную и экспертную поддержку процессов разработки соответствующей политики, а также необходимость выработки принципиально новых эффективных механизмов предупреждения и нейтрализации гибридных угроз.

1.3. Угрозы национальной безопасности России в условиях гибридной войны

В этом подразделе представлены результаты анализа новых угроз национальной безопасности России в контексте гибридных войн и с учетом специфики типа конфликтного взаимодействия. Анализ опыта ведения гибридных войн, подходов к их изучению демонстрируют, что существование национальных государств, в отношении которых инициирована активностью подобного вида, сопровождается возникновением ряда рисков и угроз

государственности. Важно понимать, что неумение выявлять качественно новые угрозы безопасности и факт ведущейся войны на новых принципах стало причиной краха крупных империй и даже мировых держав.

Прежде всего, речь должна идти о возникновении угроз государственному суверенитету, территориальной целостности и национальной безопасности Российской Федерации, как государству, которое проводит независимую внутреннюю и внешнюю политику, отрицает гегемонию США и не приемлет модель однополярного мира и политику игнорирования норм международного права, проводимую Вашингтоном и его союзниками. Усилия коллективного Запада во главе с США направлены установление полного или частичного геополитического контроля над территорией России и ее инфраструктурой и ресурсами или на суверенизацию отдельных российских регионов (прежде всего пограничных – как Калининград, а также занимающих «узловое» положение – как Свердловская область) или смену законной власти в России на лояльную и подконтрольную Западу.

В связи с этим представляет интерес точка зрения, согласно которой, гибридная война, представляя собой закономерный результат глобализации, «является не просто технологией межгосударственной конфронтации, а отдельной концепцией, взятой на практике за основу в современном межгосударственном противостоянии России и США»¹³².

Факторы, способствующие возникновению угроз. Для корректной оценки угроз национальной безопасности Российской Федерации в условиях «гибридной войны» необходимо поместить предмет анализа в более широкий контекст геополитической реальности, актуальной оценки состояния безопасности, что позволит учесть *значимые факторы* большего масштаба. К числу таковых следует отнести:

Во-первых, текущую переконфигурацию мировых центров силы:

---

¹³² Акулинин В.Н., Епифанова Н.С. Концепция гибридной войны в практике межгосударственного противостояния // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. №36. С.53-54.

- основные линии геополитического и геоэкономического противостояния находятся на осях «коллективный Запад – Китай» и «коллективный Запад – Россия», остальные центры силы находятся на позициях ниже в этом измерении мирополитической иерархии;

- постепенно формируется гигантский макрорегион «Большая Евразия», место России в котором довольно точно определяется как «Северная Евразия» (термин ввел А. Безруков); данный субрегион имеет свои распределенные центры силы – геополитические форпосты, призванные прикрывать 4 ключевых направления реализации геостратегии России – условные «Север», «Юг», «Запад», «Восток». Условный «Север» - это Арктика, форпост располагается на российских северных территориях. Условный «Восток» - это Китай, Корея, Япония, форпост располагается также на территории российского Дальнего Востока. Условный «Юг» - это Туркестан и Средний Восток, форпост располагается в странах Центральной Азии. Условный «Запад» - это реальная и потенциальная линия соприкосновения с НАТО – от Ближнего Востока до стран Балтии, форпостом является Белоруссия и Украина.

- Россия находится в состоянии острой конфликтности с коллективным Западом. Однако конфликт в большей степени развивается в плоскости информационной, политической, разведывательной деятельности. Взаимодействие на уровне транснациональных корпораций в значительной мере сохранено, а местами просто приобрело новые параметры (при сохранении характеристик латентности в публичном поле);

- в квазидипломатическом поле коллективным Западом и их союзниками в «Большой Евразии» на региональном и локальном уровне прорабатываются контуры новых субрегионов. Например, IV Речь Посполита (по принципу «от Можы до Можы» с включением территорий Украины, Белоруссии, южных регионов России) (см. Приложение 1). Степень реалистичности проектов носит различный характер, однако

симптоматичен сам факт их проработки. Актуальными также остаются проекты «Имарат Кавказ», «Восточный Туркестан», «Великий Туран» с метрополией в виде «Новой Османской империи» (активно продвигается Р. Эрдоганом и его сторонниками) в составе так называемого «Нового Халифата». В политическом руководстве современной Румынии есть группа сторонников проекта «Великая Румыния», претендующего на территорию Молдовы, части территории Украины, Венгрии. Происходит корректировка иерархий внутри геополитических союзов.

Во-вторых, изменение экономических центров силы осуществляется посредством строительства новых экономических транспортных коридоров:

- Проект «Новый Шелковый Путь» (основными бенефициарами выступают Китай, Европейский союз, государства Центральной Азии, Белоруссия, Россия (см. Приложение 2), кроме того формируется новый коридор в рамках проекта в обход территории Российской Федерации в виде маршрута, проходящего из Китая в ЕС через территории Украины, Грузии, Турции;
- Международный транспортный коридор № 9 «Север – Юг» (основными бенефициарами выступают Германия, Россия, Азербайджан, Иран, с большой долей вероятности Индия (см. Приложение 3));
- газовый трубопровод «Северный поток-2» (основными бенефициарами выступают Германия и Россия);
- газовый трубопровод «Турецкий поток» (основными бенефициарами выступают Россия и Турция).

Совокупность указанных транснациональных экономических коридоров создает принципиально иную экономическую архитектуру субрегионов, обеспечивает новую конфигурацию геоэкономических полей. С точки зрения потенциальных или реальных угроз национальной безопасности России, формирование контуров обозначенных коридоров неизбежно сопровождается попытками военно-политической дестабилизации, перехвата управления в

отдельных государствах, террористической и другими видами деструктивной активности.

В-третьих, сформирована совокупность индикаторов, позволяющая достаточно объективно оценивать как текущую ситуацию, так и перспективы состояния субрегиональной безопасности:

- демографическая структура населения в ключевых субрегионах, претерпевающая необратимые изменения;
- климатические изменения в ключевых субрегионах и формирование новых угроз глобальных и локальных конфликтов, переходящих от борьбы за энергоресурсы к борьбе за воду и продовольствие;
- источники, объем и качество оружия и вооружений государств и негосударственных акторов;
- рейтинг армий в совокупности с кумулятивными характеристиками союзов и объединений государств;
- количественно-качественные включая сценарные характеристики военных и военно-полицейских учений и тренировок, проводимых в ключевых регионах, в том числе по периметру военно-политических и экономических союзов государств;
- цензы имущественного статуса населения (нехарактерны для России, Белоруссии, КНР, где этот показатель не находится в прямой корреляции с рисками социальных волнений, «цветных революций» и проч.).

Обозначенные факторы, как правило, носят сложный, комплексный характер и являются продуктом не только геостратегического и геоэкономического конструирования, но и, отчасти следствием объективных процессов в рамках глобализации. Важно учитывать то обстоятельство, что эти факторы влияют на систему национальной безопасности не линейно в силу сверхсложной природы современной системы международных отношений и из-за наличия факторов другого порядка и другой природы (работающие, например,

на укрепление отдельных сегментов системы международной безопасности и, соответственно, национальной безопасности государств).

Геополитическое измерение угроз. В рамках геополитического подхода с определенной долей условности можно предложить карту-схему вероятных очагов дестабилизации на субрегиональном уровне, то есть угроз и вызовов национальной безопасности России, имеющих разную степень вероятности возникновения. Карту можно обозначить как карту «потенциальной конфликтной дуги Евразии» (см. Приложение 4), демонстрирующую следующее:

- *потенциально возможные очаги боевой активности с участием различных субъектов, причем, вероятнее всего, в формате конфликтов смешанного типа (в конфликтах смешанного типа взаимодействуют комбатанты и некомбатанты, представленные инсургентскими и партизанскими силами¹³³);*
- *потенциально возможные очаги боевых действий гибридного типа, с участием неконвенциональных групп, прежде всего, международных террористических организаций.*

Конфликты военного типа, в том числе латентные, в среднесрочной перспективе формируются по подчиненной логике:

- создание вспомогательных театров военных действий в целях поддержки вышеуказанного базового (Восточный Туркестан) в регионе Большой Центральной Азии (БЦА);
- переформатирование субрегиональных центров силы в регионе Большого Ближнего Востока (ББВ) с активным участием Российской Федерации, Саудовской Аравии, Турции, Ирана, Израиля, Великобритании и США;

---

¹³³ Примечание: Конфликт смешанного типа представляет собой переход в латентной фазе конфликта от ведения экстремистской деятельности к террористической деятельности, от террористической – к боевой деятельности, сопровождающейся объединением в боевые группы для реализации давления на политическое руководство страны, когда использование регулярных сил (комбатантов) преждевременно или невозможно.

- переформатирование центров силы в Европе в результате постепенной фрагментации ЕС и раздела (с высокой степенью вероятности) Украины, в которой, по экспертным оценкам, особую активность проявит Польша;
- вспомогательный театр военных действий в регионе Юго-Восточной Азии (акватория и прилегающие сухопутные территории) – его формирование зависит от того, смогут ли договориться США и Китай по экономическим вопросам. Несмотря на то, что переговоры в экономической сфере активно велись при Д. Трампе и продолжают вестись при Дж. Байдене, согласно открытым источникам, генеральный секретарь КПК Си Цзиньпин в публичных выступлениях перед военными открыто ориентировал их на развитие военной инфраструктуры и усиление контингентов именно в юго-восточном регионе.

Необходимо отметить, что в контексте обеспечения стабильности и безопасности большого региона, именуемого в западной политической географии Большой Центральной Азией, наиболее сложная ситуация, с точки зрения российских интересов, складывается в регионе, которой в отечественной литературе определяется как постсоветская Центральная Азия, на которую большое влияние оказывает ситуация в Афганистане. Таким образом речь идет о регионе, занимаемом территориями следующих государств: Афганистан - Таджикистан - Узбекистан - Туркмения - Киргизия - Казахстан (см. Приложение 5). Однако, оценивать ситуацию в этом регионе невозможно вне контура, включающего также китайский Синьцзян – СУАР КНР. Более уместным в операциональных целях представляется географическое название региона - Туркестан, использовавшееся до середины 1940-х годов.

Несомненно, самое серьезное влияние на состояние безопасности государств Центральной Азии оказывает оперативная ситуация в Исламской Республике Афганистан. Проблема Афганистана, определяемая экспертами как «Афганский узел» в контексте изучаемой проблемы примечательна тем, что этот конфликт способствовал «торможению тенденции возрастания роли силы и

военно-силового регулирования в международных отношениях на периферии мировой системы. США и наиболее боевитые страны НАТО осознали ограниченную эффективность массированных военных операций»¹³⁴.

Оценка оперативной обстановки в этом регионе в парадигме «Большой Игры» присутствует и до настоящего времени. Так, в 2018 г. был представлен доклад Астанинского клуба (создан под эгидой первого президента Казахстана Н.А. Назарбаева) под названием «На пути к большой Евразии: как строить общее будущее?». Доклад содержит предупреждение о том, что евразийский суперконтинент должен предвидеть риски, связанные с «Большой Игрой». Прежде всего, речь идет об обострении напряженности между США и Китаем, глобальных торговых войнах, эскалации конфликта на Ближнем Востоке, ухудшении отношений между Россией и Западом, стремительном технологическом прогрессе, ухудшении состояния окружающей среды, и, наконец, росте вероятности сепаратизма и этнических и этнорелигиозных конфликтов.

Несомненно, значительная часть противоречий экономического и политического характера в современном мире (все чаще ни анализируются с помощью геополитического инструментария и укладываются в геополитическую парадигму) разрешается посредством гибридных войн.

Об этом, например, свидетельствуют следующие структурно-функциональные изменения в силовом блоке главного системного оппонента России в ведущейся против нее гибридной войне:

- появление в военной разведке США (РУМО США (CID) Управления конфликтов малой интенсивности;
- появление в 2017 г. в составе НАТО новой разведывательной структуры Объединенная разведка и безопасность (JISD).

---

¹³⁴ Сущенцов А. Промежуточные уроки афганского конфликта. 06.03.2012. // РСМД [Официальный сайт]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/promezhutochnye-uroki-afganskogo-konflikta/> (дата обращения: 12.03.2021).

- содержание доклада Разведывательного сообщества США за 2018 г «Оценка американским разведывательным сообществом угроз по всему миру» (Worldwide Threat Assessment of the US Intelligence Community)¹³⁵, оказавшего влияние на целеполагание в силовом блоке США и НАТО, где в качестве угроз безопасности на среднесрочную перспективу определены: союз КНР и РФ, подъем национальных государств (в противовес глобализации), прорывные технологии, обеспечивающие принципиально новый характер вероятных боевых действий. В этом контексте и следует рассматривать технологии противодействия со стороны коллективного Запада обозначенным в Докладе угрозам. Речь шла о необходимости дискредитировать отношения КНР и РФ; переустановить и упрочить контроль над национальными государствами, являющимися фактически «узлами» новых экономических контуров или проводниками данных контуров (см. выше - новые экономические и транспортные коридоры); не допустить технологического прорыва со стороны России и Китая.

Указанные системные изменения позволили экспертам прийти к выводам, согласно которым, «непредсказуемая эволюция войн создает серьезные проблемы для военного планирования»¹³⁶, что негативным образом сказывается на возможностях обеспечения безопасности и стабильности государств и целых регионов.

Угрозы национальной безопасности РФ. Анализ специфики гибридной войны, ведущейся против России, геополитической обстановки и перспектив ее изменений, а также программные установки, содержащиеся в документах стратегического планирования США и НАТО, позволяют выделить следующие функциональные группы угроз национальной безопасности России:

- угрозы в духовной и социокультурной сфере

---

¹³⁵ Worldwide Threat Assessment of the US Intelligence Community. 06.03.2018. URL: https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Coats_03-06-18.pdf (дата обращения: 12.06.2021).

¹³⁶ Joseph S. Nye. Будущее силы // Project-syndicate. FEB 5, 2015. № 3.

- угрозы в военно-политической сфере;
- угрозы в экономической сфере;
- угрозы в информационной сфере;
- угрозы в международно-политической сфере.

Предложенная *классификация* базируется на *сферном подходе*, такая группировка по сферам локализации соответствует задачам дальнейшего качественного анализа.

Ряд угроз сосредоточен в *духовной и социокультурной* сфере. Здесь угрозой национальной безопасности определено действие политики «мягкой силы» со стороны коллективного Запада, посредством которой формируется система ценностей и институтов, чуждых российскому обществу, идеология потребления. Концепция «мягкой силы» (soft power - «гибкая власть») была предложена Джозефом Наем, видевшим ключевым инструментом не принуждение силой (hard power), а привлекательность страны и ее внешней политики, способность убедить в своей правоте (первоначально концепция состояла всего из трех элементов: политический курс, ценности и культура). Позже инструментарий в рамках концепции существенно расширился, США и их сторонники сделали ставку на реализации этой концепции в ходе гибридной войны против России. Таким образом «мягкая сила» коллективного Запада реализует цель «распространить западные ценности и институты, вынуждая другие общества уважать права человека, как их понимают на Западе, и принять демократию по западной модели»¹³⁷. При этом манипулирование общественным сознанием стран-мишеней сопровождается латентной или открытой угрозой применения силы, что, как предполагается, должно делать «мягкую силу» более убедительной.

Последствия реализации «мягкой силы» по западным лекалам провоцируют появление еще одной угрозы в этой группе – повышение уровня криминализации общества, экстремизм. Это происходит в результате

---

¹³⁷ Брычков А.С. и др. Гибридные войны XXI столетия: происхождение, сущность и место в цивилизационном процессе: Монография. Смоленск.2009. Цит. по. С. 49.

«вымывания» традиционных ценностей и устоев российского общества, появлению новых социокультурных установок (часто путем подмены), в рамках которым ослаблены или вовсе отсутствуют сдерживающие механизмы проявления негативных черт личности, популяризация деструктивных и откровенно криминальных образов в СМИ и поп-культуре. Этому способствует и агрессивная среда социальных сетей, изменившаяся парадигма социального поведения в молодежной среде, разрыв между поколениями, что во много стало результатом социально-экономического кризиса 1990-х годов, а также отсутствие реальных достижений современного российского общества в национальном и духовном объединении и их подмена памятью о достижениях прошлых поколений.

Разумеется, нарастание угроз в духовной и социокультурной среде самым непосредственным образом связано с отсутствием национальной идеологии и слабой государственной политикой идентичности, что само по себе должно рассматриваться как угроза. Согласно Конституции, в РФ не может государственной идеологии, надежды патриотической части российского общества на изменения в этой части в рамках конституционной реформы 2020 г. не оправдались. Запретом на государственную идеологию пользуются геополитические оппоненты России и различные деструктивные акторы негосударственного происхождения, стремящиеся заполнить «идеологический вакуум» идеологемами различного генезиса (праворадикальные и леворадикальные идеи, идеология исламизма, либеральные идеи и проч.), негативно влияющие на развитие российских государства и общества. В этом же створе необходимо рассматривать проблему современного раскола Православной церкви. Политика национальной идентичности не может реализовываться в полной мере, не смотря на растущее количество программ патриотического воспитания для молодежи, именно из-за отсутствия четкой и структурированной идеологической политики, которая должна играть роль стержневого элемента для всего национально-государственного строительства,

включающего такие области как воспитание и образование, культура, этнонациональная политика и т.д.

Угрозы в *военно-политической сфере* концентрируются вокруг повышения роли негосударственных игроков, чья активность искусственно направлена против России. Речь идет о сепаратистских и террористических организациях, действующих на территории РФ и в непосредственной близости от ее границ на территории стран ближнего зарубежья. Как угрозу следует рассматривать и усиление активности иностранных разведок на территории стран-союзников России (Казахстан, Киргизия, Беларусь, Армения и др.) и стран, с которыми у России в настоящий момент весьма напряженные отношения (Украина, Грузия, Молдова).

Особенно тревожной выглядит тенденция преобразования дипломатических миссий США на территории стран ближнего зарубежья в полноценные военно-разведывательные центры – другими словами, дипломатические миссии становятся объектами военной инфраструктуры, что в совокупности с инфраструктурой НАТО (Информационные центры НАТО, программы совместных учений, образовательные программы для офицерских кадров стран, проходящих программы интеграции в НАТО по типу программы «Партнерство ради мира» и проч.) создают потенциальную угрозу фронтального соприкосновения военных инфраструктур НАТО и ОДКБ, НАТО и России. Так, на сегодняшний день самым крупным посольством США в мире (по численности дипкорпуса) является посольство в Армении, общей численностью дипломатов около 2500 человек (на втором месте по численности – посольство США в Багдаде, Ирак). Новое здание Посольства располагается на 9 га, приобретенных за 5 млн долл. Там же базируется 800 морских пехотинцев – по сути посольство представляет собой военно-морскую базу США на территории страны-члена ОДКБ. Посольство сотрудничает более чем с 200 НПО и очевидно решает разведывательные задачи в регионе, охватывающем территории России, Турции, Грузии, Азербайджана, Ирана. Примечательно, что до 2018 г., когда посольство США в Армении было принципиально реформатировано, дипломатическую

миссию здесь осуществляли всего 60 человек. Такого же формата Посольство США «нового поколения» было открыто на Украине в 2012 году (занимает площадь 4,5 га и рассчитано более чем на 700 человек). Аналогичные объекты существует на территории посольства США в Кыргызстане. В настоящий момент США пытаются приобрести у властей Молдовы участок в 5,2 га в центре Кишинева (на котором располагается неиспользуемый городской стадион, построенный еще в советское время) для строительства там посольства аналогичного формата¹³⁸. Местные эксперты уверены, что речь идет о строительстве военно-разведывательного центра США на территории нейтрального внеблокового государства (таковым является Республика Молдова согласно ее собственной Конституции).

Еще большую тревогу вызывает проблема строительства по периметру российских границ сверхдорогих секретных биологических лабораторий. Система биолaborаторий является инфраструктурой и «продуктом» американской программы «Совместные биологические обязательства». США, подписавшие и ратифицировавшие ключевой документ в этой области – Конвенцию о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (КБТО, 1972 г.) не демонстрируют стремления его выполнять, уклоняются от создания верификационного механизма в рамках КБТО. Вместо этого США создают параллельную глобальную систему контроля за микробиологическими исследованиями. За последние несколько десятилетий США создали сеть лабораторий двойного назначения в различных частях света – Европе, Африке, Юго-Восточной Азии и на территории бывших советских республик. Страны, участвующие в программе «Совместные биологические обязательства», реализуют предложенный им индивидуальный план работы, предусматривающий разграничение ответственности за материальное обеспечение его выполнения. Эксперты указывают на то, что в целом условия

---

¹³⁸ США призвали Молдавию пересмотреть решение по участку земли для их посольства в Кишиневе 04.12.2020 // ТАСС [Сайт]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10176557> (дата обращения: 12.03.2021).

реализации этого проекта выглядят кабальными в политическом и научном отношении для страны, на чьей территории располагается подобный объект¹³⁹. Примечательно, что размещение таких объектов Пентагоном, например, на Украине, в Грузии, Азербайджане, Армении и Узбекистане (в Киргизии общий контроль за оборотом в стране потенциально опасных биоматериалов осуществляет Канада) планируемого размещения аналогичных объектов в Афганистане, Пакистане и т.д. широко не освещались в СМИ. Программа «Совместные биологические обязательства» сопряжена с другой известной американской программой «Совместное Уменьшение Угрозы» (СУУ) / (Программа Cooperative Threat Reduction (CTR), более известной как «Программа Нанна-Лугара»¹⁴⁰. Практика использования США подобных объектов в других странах показывает, что они выведены из-под национального контроля, функционируют в закрытом режиме, зачастую возглавляются военными или представителями спецслужб, объекты не подлежат контролю международных наблюдателей, укомплектовываются иностранным персоналом, в том числе обладающим дипломатическим иммунитетом, а представители местного гражданского здравоохранения прямого доступа к этим объектам не имеют. Эксперты полагают, что в государствах постсоветского пространства, где базируются такие лаборатории, могут появиться американские военные под предлогом необходимости охраны этих критически важных с точки зрения безопасности объектов. Россия уже ощущает негативные эффекты от реализации программы «Совместные биологические обязательства» на территории Казахстана. Дело в том, что, участвуя в этой программе, Астана обязывается прекратить обмен с Россией информацией и материалами в этой сфере, что

---

¹³⁹ Валентин Евстигнеев: БиоПРО США: уровень биологических угроз вокруг России оценивает Пентагон 09.06.2012 // Регнум [Сайт]. URL: <https://regnum.ru/news/economy/1540632.html> (дата обращения: 12.03.2021).

¹⁴⁰ Харитонов Н.И. Американская "биоПРО" как угроза региональной безопасности в Евразии // в сб. Стратегическое управление в сфере национальной безопасности России: обеспечение национальных интересов и реализация стратегических приоритетов. Материалы Четвертой научно-практической конференции, Москва. 14 апреля 2016. М., 2017. С. 132-138.

негативно сказывается на региональной безопасности¹⁴¹. Летом 2013 г. МИД России впервые официально выразил серьёзную озабоченность по поводу биологической деятельности Министерства обороны США вблизи российских границ.

Н.И. Харитоновна подчеркивает, что Вашингтон «не различает» национальную и международную безопасность. Опыт 2002 г., когда США в одностороннем порядке вышли из договора по ПРО, показал, что США в стремлении обеспечить безопасность совершенно не настроены связывать себя какими бы то ни было соглашениями и договорами. Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и в вопросах, связанных с обеспечением биологической безопасности – США взяли курс на выстраивание американской «биоПРО» за пределами своей территории¹⁴². Очевидно, активность США на этом направлении не будет снижаться. Соответственно, России необходимо активизировать политику по обеспечению собственной биологической безопасности и безопасности своих партнеров по интеграционным объединениям.

Угрозы в экономической сфере включают в себя возможности экономического давления на Российские государство и общество. Одну из угроз этой группы можно определить как попытки США и их союзников установить экономический контроль российских элит, части общества и государственных структур. Речь идет о сложившейся практике российской бизнес-элиты держать финансовые средства на зарубежные счета, выводить прибыль компаний на счета в оффшорных зонах. Таким образом, колоссальные средства, которые могли бы работать на развитие нашей страны, укрепление ее суверенитета и независимости, находятся в в большинстве случаев в юрисдикции таких стран как США и Великобритания. Соответственно эти страны получают дополнительные рычаги давления на российскую бизнес-элиту, а соответственно, и правящую элиту России. Президент России В.В. Путин еще в

---

¹⁴¹ Харитоновна Н.И. Американская «биоПРО» - элемент биологического терроризма // Научно-практический бюллетень Национального антитеррористического комитета, том 49. 2018. № 1. С. 211-224.

¹⁴² Там же.

декабре 2012 года отметил в послании Федеральному собранию: «Девять из десяти существенных сделок, заключенных крупными российскими компаниями, не регулируются отечественными законами»¹⁴³. Тогда же президент дал поручение правительству внести комплексные предложения по деофшоризации российской экономики. Тем не менее успехи политики по деофшоризации оказались сомнительными. И уже в 2017 г. в США принимается закон «О противодействии противникам Америки посредством санкций»¹⁴⁴, который предусматривает возможность конфискации зарубежных активов и состояний российской финансовой элиты и чиновников. Эти граждане России усилиями одной из самых закрытых спецслужб мира - Офиса по контролю над иностранными активами (Office of Foreign Assets Control, OFAC) при Минфине США окажутся перед выбором – либо лишиться своих состояний, либо выполнять волю США, занимаясь деструктивными действиями, саботажем и проч.

Экономически активное население страны перманентно находится под угрозой остановки расчетов и переводов денежных средств при помощи банковских карт, т.к. все расчеты проходят посредством Международной межбанковской системы передачи информации и совершения платежей (Worldwide Interbank Financial Telecommunications (SWIFT)). СМИ, освещая санкционную политику против России активно освещали возможность отключения России от этой системы с плохо предсказуемыми последствиями.

Санкционная политика всегда считалась одним из самых эффективных и часто используемых инструментов внешней политики США. Сопровождая всевозможные меры экономического давления на Российскую Федерацию, санкции (страновые, групп стран) действительно способны оказать негативное влияние на социально-экономическую ситуацию в стране. К числу таких мер

---

¹⁴³ Послание Президента Российской Федерации от 12.12.2012 г. б/н // Президент России [Официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36699> (дата обращения: 13.03.2021).

¹⁴⁴ Countering America's Adversaries Through Sanctions Act (CAATSA); H.R. 3364, Pub.L. 115-44) // Congress.gov [Официальный сайт]. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364> (дата обращения: 13.03.2021).

можно отнести расширение поставок энергоносителей (прежде всего СПГ) в Европу из США с целью ограничения поставок российского трубопроводного газа; сговоры со крупнейшими странами-поставщиками энергоносителей с целью снижения мировых цен на нефть и, соответственно, на газ, блокирование проектов газопроводов («Южный поток», «Северный поток-2» и др.). Это лишь одно из направлений экономического давления на Россию. Санкционная политика Запада разнообразна – от санкций в отношении российских товаров, до санкций в отношении отдельных представителей правящей элиты, общественных деятелей. Санкционная политика США следует определенной стратегии, выработанной на основе рекомендаций американских «фабрик мысли». Так, RAND Corporation представила в 2019 г. доклад по заказу Министерства обороны США. Суть новой антироссийской стратегии — «ограничение доходов и навязывание затрат» (подход, который укладывается в логику экономического удушения геополитического противника)¹⁴⁵. В целом, доклад RAND Corporation воспроизводит основные постулаты экономической войны, развязанной против СССР в восьмидесятих годах прошлого века. К слову, против России до недавнего времени действовали санкции периода холодной войны – например, поправка Джексоны-Вэника (1974 г.). Поправка была официально отменена только в 2012 году (в связи с вступлением России в ВТО), однако сразу же был введен ряд других ограничений, связанных с так называемым «списком Магнитского». На его основе был разработан и принят в 2012 г. «Закон Магнитского». Законом были установлены санкции в отношении официальных лиц в РФ, которые, по мнению Вашингтона, имели отношение к смерти юриста С. Магнитского. Однако самые масштабные в истории санкции по количеству стран-участников – это санкции в связи с государственным переворотом на Украине и возвращением Крыма в состав России в 2014 году. После произошедшего на Украине «Евромайдана» и незаконного захвата власти

---

¹⁴⁵ «Ограничение доходов и навязывание затрат»: эксперты о сути новой антироссийской стратегии США 05.06.2019 // Царьград [Сайт]. URL: https://tsargrad.tv/news/ogranichenie-dohodov-i-navjazyvanie-zatrat-jeksperty-o-suti-novoj-antirossijskoj-strategii-ssha_202567 (дата обращения: 14.03.2021).

группировкой, финансируемой Западом, развязанного крупномасштабного вооруженного конфликта на юго-востоке страны и воссоединения Крымского полуострова с Россией, странами Запада в отношении Российской Федерации. Основной целью введения санкций являлась попытка полной мировой изоляции нашей страны и, как следствие, разрушение российской экономики, вошедшей в период послекризисного восстановления. Ключевой орган в США, который занимается разработкой санкционных пакетов и их применением – это Управление по контролю за иностранными активами (отдел Министерства финансов США), являющейся по сути специализированной финансовой разведкой. Основным инструментом являются перечни лиц или организаций, чьи активы замораживаются и с которыми нельзя вести дела. Для России там есть отдельный список тех, кто находится под секторальными санкциями.

В качестве угрозы национальной безопасности России необходимо рассматривать и низкий уровень социально-экономической удовлетворенности российского общества. Так, кризис, связанный с застойными явлениями в национальной экономике и последствиями жесткой санкционной политики, ухудшил жизненные перспективы молодежи, чему способствовал и рост безработицы. К группе неудовлетворенных уровнем жизни также относятся россияне из предпенсионной возрастной группы 50–60 лет – количество довольных жизнью снизилось здесь в 2020 году на 1 п. п. по сравнению с 2013 г.¹⁴⁶ Еще одна группа, в которой уровень удовлетворенности жизнью снизился, хотя и незначительно (на полпункта), – наиболее богатые россияне, способные купить себе все, включая новую недвижимость. Очевидно, что виной тому – снижение доходов от бизнеса, а также уменьшение или полная ликвидация годовых бонусов для топ-менеджмента в крупных корпорациях¹⁴⁷. Социально-

---

¹⁴⁶ Удовлетворенность жизнью в России достигла уровня 2013 года. 18.01.2021. // Ведомости [Сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2021/01/18/854527-udovletvorennost-zhiznyu> (дата обращения: 14.03.2021).

¹⁴⁷ Удовлетворенность жизнью в России достигла уровня 2013 года. 18.01.2021. // Ведомости [Сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2021/01/18/854527-udovletvorennost-zhiznyu> (дата обращения: 14.03.2021).

экономические последствия пандемии COVID-19 лишь ухудшают эти показатели.

Угрозы в *информационной сфере* включают в себя целый набор угроз, связанных и являющихся последствием отсутствия международной договорной базы, регулирующей отношения между государствами в информационной сфере и уже – в сфере информационной безопасности, а также отсутствием суверенитета в информационной сфере. Дискуссия разворачивается преимущественно между тремя державами, располагающими мощными информационными ресурсами и потенциалом к их масштабированию – США, Россией и Китаем. Условно дискуссию можно разделить на два трека. Первый трек касается правил функционирования рынков программного обеспечения, лицензирования продуктов отрасли, информационно-коммуникационной инфраструктуры – в этой сфере, как выяснилось три страны видят общие контуры потенциальных договоренностей. По крайней мере, об этом свидетельствует работа Группы правительственных экспертов ООН по международной информационной безопасности (ГПЭ ООН по МИБ), ведущаяся с 2001 г. В рамках второго трека обсуждению подлежат вопросы, связанные с содержанием контента, который транслируется посредством каналов коммуникации. США, апеллируя к принципу свободы слова и другим либеральным принципам, настаивают на беспрепятственном и свободном распространении американского контента так, как если бы национальных границ не существовало в принципе. С таким подходом не согласны Российская Федерация и Китайская Народная Республика, настаивающих на своем праве «фильтровать» входящий контент, указывая на то, что деструктивные его составляющие могут негативно влиять на состояние российского и китайского обществ. В этом же комплексе можно рассматривать проблему национальной юрисдикции в информационном пространстве. Решение этого вопроса имеет принципиальное значение в свете нарастания кибер-противоборства между национальными государствами в информационном пространстве.

События 2014 г., связанные с возвращением Крыма в состав России (а до этого события 2008 г., связанные с так называемой «пятидневной войной» по принуждению Грузии к миру и дальнейшим признанием независимости Южной Осетии и Абхазии) с точки зрения нарастания противоборства в информационном пространстве, позволяют с полной уверенностью говорить о втягивании России в информационную войну с коллективным Западом. Специалисты, активно анализирующие специфику информационного противоборства, подтверждают, что информационная война является крайне важной частью гибридной войны и может вестись на двух уровнях: внешнем и внутреннем. Целью информационного противоборства является разложение сил противника и убеждение своих сторонников в том, что противник – преступник, подлежащий уничтожению¹⁴⁸.

К информационным операциям внешнего уровня можно отнести раздуваемые СМИ скандалы (чаще всего не просто путем искажения информации, а с использованием откровенно ложной информации – так называемые fake-news) с отравлением экс-полковника ГРУ С. Скрипаля, обвинением России во вмешательстве в выборы Президента США в 2016 г., обвинением российских спортсменов в применении допинга, военной агрессии России в отношении Украины, организации терактов на территории Чехии в 2014 г. и проч. Цель такой политики – делегитимизация России на международной политической арене.

К информационным операциям внутреннего уровня относятся, наряду с мероприятиями, нацеленными на нанесение прямого ущерба, манипулирование, в том числе инструментами «мягкой силы», работа с агентами влияния, провокация деструктивных общественных и политических движений, практикующих гражданское неповиновение, подмену национальных ценностей, подавление навыков критического анализа информации, создание сетевых сообществ, в том числе террористических, которыми можно манипулировать в

---

¹⁴⁸ Коданева С.И. «Гибридные угрозы» безопасности России: выявление и противодействие // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т.13. №2. С.52.

соответствии с целями и задачами таких операций. Ключевую роль здесь играет Интернет.

Таким образом, в качестве одной из угроз в этой группе можно рассматривать распространение деструктивного контента в социальных медиа и сетевых СМИ, которое как правило осуществляется вирусным способом. Угрозой является также зависимость от серверов, находящихся на территории США (в мире существует всего 13 серверов (основных серверов), 10 из которых расположены в США, 2 - на территории ЕС, 1 - в Японии¹⁴⁹, за последние годы ряд стран спешно создают собственные сервера, основные информационные потоки идут через главный сервер, расположенный на территории США¹⁵⁰) и зависимость от программного обеспечения, производимого на Западе. Недостатки и отставание в создании информационных технологий, в разработке нормативно-методической базы контроля безопасности программного обеспечения многократно обостряют проблему информационной безопасности России¹⁵¹. И в этом смысле проблема информационной безопасности имеет два аспекта: технологический и эксплуатационный. Технологическая безопасность подразумевает отсутствие в программном обеспечении злоумышленных программных дефектов диверсионного типа. Эксплуатационная безопасность характеризует защищенность информации от несанкционированного доступа и несанкционированных действий с ней¹⁵². Нарушения в работе этих двух систем влечет за собой возможность сбора персональной информации, данных о выполняемых прикладных программах, осуществлять программные закладки и проч.

---

¹⁴⁹ Коданева С.И. «Гибридные угрозы» безопасности России: выявление и противодействие // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т.13.№2. С. 57.

¹⁵⁰ Разумов Е.А. Киберсуверенитет как аспект системы национальной безопасности КНР // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы VII международной научно-практической конференции. 2017. С. 707-710. URL: // <https://elibrary.ru/item.asp?id=29191372> (дата обращения: 20.07.2021).

¹⁵¹ Скрытые угрозы зарубежного программного обеспечения. 8.10.2021 // РСМД [Сайт]. URL:<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/skrytye-ugrozy-zarubezhnogo-programmnogo-obespecheniya/> (дата обращения: 12.03.2021).

¹⁵² Там же.

В качестве угрозы национальной безопасности можно рассматривать и отсутствие четкого определения статуса «критической инфраструктуры», «критически важных объектов» и «потенциально опасных объектов»¹⁵³ и низкий уровень квалификации сотрудников, занятых на такого рода объектах инфраструктуры. Здесь также необходимо упомянуть проблему низкой квалификации в вопросах кибербезопасности и слабую осведомленность о правилах кибергигиены населения России в целом.

Многие авторы к числу угроз национальной безопасности относят и развитие искусственного интеллекта и использование его в гибридной войне¹⁵⁴. Речь идет о таких возможностях воздействия на противника с помощью искусственного интеллекта как перепрофилирование коммерческих систем искусственного интеллекта, создание «deepfakes», целевое использование технологии «Fake People», установка и закрепление повестки дня с помощью организованной работы ботов, целевая трансформация образов, формирование «отравленных данных» и проч.¹⁵⁵

Угрозы в *международно-политической сфере* концентрируются вокруг проблемы эрозии международного права и появления новых сфер международно-правового регулирования. Нарушение норм международного права и целенаправленная подмена его все более укрепляющимся «правом сильного»¹⁵⁶ казалось бы не имеет прямого отношения к гибридным войнам. Однако дестабилизация, являющаяся последствие эрозии и указанной подмены созданию специфическую ситуацию правового вакуума, которая способствует

---

¹⁵³ Коданева С.И. «Гибридные угрозы» безопасности России: выявление и противодействие // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020. Т.13. №2. С.58-59.

¹⁵⁴ Пашенцев Е.Н. Злонамеренное использование искусственного интеллекта: новые угрозы для международной информационно-психологической безопасности и пути их нейтрализации // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2019. №76.С. 279-300. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2019/vipusk_76_oktjabr_2019_g./kommunikazionnii_menedjment_i_strategitc_heskaja_kommunikazija_v_gosudarstvennom_upravlenii/pashentsev.pdf

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Харитонов Н.И. Непризнанные государства: «спорная субъектность» как вызов международной безопасности // *Среднерусский вестник общественных наук*. Том 12. № 2. 2017. С.64-76; Дробот Г.А. Трансформация функций и роли государства в глобализирующемся мире. Ч.1. // *Обозреватель – Observer*. №11(310), 2015; Cerny Ph. Neomedievalism, Civil Wars and the New Security Dilemma: Globalization as Durable Disorder // *Civil Wars*. 1998. Vol.1. №1 (Spring). P. 36–64.

нарастанию активности, характерной для гибридного противостояния. Сюда же можно отнести. Наряду с этим необходимо отметить и отсутствие правового регулирования в сферах, имеющих критическое значение для эффективности ведения гибридной войны, например, в сфере информационной безопасности. Так национальные государства, вовлеченные в гибридное противоборство, реализуют разные подходы к реализации концепции суверенитетов и функционирования национальных юрисдикций в информационном пространстве (практика показывает, что международное право не применимо к проблематике информационной и кибер-безопасности). «Слепой зоной» является и правовое регулирование в сфере использования искусственного интеллекта.

Часть угроз, попавших в перечень в результате анализа, указаны в новой редакции Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, в частности, в разделах «Оборона страны» (пп. 34, 35), «Государственная и общественная безопасность» (пп. 42, 44, 45), «Информационная безопасность» (пп. 49-53, 55), «Экономическая безопасность» (п. 59), «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» (пп. 84-88), «Стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество» (п. 98) и др.¹⁵⁷ Результаты анализа по выявлению наиболее актуальных угроз в соответствующих сферах были верифицированы посредством метода экспертных оценок¹⁵⁸.

«Триады гибридных угроз» и их перспективы. Таким образом, анализ показал, что в каждой из выделенных в ходе классификации групп угроз на основе триадического метода формируются системные *«триады гибридных угроз»*. Специфика «триад» в том, что каждый из трех элементов «триады» способен продуцировать появление второго и третьего элемента «триады» и/или

---

¹⁵⁷ Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Сайт президент России [Официальный сайт]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/QZw6hSk5z9gWq0pID1ZzmR5cER0g5tZC.pdf> (дата обращения: 12.07.2021).

¹⁵⁸ Экспертный опрос был проведен 16-21 июля 2021 г. в Москве, в опросе приняли участие 29 экспертов – специалистов в сфере национальной безопасности.

поддерживать их активность (Рис. 1.3), а одновременное действие всех трех элементов триады порождает синергетический эффект (новое качество активности).

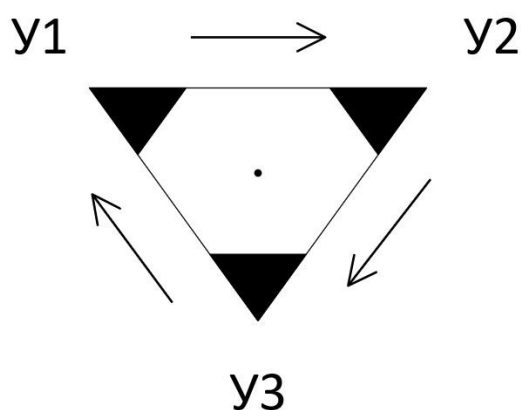

Рис. 1.3. Модель «триады гибридных угроз» (разработана автором).

Синхронная активность «триад» также создает синергетический эффект, который можно представить как синхронную центростремительную активность «триад» из вершин пентагона в направлении системы обеспечения национальной безопасности (Рис. 1.4).

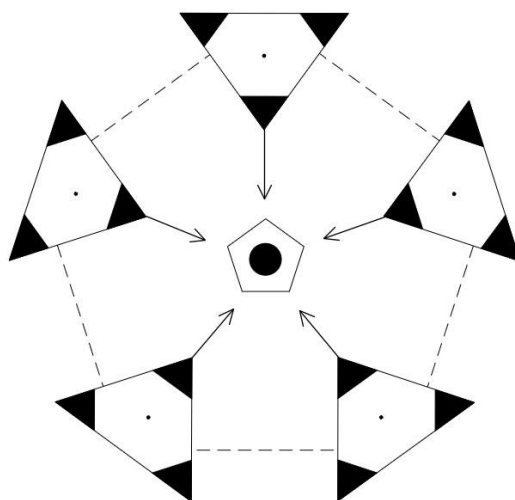

Рис. 1.4. Синхронная активность «триад гибридных угроз» (разработано автором).

Соответственно, в случае, если государство проводит неэффективную политику противостояния и нейтрализации гибридных угроз, происходит разрушение системы обеспечения национальной безопасности, его десоверенизация с последующим переводом под геополитический контроль страны-инициатора гибридного противоборства или разрушением государственности страны-мишени, что может быть представлено «заполнением» пентагона – смыканием «триад» угроз в центре пентагона (Рис. 1.5).

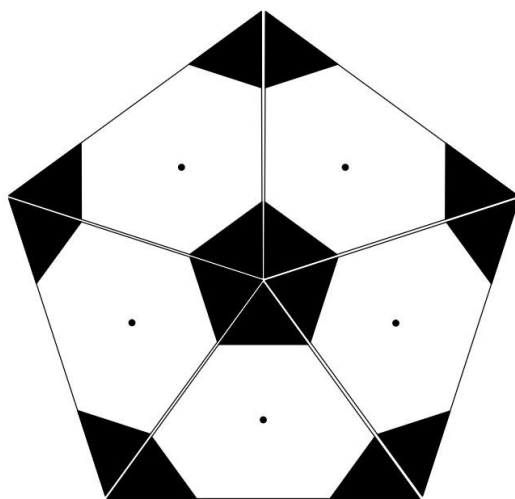

Рис. 1.5. Смыкание «триад гибридных угроз», означающее поражение субъекта в гибридной войне (разработано автором).

Если же государство достаточно эффективно противостоит гибридным угрозам, складывается равновесная, но не устойчивая модель линейного сопротивления государства гибридным угрозам, позволяющей ей сохранять достаточную степень самостоятельности, что может быть представлено как сопротивление центробежных сил центростремительному давлению «триад» угроз (Рис. 1.6).

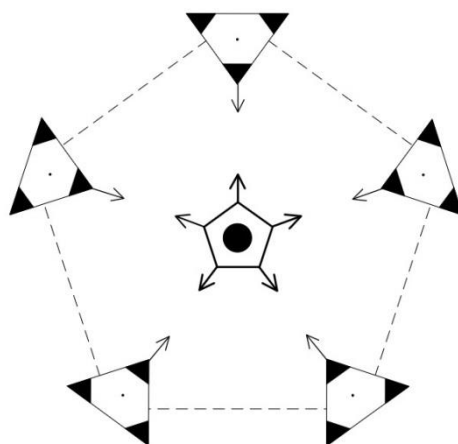

Рис. 1.6. Модель линейного сопротивления государства гибридным угрозам (разработана автором).

Однако такая модель является ресурсозатратной, как уже указывалось, неустойчивой и не гарантирующей нейтрализацию негативного для страны, подвергнувшегося гибридному воздействию, сценария (Рис. 1.5).

Перечисленные и охарактеризованные выше функциональные группы гибридных угроз и угрозы национальной безопасности России целесообразно ранжировать с точки зрения их «угрозоемкости» применительно к настоящему времени и в краткосрочной перспективе (5-10 лет). Описанная конструкция может быть представлена в виде *вербальной модели «триад гибридных угроз»*. Результаты сравнительного анализа потенциала угроз был верифицирован посредством метода экспертных оценок¹⁵⁹. Ранжированный перечень групп угроз («триад гибридных угроз») с уровнем возможной интенсификации в перспективе выглядит следующим образом¹⁶⁰:

¹⁵⁹ Экспертный опрос был проведен 16-21 июля 2021 г. в Москве, в опросе приняли участие 29 экспертов – специалистов в сфере национальной безопасности.

¹⁶⁰ Ранжирование «триад» (групп гибридных угроз) реализовано на основе экспертной оценки отдельных угроз – элементов «триад». Соответственно, если в «триаде» все три элемента демонстрируют тенденцию к интенсивному развитию, такая «триада» занимает позицию выше той «триады», где один элемент оценен экспертами, как демонстрирующий тенденцию к развитию средними темпами и т.д.

- угрозы в духовной и социально-культурной сфере (Т1, тенденция к резкой интенсификации за счет «накопительного эффекта» у каждого из трех элементов «триады»);
- угрозы в военно-политической сфере (Т2, тенденция к резкой интенсификации, так как все три элемента «триады» крайне динамичны);
- угрозы в экономической сфере (Т3, тенденция к резкой интенсификации, так как все три элемента «триады» крайне динамичны);
- угрозы в информационной сфере (Т4, тенденция к средней интенсификации, так как два элемента «триады» из трех динамичны);
- угрозы в международно-политической сфере (Т5, тенденции к медленной интенсификации, так как один элемент «триады» из трех динамичен).

Показанный ресурс к интенсификации части «триад» угроз демонстрирует как раз неустойчивость модели линейного сопротивления государства гибридным угрозам. Так как существующие механизмы не учитывают динамику гибридного «давления» на уязвимости системы национальной безопасности в соответствующих атакуемых сферах (Рис. 1.7).

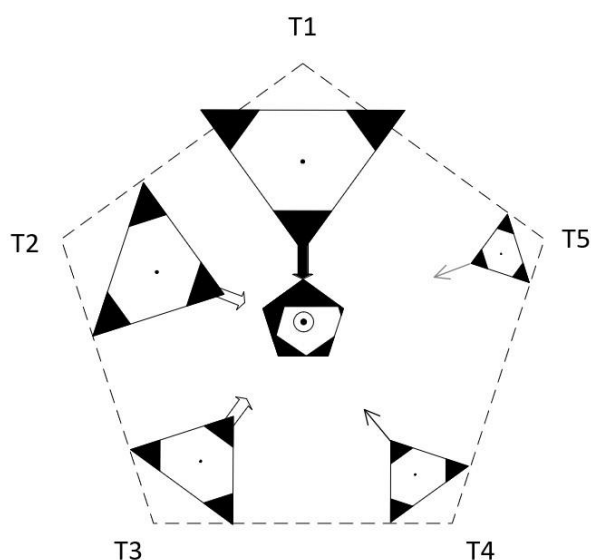

Рис. 1.7. Динамика гибридного «давления» на уязвимости системы национальной безопасности (разработано автором).

Представляет интерес для сравнения перечень уязвимостей, указанный в Докладе RAND Corporation 2019 г. «Перенапряжение России: конкуренция с выгодных позиций» (Extending Russia Competing from Advantageous Ground)¹⁶¹, в числе которых оказались низкие цены на нефть и газ, снижение уровня жизни населения, старение населения, авторитарный политический режим. Указанные уязвимости соседствуют в Докладе с опасениями: смены режима, потери статуса великой державы и военного вторжения. В целом список уязвимостей и опасений России коррелирует с результатами анализа угроз национальной безопасности России. Соответственно, чтобы максимально эффективно использовать диагностированные американскими экспертами уязвимости России, RAND Corporation предложила использовать «способ навязывания затрат», которые могут привести к перенапряжению и чрезмерному рассредоточению сил России, соответственно ослаблению и в перспективе – проигрышу в гибридной войне. «Наиболее многообещающими способами «изматывания России» являются те, которые напрямую воздействуют на ее уязвимые точки, страхи и сильные стороны, надавливая на слабые места и подрывая преимущества России»¹⁶². Примером может служить втягивание России в локальные прокси-войны, от участия в которых руководство страны не может отказаться, попадая в политический цугцванг ввиду несвоевременного определения угрожающих факторов. В целом Доклад развивает концепцию долгосрочной стратегической конкуренции США с Россией (СССР), разработанной во времена холодной войны, и во многом основанной на предложениях самого центра RAND Corporation.

Не менее интересно содержание 7-го издания доклада Национального разведывательного совета США о глобальных тенденциях мирового развития. По мнению разведсообщества США, ограничить глобальное влияние России,

---

¹⁶¹ Extending Russia Competing from Advantageous Ground. 2019. // RAND Corporation [Официальный сайт]. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3063.html (дата обращения: 18.04.2021).

¹⁶² Extending Russia Competing from Advantageous Ground. 2019. // RAND Corporation [Официальный сайт]. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3063.html (дата обращения: 18.04.2021).

могут плохой инвестиционный климат, высокая зависимость от сырьевых ресурсов с неустойчивыми ценами, небольшие размеры экономики, а также возможный уход Владимира Путина с поста президента «в конце его текущего срока в 2024 году либо позже»¹⁶³.

Итак, мир находится на заре новой военной эры, которая требует разработки и принятия новых гибких стратегий военно-политического взаимодействия. Успехи нашей страны в конфликтном взаимодействии на новых принципах будет зависеть от нашей способности вовремя распознать угрозы гибридного характера, адаптации и разработки новых превентивных и ответных средств. Это позволит Российской Федерации опередить изменения в международно-политической среде, исключительно быстро трансформирующейся и продуцирующей угрозы нового типа. Именно поэтому в настоящее время представляются весьма востребованными научные разработки технологий ведения гибридных войн и противодействия им. Любое практическое решение требует полноценного научного обоснования, обобщения на концептуальном уровне наработанного опыта противодействия в рамках гибридной войны.

Таким образом, необходимо констатировать факт непрерывности гибридной войны, ведущейся коллективным Западом против России. Результатом разработки проблемы актуальных угроз национальной безопасности стал ранжированный по уровню «угрозоемкости» перечень функциональных групп угроз («триад гибридных угроз») и варианты их трансформации в краткосрочной перспективе (5-10 лет) с учетом меняющейся мировой обстановки. Выводы по итогам анализа, приведенным в этом подразделе, были верифицированы методом экспертных оценок.

Итак, подведем итог первой главы. Гибридная война, с одной стороны, нуждается в дальнейшем изучении в качестве проблемы международных отношений, имеющей большой потенциал к дальнейшей трансформации,

---

¹⁶³ Global Trends – 2040 // National Intelligence Council [Сайт]. URL: <https://www.dni.gov/index.php/global-trends-home> (дата обращения: 02.04.2021).

сопровождающейся появлением новых рисков для международной и национальной безопасности. Гибридная война, ведущаяся против России непрерывно, оказывает ощутимое влияние на состояние ее национальной безопасности. В разделе предложено авторское определение гибридной войны, характеризующееся гибкостью и высоким уровнем адаптивности. Была предложена авторская классификация угроз национальной безопасности России, позволившая выделить пять функциональных групп угроз - «триады гибридных угроз», охарактеризованы и ранжированы угрозы как элементы «триад» по уровню их «угрозоемкости», определены перспективы и темпы их интенсификации. Результаты анализа были верифицированы методом экспертных оценок и сопоставлены с положениями одного из программных документов гибридной войны США против России. Констатируется необходимость разработки актуальных и эффективных подходов к обеспечению национальной безопасности России в условиях постоянно ведущейся против нее гибридной войны.

Глава 2. Стратегическое моделирование обеспечения национальной безопасности России в условиях гибридной войны

2.1. Инверсивная векторная модель обеспечения национальной безопасности России

Представленная в первой главе настоящего исследования авторская классификация гибридных угроз с характеристикой перспектив и темпов их интенсификации представляет собой определение *базовых условий* для выработки актуальных механизмов и эффективных подходов к обеспечению национальной безопасности России. Анализ использования методов и технологий гибридной войны на постсоветском пространстве, результаты которого приведены выше, показал, что ключевая специфика гибридной войны США против России – это усиление позиций страны-агрессора и ослабление страны-мишени за счет страны-жертвы. Такой тип гибридного противоборства получило в литературе название «опосредованная война» (*proxy war*). Как правило, суть опосредованной войны заключается в воздействии государства-агрессора посредством государств-сателлитов на государство-мишень на территории третьего – государства-жертвы за счет государства-мишени и с целью истощения ресурсов государства-мишени. Используемые стратегии получили в литературе название «стратегия сокрушения» и «стратегия измора». В частности, они были охарактеризованы военным теоретиком А. Свечиным¹⁶⁴. Специфическая черта такого типа противоборства – удерживание уровня насилия в государстве-жертве ниже явной необходимости вмешательства международного сообщества (международных организаций, таких как ООН, ОБСЕ, ОДКБ, коалиций государств, отдельных государств). Такой тип войн характерен для постсоветского пространства и других регионов, где присутствуют геополитические интересы России. Очевидно, что это обстоятельство требует разработки новых мер и организационных структур для

---

¹⁶⁴ Свечин А.А. Стратегия. М.: Военный вестник, 1927. С.11.

защиты государства и эффективной реакции на гибридные угрозы. Для решения этой задачи в работе использовались системный и векторный подходы, методы моделирования, а также системно-деятельностный подход, предложенный А.И. Поздняковым, ставший по сути развитием и конкретизацией диалектики как философской методологии применительно к исследованию социальных проблем и объектов¹⁶⁵.

Специфика гибридной войны Запада против России. Примечательно, что США намеренно отдают России «пальму первенства» в применении концепции гибридной войны. Об этом неоднократно заявляли представители западных политических ведомств и СМИ¹⁶⁶. Такая позиция США понятна: теория гибридной войны разрабатывается ими уже давно и внедряется в практику подрывных действий по всему миру. Поэтому обвинения в использовании гибридного воздействия на США в адрес России играют роль ширмы в усилении противостояния в медиасреде и политическом давлении на Россию для создания негативного имиджа Москвы и ее внешней политики на мировой арене. Этот вид активности также можно отнести к технологиям «мягкой силы», активно применяемых в ходе ведения гибридной войны. Динамичный и трудно прогнозируемый характер гибридных угроз служит ускорителем процессов адаптации разведывательных служб к реалиям пока еще мало изученных гибридных войн, гибридных угроз и «цветных революций». Как указывалось выше, технологии ведения таких войн все больше становятся стратегическим оружием неядерного сдерживания, активно применяемым США и НАТО против России.

С внедрением в политический и научный оборот понятий «гибридная война» и «гибридная угроза», в методах ведения гибридного противоборства

---

¹⁶⁵ Поздняков А. И. Системно-деятельностный подход в военно-научных исследованиях: монография. М.: ВАГШ, 2008.

¹⁶⁶ Putin Is Winning Russia's Hybrid War against America 09.12.2020 // National Review [Сайт]. URL: <https://www.nationalreview.com/2020/12/putin-is-winning-russias-hybrid-war-against-america/> (дата обращения: 07.06.2021); «Русская гибридная война» 15.10.2020 // Путин сегодня [Сайт]. URL: <https://www.putin-today.ru/archives/110194> (дата обращения: 07.06.2021); Как Россия побеждает в гибридной войне против США 14.12.2020 // Око планеты [Сайт]. URL: <https://oko-planet.su/politik/politikmir/632146-kak-rossiya-pobezhdaet-v-gibridnoy-voyne-protiv-ssha.html> (дата обращения: 07.06.2021) и др.

поменялись формы получения и передачи информации. Государством-агрессором и его союзниками создаются новые подразделения обобщенных разведывательных центров и управления по ведению и планированию гибридных войн таких как Emerging Security Challenges Division (ESCD) и Joint Intelligence and Security Division (JISD). К специфике гибридного противоборства можно отнести концепцию создания коммерческих структур, работающих как в военном секторе, так и в области разведывательной деятельности по заказу Государственного департамента США и разведывательного центра союзников Североатлантического альянса. Здесь важно отметить, что и специфика разведывательной деятельности в рамках гибридного противоборства также меняется. Во все времена разведка сводилась к объективному познанию мира, которое можно получить посредством добывания сведений в той или иной области и их анализа. Однако важно не просто владеть информацией, еще необходимо влиять на процессы, происходящие в регионах, где сосредоточены национальные интересы. Сегодня разведка является не просто силами и средствами добывания информации, но и методом ведения скрытых боевых действий. Так, США давно применяют методы нетрадиционной резидентуры, опираясь на разного рода сетевые негосударственные организации, разного типа НКО, этнические диаспоры, а также коммерческие и финансовые структуры, близкие к правящей элите России. Контрразведывательные мероприятия упираются в бизнес-структуры прикрытия активных мероприятий противника, что позволяет ему камуфлировать легальными инструментами использование «мягкой силы» на российской территории и активизировать агентов влияния (в том числе бизнес-структуры), играющих роль катализаторов-ускорителей развала государства.

Такой подход к реализации гибридного противоборства со стороны США и их союзников приводит к конфликтам внутри силовых ведомств. Так как внутрикорпоративные стычки представителей силовых структур происходят из-за вхождения их в разные группы политического влияния, за которыми стоят финансовые корпорации с транснациональными связями и задачами. Так

создаются предпосылки к коррупционной активности. Важно и то, что каждая из групп влияния, втянутая в борьбу за ресурсы, является элементом определенного сценария ослабления власти.

Таким образом, деятельность российской разведки в условиях гибридной войны должна отличаться от разведывательной деятельности в условиях межгосударственных конфликтов обычного типа, когда основная часть интересующих разведку объектов, включая органы управления, войска, находятся на территории, контролируемой противником.

В гибридной войне против России операции противника разворачиваются на российской национальной территории, но без вторжения регулярных сил и ее оккупации. Соответственно, разведка иррегулярных формирований, вскрытие содержания и направленности информационных атак требуют добывания значительного объема сведений на своей собственной территории. При этом объектами разведки являются сетевые структуры с высокой степенью самостоятельности и способностью к самосинхронизации на российской территории, к которым относятся радикальные бандформирования (в основном Северного Кавказа), а также силы и средства информационной войны. При этом важно иметь в виду, что на национальной территории главного противника России – США практически отсутствуют объекты, на которых Вашингтон сосредоточивает документы с обобщенными сведениями о планах ведения войны на территории государства-жертвы, представляющими интерес для разведок России.

Современная война – это не фронты противоборствующих армий, а массы мигрантов, отвоевывающих районы в европейских городах. Главной ударной силой в современной войне являются не формирования специального назначения, а нелегальные мигранты и «беженцы», способные «раскачать» инертную толпу. Сотрудники подразделения специального назначения будущего это те, кто способен использовать огнестрельное и холодное оружие в густонаселенных районах города, делать самодельные взрывные устройства из

подручных материалов, проникать в социальные сети и проводить там операции устрашения.

К специфике методов ведения гибридной войны можно отнести запланированное поддержание нездоровой конкуренции в органах национальной безопасности государства-мишени и государства-жертвы через агентуру влияния, что не позволяет, с одной стороны, сопоставлять данные, полученные из различных источников, с другой – может привести к созданию «информационного хаоса» у потребителей информации на стратегическом уровне, когда значимые, иногда противоречивые сведения могут не получить должной оценки или просто не будут замечены. В результате, реакция органов стратегического руководства государства-мишени может оказаться неадекватной, замедленной или отсутствовать вообще.

Таким образом, можно констатировать, что в гибридной войне против России Запад использует старые, проверенные временем стратегии измора и сокрушения, реализуемые с помощью новых гибридных средств. Анализ, результаты которого приводятся в исследовании, показал, что эффективно противостоять указанным стратегиям можно, используя механизмы и стратегии, основанные на векторном подходе.

Возможности применения векторного подхода к анализу гибридного противоборства. Первым использовал векторный подход в научном дискурсе, посвященном проблемам национальной безопасности, А.Ю. Маруев. Рассуждая о природе геополитических интересов, он указал, что векторный подход подходит для моделирования состояния геополитических интересов на конкретном отрезке времени, используя такие свойства геополитических интересов как направленность и сила. А.Ю. Маруев также указал на то, что угрозы геополитическим интересам России имеют векторный характер. Поэтому векторный подход позволяет выстроить эффективную защиту российских

интересов¹⁶⁷. В рамках геополитического дискурса элементы векторного подхода можно обнаружить в разработках российских геополитиков А.Г. Дугина¹⁶⁸ и М.А. Мунтяна¹⁶⁹.

Элементы векторного подхода используются и в практической политике – при концептуализации российской внешней политики, что находит отражение в прошлых и действующих редакциях Концепции внешней политики, Стратегии национальной безопасности. В этих документах стратегического планирования одной из основных характеристик внешней политики России является ее многовекторный характер. То есть речь идет о некоем количестве направлений (векторов) внешнеполитической деятельности России. Это касается и географических направлений (различные страны в различных частях света), и направлений (векторов) внешнеполитической активности по сферам взаимодействия (экономика, культура, военная безопасность и проч.). Причем набор (количество направлений) и качество (сила) этих векторов может меняться, что хорошо видно из меняющихся от редакции к редакции Концепции внешней политики региональных приоритетов. Таким образом, государство обладает возможностью (и ресурсами) оперативно менять векторы (и направленность, и силу) внешнеполитической активности, завязанной на такое относительно динамичные явления как национальные интересы и геополитические интересы. Соответственно, в рамках представленного исследования, допустимо представить векторы в соответствии с выделенными в подразделе 1.3. сферами, в которых концентрируются пять «триад гибридных угроз». Таким образом, речь идет о пяти направлениях (векторах) обеспечения национальной безопасности и национальных интересов РФ – духовном и

---

¹⁶⁷ Маруев А.Ю. Векторный подход к определению геополитических интересов Российской Федерации // Военная мысль. 2010. №12. С. 3-13. URL: <http://militaryarticle.ru/voennaya-mysl/2010-vm/10303-geopolitika-i-bezopasnost-16>

¹⁶⁸ Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: АРКТОГЕЯ-центр, 2000. С. 902.

¹⁶⁹ Мунтян М.А. Геополитика: история и современность. Курс лекций. Т. 2. М.: НП «Центр общественных экспертиз», 2009. С. 361.

социокультурном, военно-политическом, экономическом, информационном, международно-политическом.

Понятие «вектор» рассматривается в теории векторов в разделе аналитической геометрии и представляет собой направленно ориентированный отрезок, имеющий начальную и конечную точки. Т.е. вектор имеет как определенное направление, так и определенную величину – силу. Аналогичными свойствами располагают угрозы безопасности, в том числе гибридные угрозы. Величина гибридной угрозы (сила) характеризуется степенью его продвижения к конечной цели и интенсивности воздействия – реализации угрозы, т.е. причинение определенного ущерба безопасности. Наличие у угроз и векторов схожих свойств позволяет считать начальной точкой угрозы момент ее продуцирования или возникновения (включающей замысел, стратегию реализации, мобилизацию ресурса и начало активных мероприятий), а конечной точкой – реализацию угрозы в виде состоявшегося причинения ущерба адресату этой угрозы. Угроза действует в векторном пространстве, являющемся двумерным, которое, соответственно, может быть представлено в виде геополитического пространства, в котором осуществляется так называемое «горизонтальное» геополитическое соперничество (на суше, море и в воздухе). Это также означает, что векторы воздействия (угрозы) реализуются во времени – на определенном отрезке времени, что имеет чрезвычайно важное значение в условиях гибридной войны, являющейся по природе многосоставным и комплексным явлением. Это, в свою очередь, предполагает, что ряд векторов могут действовать в определенном порядке или синхронно.

Общие свойства векторов и гибридных угроз позволяют использовать их в моделировании сложных процессов в сфере противодействия гибридным угрозам в целях обеспечения национальной безопасности. Ведь, если угроза, в том числе гибридная, может быть охарактеризована как вектор, соответственно, усилия, направленные на отражение и / или нейтрализацию этой угрозы также может быть представлена в виде вектора. Здесь начальной точкой вектора будет считаться момент распознавания угрозы, мобилизация ресурса, выстраивание

стратегии отражения и / или нейтрализации угрозы и начало активных мероприятий. Конечной точкой вектора – фактически состоявшийся факт ликвидации угрозы либо зафиксированный факт недостижения цели, характеризующийся сохранением угрозы в том или ином состоянии.

Далее, в рамках двумерного пространства с векторами могут осуществляться ряд операций. Во-первых, сравнение векторов, во-вторых, сложение векторов и, в-третьих, умножение векторов на число. Так, сравнение векторов предполагает возможность выбора более приоритетного варианта вектора. При сложении векторов возникает новый вектор. В свою очередь, умножение вектора на число приводит к изменению длины вектора.

Таким образом, если представить угрозу в виде вектора, то соединение или синхронная реализация / возникновение нескольких угроз (сложение) может привести к масштабированию угроз и синергетическому эффекту, описанному в подразделе 1.3. Величина, потенциал или сила угрозы может изменяться в зависимости от изменения его функциональных составляющих под воздействием определенных событий (например, сокращение или увеличение ресурсной базы актора, продуцирующего угрозы). Расчет изменений состояния угрозы может происходить с помощью умножения величины текущего состояния угрозы на выведенный коэффициент (умножение). Соответственно сопоставление угроз может привести к выявлению наиболее «угрозоемких» активностей (сравнение), например, с целью выбора приоритетных угроз, т.е. тех, которые могут принести наибольший ущерб национальной безопасности и в текущий момент, и в определенной перспективе (угрозы с пролонгированными негативными эффектами), что часто характерно именно для гибридных угроз.

Эти же операции могут быть осуществлены с векторами, которые представляют усилия, направленные на противодействие гибридным угрозам в целях обеспечения национальной безопасности. Соединение, координация усилий, переброска ресурсов или синхронная активность по нейтрализации угрозы (сложение) может привести к успешной ликвидации угрозы, признанной приоритетной, т.е. наиболее «угрозоемкому» виду активности противника.

Величина и потенциал усилий по противодействию может изменяться в зависимости от тех же факторов, что функциональны и в случае угроз (сокращение или увеличение ресурсной базы обеспечения национальной безопасности, уровень компетентности кадров, скорость принятия эффективных решений и проч.). Расчет изменения состояния активности по противодействию угрозам может также происходить с помощью умножения величины текущего состояния активности на выведенный коэффициент (умножение). Соответственно сопоставление (сравнение) активностей по противодействию угрозам, в данном случае видится излишней, т.к. логичнее и целесообразней отталкиваться от необходимости противодействовать угрозам, признанными приоритетными, т.е. наиболее «угрозоемкой» активности противника, способной принести наибольший ущерб национальной безопасности и в текущий момент, и в определенной перспективе.

Инверсивная векторная модель обеспечения национальной безопасности в условиях гибридной войны.

Понятие инверсии (от лат. *inversio* — переворачивание, перестановка) активно используется в культурологии, лингвистике, литературоведении других науках. Так, культурологи отмечают, что «процесс смены вектора движения культуры проявляется как инверсия ценностей, то есть ослабление значения прежних смыслов и целей деятельности (или полный отказ от них) и их модернизация (или создание новых)... классический вариант инверсии — возвращение к ценностям прошлых культурных эпох, от архаики, до реставрации недавнего прошлого»¹⁷⁰. Или, как вариант, под инверсией культурологи понимают процессы развития ценностей на чуждой им основе — ценностей модернизации на базе традиционализма и ценностей традиционализма на базе модернизации, приводящие к изменению смысла явлений и процессов так, что они становятся прямо противоположными. В литературе инверсия — это перестановка обычного (нейтрального) порядка слов в предложении с целью

---

¹⁷⁰ Сараф М.Я. Инверсии ценностей как основной показатель системных изменений культурного пространства // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2018. №. С. 644.

подчеркивания смысловой значимости, поэтической выразительности отдельных слов или придания всей фразе особой интонации, стилистической окраски, торжественности и возвышенности. В лингвистике инверсия — изменение обычного порядка слов и словосочетаний, составляющих предложение; используется обычно для выделения того или иного элемента предложения или для придания предложению особого смысла. В психологии инверсия представляет собой процесс и результат перестановки или переворачивания (замены) — вплоть до противоположности — мотивов, установок, желаний, реакций, поведенческих актов и пр. (например, гомосексуализм). Инверсия как тип преобразования применяется в геометрии. Описанная политологами инверсия в политических дискурсах представляет собой не что иное, как искажение или переворачивание смысла события, текста, истории или реальности в соответствии с контекстуальной рамкой конкретного дискурса. В частности, разработана инверсионно-ресурсная модель политической власти, которая строится на определении политики как системы легальных и легитимных способов конвертации ресурсов во власть и классическом определении принятого в логике понятия инверсии как переворачивания смысла, сущности, замены «белого» «черным», как преобразования, конвертации. Инверсия в политике есть преобразование экономического, социального, духовного ресурса в политический, механизм конвертации легальных и легитимных ресурсов во власть¹⁷¹. Таким образом инверсия как инструмент и как объясняющий механизм широко используется в точных и гуманитарных науках.

А.Ю. Маруев также отмечает, что с векторами может происходить инверсия, когда вектор некой силы изменяет свое направление на противоположное. Это изменение в процессе инверсии не происходит внезапно,

---

¹⁷¹ Санжаревский И.И. Инверсионно-ресурсная модель политической власти: демократия как политический режим конвертации ресурсов во власть // Вестник Поволжского института управления. 2016. №4 (55). С. 5-6.

а проходит ряд определенных промежуточных стадий¹⁷². В случае гибридных угроз и активности по противодействию им, процесс инверсии может быть представлен в виде *имитационной модели*¹⁷³, демонстрирующей характер взаимодействия угроз в «триадах гибридных угроз».

Как указывалось в параграфе 1.3., угрозы в «триадах гибридных угроз» оказывают друг на друга мультиплицирующее и поддерживающее действие, которое также может быть представлено векторами. В случае успешной реализации активности, направленной на ослабление одной из трех угроз в «триаде», этот элемент, будучи связанной с двумя другими элементами «триады», будет оказывать на них не поддерживающее, как ранее, действие, а, наоборот, ослабляющее, с перспективой ослабления или ликвидации всей «триады». Соответственно, описанный процесс инверсии в рамках одной «триады гибридных угроз», может быть реализован и на уровне самих пяти «триад». Охарактеризованное в параграфе 1.3. синхронное воздействие пяти «триад» на систему национальной безопасности, оказывающих друг на друга поддерживающее и мультиплицирующее действие, также может быть представлено в виде векторов. Соответственно, нейтрализация одной из «триад» будет оказывать на другие четыре «триады» не поддерживающее, как ранее, действие, а ослабляющее. Таким образом, процесс инверсии в представленной модели нацелен на обеспечение национальной безопасности в условиях гибридной войны, имеет поэтапный характер (во времени) и его реализация сопряжена с операциями сложения, умножения и сравнения векторов, представленных и гибридными угрозами, и активностью по противодействию им (в пространстве).

---

¹⁷² Маруев А.Ю. Векторный подход к определению геополитических интересов Российской Федерации // Военная мысль. 2010. №12. С. 3-13. URL: <http://militaryarticle.ru/voennaya-mysl/2010-vm/10303-geopolitika-i-bezopasnost-16>

¹⁷³ Имитационное моделирование - метод исследования, при котором изучаемая система заменяется моделью, с достаточной точностью описывающей реальную систему (построенная модель описывает процессы так, как они проходили бы в действительности).

Таким образом, речь идет о выработке *инверсивной векторной модели обеспечения национальной безопасности России в условиях гибридной войны* (Рис. 2.1) и соответствующего комплексного стратегического подхода.

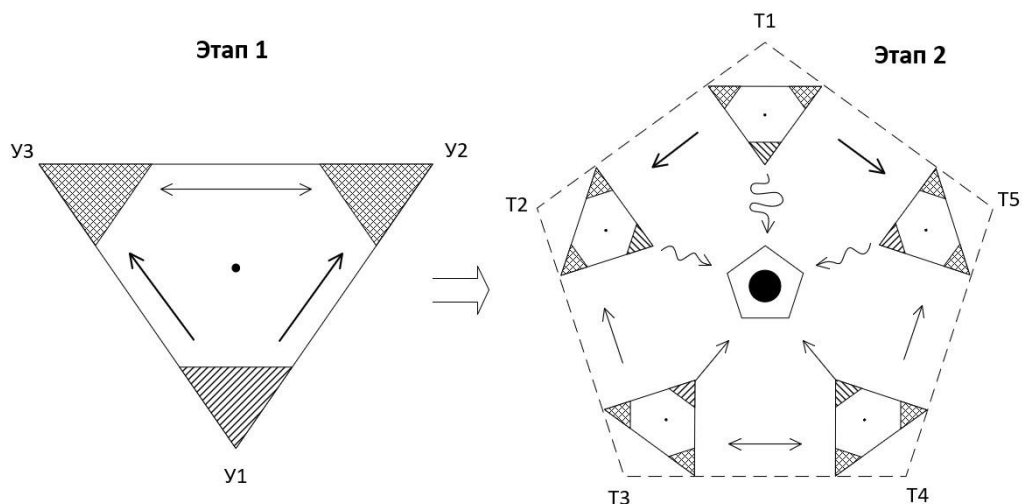

Рис. 2.1. Инверсивная векторная модель обеспечения национальной безопасности в условиях гибридной войны (разработана автором).

Итак, в рамках подраздела была определена возможность применения векторного подхода к анализу гибридного противоборства (функционал векторного подхода был определен как достаточный для решения поставленной задачи) и на его основе была разработана и представлена в виде имитационной модели инверсивная векторная модель взаимодействия системы обеспечения национальной безопасности с выявленными в параграфе 1.3. структурами гибридных угроз. Указанная инверсивная векторная модель может быть представлена как модель обеспечения национальной безопасности России в условиях гибридной войны в рамках декомпозиции¹⁷⁴ задачи комплексной нейтрализации гибридных угроз.

¹⁷⁴ В данном случае декомпозиция - операция мышления, состоящая в разделении целого на части и как приём, применяемый при решении проблем, состоящий в разделении проблемы на множество частных проблем, а также задач, не превосходящих суммарно по сложности исходную проблему, с помощью объединения решений которых, можно сформировать решение исходной проблемы в целом.

Таким образом, на основе предложенной инверсивной модели могут быть разработаны актуальные механизмы обеспечения национальной безопасности России и комплексный стратегический подход к взаимодействию России с ключевыми геополитическими оппонентами.

2.2. Механизмы обеспечения национальной безопасности России с использованием инверсивной векторной модели

В настоящем подразделе представлены результаты разработки новых механизмов обеспечения национальной безопасности и национальных интересов России в условиях гибридной войны с использованием инверсивной векторной модели, разработанной автором и представленной в подразделе 2.1.

В создавшихся условиях России требуется не просто модернизированная внешняя политика, но и усовершенствование существующих внешнеполитических концепций и доктрин в соответствии с требованиями времени, гибкого использования ресурсов реальных и потенциальных союзников, выработки новых методов воздействия на противостоящие России альянсы¹⁷⁵. В одном из своих программных выступлений Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркнул: «Нам необходимы механизмы реагирования не только на уже существующие опасности. Нужно научиться «смотреть за горизонт», оценивать характер угроз на 30–50 лет вперед. Это серьезная задача, требующая мобилизации возможностей гражданской и военной науки, алгоритмов достоверного, долгосрочного прогноза»¹⁷⁶.

Актуальные механизмы обеспечения национальной безопасности России в условиях гибридной войны в рамках векторного подхода. В выводах параграфа 1.2. настоящего исследования отмечалось, что применяемые Российской

---

¹⁷⁵ Карпович О.Г., Манойло А.В. Политика многополярности: новые вызовы и угрозы. М. 2020. С. 19.

¹⁷⁶ Путин В.В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 20 февраля 2012.

Федерацией механизмы и меры противодействия гибридным угрозам, будучи профилактическими по характеру, являются попыткой решить проблему на оперативном уровне, в то время как она требует решений стратегического уровня. Ниже будут представлены разработанные в рамках диссертации механизмы обеспечения национальной безопасности и национальных интересов России в условиях гибридной войны, являющиеся по сути результатом приложения разработанной в ходе исследования *инверсивной векторной модели*. Целесообразно представить их в соответствии с выделенными в подразделе 1.3. сферами, в которых концентрируются пять «триад гибридных угроз». Соответственно, предлагаемые механизмы могут быть реализованы на пяти направлениях (векторах) обеспечения национальной безопасности РФ – духовном и социокультурном, военно-политическом, экономическом, информационном, международно-политическом.

Суть совокупности всех представленных в работе механизмов может быть выражена в одном функциональном *принципе* – концентрация усилий на одной приоритетной угрозе в рамках «триады гибридных угроз» с целью ослабления/ликвидации этого элемента «триады». Речь идет о *первом этапе*, когда в соответствии с предложенной инверсивной векторной моделью, этого будет достаточно для потенциального ослабления / ликвидации всей «триады гибридных угроз» на *втором этапе*.

Механизмы обеспечения национальной безопасности России в условиях гибридной войны на духовном и социокультурном направлении (векторе).

На указанном направлении в параграфе 1.3. были выделены три гибридные угрозы, составляющие первую «триаду гибридных угроз» (Т1): действие политики «мягкой силы» со стороны коллективного Запада; повышение уровня криминализации российского общества, экстремизм; отсутствие национальной идеологии и слабая государственная политика идентичности. В рамках векторного подхода сравнение указанных угроз (векторов) позволил выявить приоритетную (наиболее опасную) угрозу – *действие политики «мягкой силы» со стороны коллективного Запада в отношении российской государственности*,

посредством которой формируется система ценностей и институтов, чуждых российскому обществу, идеология потребления. В числе эффектов от такой политики можно наблюдать потерю эксклюзивного права органов исполнительной власти проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику ввиду влияния негосударственных акторов. Результаты сравнительного анализа были верифицированы методом экспертных оценок¹⁷⁷, подтвердивших приоритетность указанной угрозы, а также то, что две другие угрозы – повышение уровня криминализации общества, экстремизм и отсутствие национальной идеологии и слабая государственная политика идентичности – хоть и являются серьезнейшими угрозами национальной безопасности РФ, однако во многом выступают производными от угрозы, определенной в качестве приоритетной (соответственно поддерживаются и стимулируются ею).

Далее, в рамках реализации инверсивной векторной модели необходимо провести концентрацию усилий по нейтрализации всех трех угроз в рамках «триады» (сложение), и направить их (новый вектор) на нейтрализацию приоритетной угрозы – действие политики «мягкой силы» со стороны коллективного Запада в отношении российской государственности. Это позволит сэкономить ресурс и провести эффективную его концентрацию на конкретном направлении, что может рассматриваться в качестве кратного усиления вектора (умножение).

Оформление механизма¹⁷⁸ обеспечения национальной безопасности России на этом направлении (нейтрализация действия политики «мягкой силы» со стороны коллективного Запада) может включать в себя следующие мероприятия и инструменты.

Во-первых, вовлечение общества в качестве активного субъекта в противодействие негативному воздействию «мягкой силы» Запада. Прежде

---

¹⁷⁷ Экспертный опрос был проведен 16-21 июля 2021 г. в Москве, в опросе приняли участие 29 экспертов – специалистов в сфере национальной безопасности.

¹⁷⁸ Под механизмом в данном случае понимается «система, устройство, определяющие порядок какого-либо вида деятельности или процесса» (согласно Словарю Ожегова), включающего совокупность элементов (субъекты, средства, ресурсы, условия, принципы, нормы и др.) и функциональные связи между ними.

всего необходимо проведение широких общественных дискуссий по вопросам реализации важных мер, направленных на решение проблем политического и социально-экономического характера, сопровождаемых разъяснениями сути деструктивной политики «мягкой силы» в отношении России со стороны коллективного Запада. Целью такой политики должно стать не только «разоблачение» замыслов Запада, но и формирование новой позитивной повестки, содержащей привлекательные идеи и концепты, которые могли бы эффективно конкурировать с теми идеями, образами и поведенческими практиками, которые продвигаются Западом с помощью инструментов «мягкой силы». Дело в том, что в современном мире можно наблюдать феномен отторжения насаживаемых Западом неонравственности и ЛГБТ-толерантности различными обществами. «Западная демократия» все чаще воспринимается как искаженная интерпретация западных политических систем (как политика подчинения большинства меньшинству). Так, востребованные сегодня чистота и нравственность поменяются смыслами, включенными в термины «постправда», «неонравственность», «неоценности», отражающими ситуацию, которую можно охарактеризовать как «заражение» всего общества (здорового большинства) чуждыми им неоценностями нездорового меньшинства. Это, в свою очередь, привело к появлению реальной возможности противопоставить неоценностям Запада ценности «Русского мира» и вовлечь российское общество и традиционные религии РФ в противодействие негативному воздействию «мягкой силы» Запада, в том числе через возрождение исконных духовно-нравственных ценностей и культурных традиций России.

Во-вторых, системная работа со средствами массовой информации, как *средством* вовлечения общества в качестве активного субъекта в противодействие негативному воздействию «мягкой силы» Запада, *инструментом* формирования общественного мнения, способным легитимировать действия публичной власти в России. На этом направлении необходима реализация эффективной политики в области средств массовой информации (блокирование тех тенденций, которые могут использоваться

противником в информационной войне, выстраивание конструктивных, наполненных позитивными смыслами и повесткой форматов) с одновременной активизацией работы служб информационной безопасности (сетевые СМИ и социальные сети). При этом необходимо избегать ситуаций, когда, преследуя цель защиты от нежелательного контента, государство полностью перекрывает информационные потоки извне, что создает у общества ощущение закрытости от мира, искусственной, политически обусловленной изоляции (отсюда неизбежно у населения формируется желание эту изоляцию преодолеть путем всевозможных оппозиционных, диссидентских практик). Крайне важное значение здесь имеет избегание неточных формулировок при обозначении гибридных угроз – так «цветные революции» в общественном и политическом дискурсах необходимо прямо называть внешним вмешательством во внутренние дела государства и формой агрессии / экспансии, т.е. незаконной деятельностью, подрывающей государственность, общественный порядок и безопасность. Так, первый шаг в этом направлении уже сделан – категория «цветная революция» присутствует в новой редакции Стратегии национальной безопасности¹⁷⁹. Важно чтобы эти сентенции корректно воспринимались и молодым поколением россиян, которое, судя по опыту постсоветских и ряда других стран, становится основным активом «цветных революций».

В-третьих, создание новой совокупности *принципов и норм* в социально-государственной системе – эффективной социальной надстройки в виде действенной государственной идеологии, направленной на реализацию национальных интересов, объединяющей власть и население страны. Ключевое значение здесь ключевое значение имеет налаживание диалога между властью, народом и социальными институтами, что требует создания и укрепления государственной идеологии, отвечающей всем требованиям поступательного развития российских общества и государства и стратегическим национальным

---

¹⁷⁹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Сайт президент России [Официальный сайт]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/QZw6hSk5z9gWq0plD1ZzmR5cER0g5tZC.pdf> (дата обращения: 12.07.2021).

приоритетам, обозначенным в Стратегии национальной безопасности¹⁸⁰. Речь идет о политике идентичности, эффективной реализации которой поможет возврат к традиционной системе школьного образования-воспитания (В Стратегии национальной безопасности обозначена задача обучения и воспитания молодежи «на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей» в целях народосбережения и развития человеческого потенциала¹⁸¹). Положительными эффектами реализации такого подхода должно стать снижение и ликвидация межэтнической и межконфессиональной напряженности, решения ряда других социальных противоречий и проблем, включая преступность и экстремизм.

В-четвертых, создание эффективной партийной системы, отражающей национальные интересы, функционирующей на основе конкуренции, способной быть действенным *инструментом* выражения чаяний всех слоев общества и *условием* для эффективной коммуникации власти и народа. Здесь необходима целенаправленная работа по созданию и развитию общественно-политических партий и организаций патриотической направленности (в том числе молодежных), направленных не только на канализацию социальной активности, но и на укрепление идейного превосходства над ресурсами оппозиции, являющейся проводником интересов Запада, ослабление ресурсов оппозиции, делигитимизации оппозиции за рубежом.

В-пятых, использование *ресурса* негосударственных акторов внутренней и международной политики. Крайне важно наладить взаимодействие с влиятельными негосударственными игроками в России и в странах ближнего и дальнего зарубежья, сделать это взаимодействие и влияние *инструментом* с контролирующим функционалом. Такая тактика позволит подорвать ресурсную базу «мягкой силы» Запада, а в оптимальном варианте направить его против самого же Запада, продвигая альтернативные ценности (консервативные

---

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Там же.

духовные ценности), установки и поведенческие практики, спрос на которые на Западе в действительности имеют место.

Так выглядит пятикомпонентное оформление механизма, основанного на принципе концентрации усилий на одной приоритетной угрозе в рамках «триады гибридных угроз» с целью ослабления / ликвидации этого элемента «триады» (Рис. 2.2).

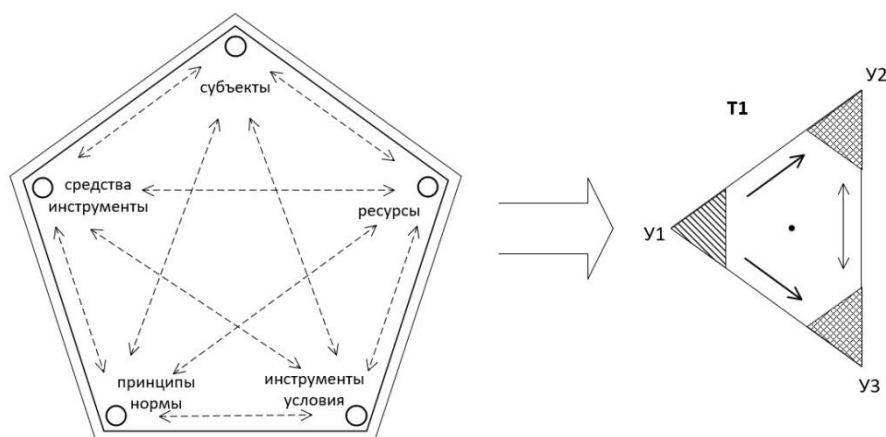

Рис. 2.2. Модель механизма обеспечения национальной безопасности России в условиях гибридной войны на конкретном направлении (векторе) (разработана автором).

Ожидаемым результатом является следующее:

1) реализация указанных пяти компонентов механизма (совокупность политических практик, мероприятий, инструментов, объединенных как элементы в определенную структуру посредством качественных связей) позволит ослабить приоритетную угрозу, что повлечет за собой ослабление двух других угроз из состава этой «триады» (Т1). Инверсивное действие вектора поддержки приоритетной угрозы двух других элементов приведет к снижению уровня криминализации российского общества и экстремизма, а также к появлению и укреплению национальной идеологии, конструктивной по своему характеру, и усилению государственной политики национальной идентичности.

Механизмы обеспечения национальной безопасности России в условиях гибридной войны на военно-политическом направлении (векторе).

2) На указанном направлении в параграфе 1.3. были выделены три гибридные угрозы, составляющие вторую «триаду гибридных угроз» (Т2): повышение роли негосударственных игроков; иностранные военно-разведывательные центры и сеть секретных биологических лабораторий по периметру российских границ на территории бывших советских республик. В рамках реализуемого векторного подхода сравнение этих угроз (векторов) позволил выявить приоритетную угрозу – *повышение роли негосударственных игроков*, чья активность искусственно направлена против России. Результаты сравнительного анализа были верифицированы методом экспертных оценок¹⁸², подтвердивших приоритетность обозначенной угрозы, а также то, что две другие гибридные угрозы – иностранные военно-разведывательные центры, чья деятельность направлена против России, и сеть секретных биологических лабораторий по периметру российских границ – являются серьезными угрозами, однако носят инструментальный характер и выступают продуктом текущих расстановки и баланса сил на международной арене. Соответственно при корректировке баланса сил, что может быть достигнуто в том числе изменением веса, значения и роли негосударственных игроков, эти две угрозы могут быть существенно ослаблены. Другими словами, существование выделенной в качестве приоритетной угрозы во многом обуславливает «угрозоемкость» двух других угроз во второй «триаде» (Т2).

Соответственно, в рамках реализации инверсивной векторной модели необходимо провести концентрацию усилий по нейтрализации всех трех угроз в рамках «триады» (сложение), и направить их в качестве нового вектора на нейтрализацию приоритетной угрозы, определенной как повышение роли негосударственных игроков, стимулируемых Западом на деструктивные действия в отношении российской государственности. Это, как в случае первой «триады» (Т1), позволит сэкономить ресурс и провести эффективную его

---

¹⁸² Экспертный опрос был проведен 16-21 июля 2021 г. в Москве, в опросе приняли участие 29 экспертов – специалистов в сфере национальной безопасности.

концентрацию на конкретном направлении, что может рассматриваться в качестве кратного усиления вектора (умножение).

Оформление механизма обеспечения национальной безопасности России на этом направлении (снижение роли негосударственных игроков) может включать в себя следующие мероприятия и инструменты.

Во-первых, активная реакция военно-политического руководства России на изменение природы конфликтности как необходимое *условие* для повышения эффективности политики безопасности. Анализ Военной доктрины Российской Федерации позволяет утверждать, что, с точки зрения военно-политической безопасности, современное государство рассматривает терроризм (а соответственно, и акторов, стимулирующих террористическую активность) наравне с угрозами военного характера. Применение Вооруженных Сил Российской Федерации в борьбе с терроризмом предусмотрено положениями ст.6 Федерального Закона № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»¹⁸³. При этом сама контртеррористическая операция определяется п.5.ст. 3 ФЗ как «комплекс специальных, оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств по пресечению террористического акта, обезвреживанию террористов, обеспечению безопасности физических лиц, организаций и учреждений, а также по минимизации последствий террористического акта»¹⁸⁴.

Изменение характера текущих военных конфликтов и активация такого субъекта как террористические (партизанские, инсургентские и т.д.) организации не может не приниматься во внимание при выработке тактики и стратегии контртеррористических операций. Приоритет отдается операциям военного типа. Соответственно, надлежащее решение оперативной проблемы борьбы с терроризмом находится в русле военной тактики, независимо от того, проводится контртеррористическая операция силами правоохранительных

---

¹⁸³ Федеральный Закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Сайт Президента России [Официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23522> (дата обращения: 03.07.2021).

¹⁸⁴ Там же.

органов и спецслужб, либо к ее проведению привлекаются и силы Министерства обороны.

Так, после террористического акта в отношении российского пассажирского самолета над Синайским полуостровом, Министр иностранных дел России С.В. Лавров четко озвучил позицию Российского государства: в ответ Российская Федерация будет применять ст.51 Устава ООН. Как известно, статья 51 Устава ООН устанавливает возможность самообороны государства или группы государств, являющихся членами ООН, от агрессии путем применения вооруженной силы вплоть до занятия территории другого государства, ограничения его суверенитета¹⁸⁵. При этом, как подчеркнул С.В. Лавров, «право на самооборону будет реализовываться всеми доступными средствами — и политическими, и военными, и по линии специальных служб, разведки и так далее»¹⁸⁶.

Указанное выше свидетельствует о том, что российские силовые структуры реагируют на изменение природы конфликтности, однако эта реакция носит пассивный характер, хоть и ее продуктивность следует рассматривать как положительную.

Во-вторых, создание и использование новых средств для адекватной оценки военно-политической ситуации в мире. Видится целесообразным использовать прогностические методы для выявления не только потенциальных театров военных действий и методов противоборства, которые будет использовать противник, но и его стратегических замыслов. Другими словами, на первый план выходит необходимость формирования актуальной «карты конфликтов» (своего рода картографирование «нового лица войны»), их типологии. Решение именно этой задачи – картографирования современных конфликтов, включая гибридные на основе соответствующих методик –

---

¹⁸⁵ Устав ООН // ООН [Официальный сайт]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 03.07.2021).

¹⁸⁶ Лавров: атака на А321 равноценна нападению на РФ, право на самооборону будет реализовано. 18.11.2015 // ТАСС [Сайт]. URL: <https://tass.ru/politika/2449158> (дата обращения: 04.07.2021).

позволяет перейти к обоснованию адекватной модели военной организации государства, самой логики военного строительства. Несомненно, институализация и встройка деятельности по картографированию современных конфликтов как прогностической работы в механизм обеспечения национальной безопасности и мониторинг изменений динамика современных конфликтов (изменения на «карте конфликтов») могли бы во многом предопределить гибкость той модели военной организации, которая сможет обеспечить приемлемый уровень военно-политической безопасности Российской Федерации.

При этом собственно географический аспект военных конфликтов – определение потенциальных театров военных действий (ТВД) – вне всяких сомнений сохранит свою значимость. Но он будет «накладываться» на матрицу современных типов военных конфликтов. Другими словами, классический для военно-политического анализа и прогнозирования вопрос «война на каком ТВД?» сегодня должен предваряться вопросом «война (военный конфликт) какого типа?». Картографирование современных конфликтов, как реальных, так и потенциальных, предполагает сочетание двух этих критериев. При этом очевиден «мозаичный эффект», когда на одном и том же ТВД могут последовательно или даже одновременно реализовываться несколько типов военных конфликтов.

В среднесрочной перспективе Россию в большей степени должны интересовать следующие типы военных конфликтов или боевых действий в проекции к специфике местности: во-первых, боевые действия в условиях города и, во-вторых, боевые действия в условиях горной и горно-степной местности. Разумеется, возможно сочетание специфических по характеру местностей и территорий. При этом наиболее вероятным форматом боевых действий становится гибридный. В этом случае, гибридные войны будут иметь специфику, во-первых, боевых действий в условиях крупных городов и других населенных пунктов со сложной инфраструктурой и, во-вторых, боевых действий в условиях горной и горно-степной местности. Нужно отметить, что гибридная война в

условиях города уже становится реальностью: этот аспект активно разрабатывается и представлен в специальной литературе.

Так, подлинная революция в понимании будущей войны, как разрушительных и кровопролитных конфликтов, ведущихся в ландшафте крупных городов и гигантских территорий, была совершена в конце 2000-х годов австралийским представителем сил специального назначения, ныне руководителем частной военной компании и советником по контртерроризму правительств США, Великобритании, Австралии Д. Килкулленом. Его ключевые работы «Контртерроризм» и «Спускаясь с гор: грядущая война в городах» не переведены на русский язык, переведены лишь отдельные статьи автора¹⁸⁷. В связи с этим нельзя также не отметить перенос будущих жестких противоборств и военных столкновений из гор и пустынь в городские агломерации. Отчасти это видно сегодня на примере Донецка, Луганска, Масула, Алеппо и др. Развитие такого формата конфликтного взаимодействия будет происходить в условиях беспрецедентной информационной открытости и повышения коммуникационной и иной связности всех точек мира с целью посеять страх и ужас военного конфликта в глобальном масштабе. Под этим углом зрения представляется крайне интересным доклад корпорации RAND, подготовленный Джоном Маккинлеем, Элисоном Аль-Баддавеем¹⁸⁸. По мнению авторов, в перспективе любое локальное боестолкновение будет иметь тенденцию к глобальной эскалации и ощущаться не только в политической, но и в экономической сферах по всему миру. И роль негосударственных игроков здесь сложно переоценить.

Анализируя опыт боевых действий в Сирийской Арабской Республике, А. Тарасов указывает следующее: «Характерная особенность урбанизированных территорий в том, что там сосредоточены все среды, как природные, так и

---

¹⁸⁷ Килкуллен Д. Грядущая война в городах // ВикиЧтение [Сайт]. URL: <https://pub.wikireading.ru/123630> (дата обращения: 23.04.2020).

¹⁸⁸ RAND Counterinsurgency Study – Rethinking Counterinsurgency, John Mackinlay, Alison Al-Baddawy. RAND Corp., 2006.

рукотворные. В крупных конурбациях, вроде Атлантического побережья в США (Atlantic Seaboard Conurbation) или т.н. Большой Джакарты в Индонезии, можно найти всё что угодно — от приморской зоны или гор до сетей подземных коммуникаций. В каком-то смысле конфликты в городах настоящего и будущего – это концентрированное выражение идеи «многосредных боевых действий». ...В городах особенно сильно влияние информационной среды. Как показывает практика, при боевых действиях в городах практически невозможно полностью захватить, подавить или уничтожить информационную среду в зоне конфликта, и это оказывает существенное влияние на характер боевых действий. Стороны могут накапливать и передавать полученные опыт и знания: чертежи и схемы вооружения, методики обучения, пропагандистские материалы, карты и многое другое. В некоторых случаях даже формируется база знаний, которая кочует из конфликта в конфликт»¹⁸⁹. Следует согласиться с А. Тарасовым в том, что быстро меняющаяся ситуация городского боя требует быстрых, зачастую нетривиальных решений. Городская среда сложна сама по себе, а ее свойства могут и будут способствовать постоянному появлению новых вызовов. Надо сказать, что конфликты последних десятилетий показали, что к большинству из «урбанистических» проблем современные армии не готовы. Требуются значительные вложения и усилия, которые должны коснуться и боевой техники, и самих солдат.

Вне всяких сомнений, перекройка карты мира, которая активно идет с начала 1990-х годов, повлечет формирование ТВД в формате гибридных войн с участием негосударственных игроков разных типов на территориях:

- т.н. «замороженных конфликтов» или непризнанных государств,
- государств-лимитрофов,
- т.н. «несостоявшихся/падающих государств» (т.н. компенсационные войны),

---

¹⁸⁹ Тарасов А. Военные урбанисты: бульдозеры с бомбами и управляемые пулеметы в городских боях. Конфликт в Сирии дает представление о войнах будущего // Известия [Сайт]. URL: <https://iz.ru/977694/aleksei-tarasov/voennye-urbanisty-buldozery-s-bombami-i-upravliaemye-pulemety-v-gorodskikh-boiakh> (дата обращения: 12.06.2021).

- государств, на территории которых находятся «проблемные» анклав (типичный пример – таджикский анклав Ворух на территории Киргизии).

К слову, принципиальной является необходимость приведения в соответствие определения конфигурации региона с конфигурацией силовых полей, воздействующих на них. Так, необходимо разделить регион Большого Ближнего Востока (ББВ) на два региона – Ближнего Востока и Среднего Востока, т.к. у США в рамках одного командования (USCENTCOM) реализуются три направления – Ближний Восток, Средний Восток и Центральная Азия – соответственно, имеет место разделение сфер ответственности внутри USCENTCOM. Это разделение реализуется исходя из нашей проекции силы в этих трех регионах (усилия указанных направлений внутри американского командования фактически направлены против России). В целом, из шести командований Объединенного Командования армии США USCENTCOM является наиболее боеспособным. Все операции этого командования на Среднем и Ближнем Востоке, в Центральной Азии являются угрожающими факторами для российской системы национальной безопасности, т.к. активизация военных операций США и их союзников на указанных направлениях становятся прямой угрозой развязывания прокси-войны, в которую будут втянута Россия в соответствующих регионах и субрегионах.

Кроме того, есть основания полагать, что в краткосрочной и, вероятно, среднесрочной перспективе гибридные войны по большей части будут протекать без введения правового режима военного положения. Соответственно, технологии военного реагирования будут подлежать камуфлированию с использованием таких категорий как «гуманитарная интервенция», «гуманитарные конвои», «повстанческое движение», «полицейские операции» и, конечно же, «принуждение к миру». Часть вооруженных конфликтов будет реализовываться в формате гражданской войны, не имеющей к настоящему времени никакого правового ограничителя или регулятора. Акторами в таких конфликтах, наряду с государствами, будут выступать частные военные

компаний, международные террористические организации и региональные группы ополчения, действующие в формате партизанской войны и другие негосударственные игроки. Во всех случаях вооруженные конфликты в формате гибридной войны будут сопровождаться информационной войной, имеющей собственную логику развития и набор инструментов ведения.

Указанные обстоятельства и наметившиеся тренды и тенденции в реализации гибридного противостояния подчеркивают необходимость картографирования современных конфликтов, включая гибридные, и включения этого метода прогнозирования в общую механику обеспечения военно-политической безопасности России.

В-третьих, модернизация нормативной базы как *средства* поддержания системы обеспечения национальной безопасности в адекватном существующим угрозам состоянии. Так, необходим пересмотр ключевых документов стратегического планирования в военно-политической сфере, прежде всего Военной доктрины и Доктрины информационной безопасности России. Акцент необходимо сделать на предупреждение именно гибридных угроз, проводниками которых часто выступают негосударственные акторы, зачастую действующие инструментами той же самой «мягкой силы» (так, в военных доктринах США и стран НАТО ключевой целью Вооруженных сил значится продвижение демократии, т.е. распространения так называемых универсальных ценностей) и противодействие им. Важно учесть и активно корректирующийся набор инструментов воздействия на безопасность противника со стороны США и других стран Запада – расширение сети биологических лабораторий двойного назначения (и вообще актуализация биологических угроз), разведывательной инфраструктуры под прикрытием дипломатических миссий, институтов гражданского общества, международных структур, реализующих гуманитарную повестку и проч.

В-четвертых, национальные Вооруженные силы и специальные службы как *субъекты* должны также отвечать требованиям и вызовам времени. Актуализации требует выстраивание работы Вооруженных сил и специальных

служб в соответствии с новым типом угроз, являющихся следствием активизации негосударственных акторов и ростом их влияния на международную обстановку. Речь идет о новых технологиях обучения, переобучения, повышения квалификации военных для эффективного противодействия противнику в условиях гибридной войны.

В-пятых, формирование новых *субъектов* в системе обеспечения военно-политической безопасности страны, способных действовать в тех сегментах, где невозможна эффективная активность одних национальных сил. Так, необходимо создание собственной военной сети (силы и средства) как основы нанесения превентивных и асимметричных контрударов по противнику на базе союзнических отношений (ОДКБ, двусторонние соглашения в сфере обеспечения безопасности, ЧВК в рамках миротворческих операций).

Так выглядит пятикомпонентное оформление механизма, основанного на принципе концентрации усилий на одной приоритетной угрозе в рамках «триады гибридных угроз» с целью ослабления/ликвидации этого элемента «триады». Ожидаемым результатом является следующее: реализация указанных пяти компонентов (совокупность практик, мероприятий, инструментов) позволит ослабить приоритетную угрозу (определенной как повышение роли негосударственных игроков). В связи с чем ожидается ослабление двух других угроз из состава второй «триады гибридных угроз» в военно-политической сфере (Т2). Инверсивное действие вектора поддержки приоритетной угрозы двух других элементов может снизить активность США по развитию сетей военно-разведывательных центров и секретных биологических лабораторий двойного назначения по периметру российских границ на территории бывших советских республик, ставших по сути объектами военной инфраструктуры США и НАТО. Такие изменения возможны за счет усиления возможностей проецирования силы Россией и превентивного реагирования на угрозы, связанные с активностью негосударственных игроков, что неизбежно скажется на проникающей способности военной инфраструктуры противника, не смотря на то, что она является одним из видов военно-политической активности государственной

структуры. Как показывает опыт постсоветских, и не только, государств, на территории которых размещаются такого типа инфраструктура, ее инфильтрация становится возможной благодаря комплексной работе Госдепартамента, Министерства обороны и разведструктур США по созданию соответствующих условий посредством контролируемой активности негосударственных игроков (многоуровневая дипломатия, работа с элитами, проведение силовых акций устрашения, политическое давление и проч.).

Механизмы обеспечения национальной безопасности России в условиях гибридной войны на экономическом направлении (векторе).

На обозначенном направлении в параграфе 1.3. были выделены три гибридные угрозы, составляющие третью «триаду гибридных угроз» (Т3): экономический контроль российской элиты, части общества и государственных структур со стороны Запада; санкционная политика Запада, низкий уровень социально-экономической удовлетворенности российского общества. Сравнение указанных угроз (векторов) в рамках векторного подхода позволило выявить приоритетную угрозу – *экономический контроль российской элиты, части общества и государственных структур со стороны Запада*, предопределяющей вектор их политической активности, в том числе в вопросах, связанных с обеспечением национальной безопасности. Результаты сравнительного анализа были верифицированы методом экспертных оценок¹⁹⁰, подтвердивших приоритетность указанной угрозы, а также то, что две другие угрозы – санкционная политика Запада, низкий уровень социально-экономической удовлетворенности российского общества – безусловно являются угрозами, однако менее масштабными. И потенциально они могут иметь менее негативные последствия в долгосрочной перспективе нежели та угроза, которая определена в качестве приоритетной (однако взаимосвязь между всеми тремя угрозами в рамках «триады» (Т3) очевидна и не требует доказательств).

---

¹⁹⁰ Экспертный опрос был проведен 16-21 июля 2021 г. в Москве, в опросе приняли участие 29 экспертов – специалистов в сфере национальной безопасности.

В рамках реализации предложенной в разделе инверсивной векторной модели необходимо провести концентрацию усилий по нейтрализации всех трех угроз в рамках «триады» (сложение), и направить их (новый вектор) на нейтрализацию приоритетной угрозы – экономический контроль российской элиты, части общества и государственных структур со стороны коллективного Запада. Это позволит сэкономить ресурс и провести эффективную его концентрацию на конкретном направлении, что может рассматриваться в качестве кратного усиления вектора (умножение).

Оформление механизма обеспечения национальной безопасности России на экономическом направлении (экономический контроль российской элиты, части общества и государственных структур со стороны коллективного Запада) может включать в себя следующие мероприятия и инструменты.

Во-первых, важным условием эффективного противостояния давления Запада на элиту, общество и госструктуры России должна стать публичная оценка действий Запада. Речь идет о публичном разоблачении западной стратегии экономического порабощения противника и его элит в ходе гибридной войны, реализации экономического давления с помощью санкций (для чего Россию обвиняют в агрессивной политике, несоблюдении норм международного права, нарушении прав человека и проч.) в отношении Российской Федерации. Целью стратегии является ослабление страны, ее раздробление и разграбление, навязывание долгов и полная десоверенизация и управляемость. Необходим поиск уязвимостей системы экономического контроля российской элиты, части общества и государственных структур со стороны коллективного Запада и их полное устранение.

Во-вторых, еще одним ключевым условием должно стать обеспечение максимальной финансовой и экономической независимости и безопасности России (особенно ведущих государственных и частных компаний). Продвижение практики заключения социальных договоров с крупным отечественным бизнесом об инвестировании в отечественные проекты на прорывных направлениях НТП и в инфраструктурные проекты,

сопровождающееся кардинальным улучшением условий организации и функционирования малого бизнеса и политикой импортозамещения, должны позитивно сказаться на экономической безопасности и нейтрализовать негативные эффекты от санкционного давления.

В-третьих, включение дополнительных *ресурсов* в повышение уровня благосостояния российского общества и модернизацию российской экономики. Указанный ресурс может быть получен путем возврата финансовых средств из оффшорных зон и западных банковских структур в Россию и переориентация финансовых потоков с Запада на Восток. Интенсивное развитие экономических *связей* в рамках ЕАЭС и БРИКС.

В-четвертых, ликвидация *ресурсов* деструктивных элементов системы, например, подрыв ресурсной базы политической оппозиции при максимально четком соблюдении международных договоренностей и соглашений, если их реализация не угрожает национальной безопасности, с тем чтобы закрепить за Россией статус надежного делового партнера.

В-пятых, налаживание *связей* между субъектами – властью и обществом – особенно эффективной обратной *связи*. Необходим постоянный мониторинг социально-экономического и социально-психологического состояния (самочувствия) населения во всех регионах России. Крайне важно последовательное, без отсрочек и задержек четкое выполнение государством социальных обязательств перед населением (здесь тоже необходима система мониторинга); выравнивание уровней социально-экономического развития регионов и уровня жизни населения и всех мер, предусмотренных Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года¹⁹¹.

Так в целом выглядит пятикомпонентное оформление механизма ликвидации экономического контроля российской элиты, части общества и государственных структур России со стороны Запада, основанного на принципе

---

¹⁹¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации об утверждении «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» от 13.02.2019 г. №207-р. // Сайт Правительства России [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUfT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 29.06.2020).

концентрации усилий на одной приоритетной угрозе в рамках третьей «триады гибридных угроз» (ТЗ) с целью ослабления / ликвидации этого элемента «триады». Ожидаемым результатом является следующее: реализация этих пяти компонентов (совокупность практик, мероприятий, инструментов) позволит существенно ослабить приоритетную угрозу, что автоматически вызовет ослабление двух других угроз из состава «триады гибридных угроз» в экономической сфере за счет существующих между ними взаимосвязей. Так, создание и наращивание сил и средств пропаганды привлекательности российской бизнес-среды и защищенности капитала, тотальный контроль государства над инновационными проектами и их поддержка способны постепенно решить задачу ориентированности бизнеса на национальные интересы страны. Инверсивное действие вектора поддержки приоритетной угрозы двух других элементов может снизить эффективность санкционного давления, что приведет к изменениям политики в области применения санкций в сторону ее ограничения. Возврат финансовых средств в российскую юрисдикцию позволят оперативно решать проблемы социально-экономического развития, особенно в тех секторах, которые могут стать причиной массового недовольства и использоваться внешними силами для дестабилизации внутриполитической обстановки в России.

Механизмы обеспечения национальной безопасности России в условиях гибридной войны на информационном направлении (векторе).

На информационном направлении в перagraфе 1.3. были выделены три гибридные угрозы, составляющие четвертую «триаду гибридных угроз» (Т4): распространение деструктивного контента в социальных медиа и сетевых СМИ; отсутствие четкого определения статуса «критической инфраструктуры», «критически важных объектов» и «потенциально опасных объектов»; развитие искусственного интеллекта. В рамках реализуемого векторного подхода сравнение этих угроз (векторов) позволил выявить приоритетную угрозу – *распространение деструктивного контента в социальных медиа и сетевых СМИ*, что является в основном следствием отсутствия суверенитета в

информационной сфере. При этом прослеживаются взаимосвязи между всеми тремя угрозами, составляющими «триаду» (Т4). Результаты сравнительного анализа были также верифицированы методом экспертных оценок¹⁹², подтвердивших приоритетность указанной угрозы, а также то, что две другие гибридные угрозы – отсутствие четкого определения статуса «критической инфраструктуры», «критически важных объектов» и «потенциально опасных объектов», развитие искусственного интеллекта – носят производный характер и также как и приоритетная является следствием отсутствия суверенитета в информационной сфере. Но при этом, с точки зрения «угрозоемкости», в том числе в обозримой перспективе, эти две угрозы носят второстепенный характер.

Следовательно, в рамках реализации инверсивной векторной модели необходимо провести концентрацию усилий по нейтрализации всех трех угроз в рамках четвертой «триады» (сложение), и направить их в качестве нового вектора на нейтрализацию приоритетной угрозы – распространение деструктивного контента в социальных медиа и сетевых СМИ. Это, как в случае других «триад», позволит сэкономить ресурс и провести эффективную его концентрацию на конкретном направлении, что может рассматриваться в качестве кратного усиления вектора (умножение).

Оформление механизма обеспечения национальной безопасности России на информационном направлении (распространение деструктивного контента в социальных медиа и сетевых СМИ) может включать в себя следующие мероприятия и инструменты.

Во-первых, активная работа, направленная на формирование новой *субъектности* в системе – создание и легитимизацию российского суверенитета в информационном пространстве и организация системы контроля входящего контента. Это возможно посредством достижения договоренностей о правилах игры (*нормах*) в глобальном информационном пространстве и закреплении этих правил в международно признанных документах на уровне ООН.

---

¹⁹² Экспертный опрос был проведен 1621 июля 2021 г. в Москве, в опросе приняли участие 29 экспертов – специалистов в сфере национальной безопасности.

При этом важно учитывать, что в условиях гибридной войны ключевым компонентом взаимодействия противников является сеть. Поэтому попытки лобового (линейного) решения проблемы — например, нейтрализация угрозы «цветных революций» путем технического отключения сетевых ресурсов в государстве — удались в Китае, Иране и отчасти в Беларуси. Уже во время «арабской весны» эта тактика оказалась бесплодной по той причине, что к тому времени мировым сообществом во главе с США доступ граждан к сетевым ресурсам был объявлен одним из фундаментальных прав человека¹⁹³.

Поэтому наряду с таким решением проблемы суверенитета в информационной сфере, которое бы устраивало Россию, она должна располагать правом на самооборону (как и в случае возникновения военных угроз национальной безопасности), и адекватный набор мер противодействия. Ключевым здесь является принцип экстерриториальной юрисдикции в отношении киберпространства. Именно такой подход был реализован в принятом в США в 2018 г. «Облачном акте» (этот закон устанавливает юрисдикцию страны в отношении данных, находящихся на серверах в иностранных государствах), расширяющем киберсуверенитет и юрисдикцию США практически на весь мир¹⁹⁴.

Россия же в настоящий момент придерживается принципа территориальной юрисдикции в сфере информационной безопасности (устанавливаются территориальные границы в отношении оборудования, серверов, компьютеров и информации, доступ к которой осуществляется с этих устройств¹⁹⁵). Такая ситуация очевидно подрывает национальную безопасность России. Поэтому крайне важно сформировать альтернативный подход и последовательно претворять его в жизнь.

---

¹⁹³ Меркурьев В. В., Агапов П. В. Противодействие технологиям «цветных революций» в системе мер по предупреждению преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства // Всероссийский криминологический журнал. 2014. № 2. С. 63-71.

¹⁹⁴ Коданева С.И. «Гибридные угрозы» безопасности России: выявление и противодействие // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т.13. №2. С. 56. (44-71).

¹⁹⁵ Терентьева Л.В. территориальный аспект юрисдикции и суверенитета государства в киберпространстве // LEX RUSSICA (Русский закон). 2019. №4(419). С. 139-150.

Во-вторых, важным условием противодействия распространению деструктивного контента в социальных медиа и сетевых СМИ является своевременное распознавание манипулятивных моделей коммуникации в условиях гибридной войны, которые активно используются страной-инициатором гибридной войны. Проводником и субъектом, реализующим такие модели, как правило, выступают и сама страна-инициатор и политическая оппозиция в стране-мишени и стране-жертве. Ключевой задачей руководства последних двух является распознавание этих моделей и их дискредитация. Всего выделяют четыре основные манипулятивные модели коммуникации: «спираль молчания», «диффузия», модель «привратника» и структура новостей. Модель «спираль молчания» основывается на социологическом феномене (индивидуум, находящийся в меньшинстве, обычно скрывает свое мнение, чтобы не отличаться от большинства). В рамках этой модели посредством манипуляции СМИ, большинство перестает чувствовать себя большинством и начинает меньше выражать свое мнение. Другими словами, модель «спираль молчания» представляет собой искусственное искажение реальности, когда большинство превращается в меньшинство и, наоборот, с целью получить выгодную статистику. Модель «диффузии», в свою очередь, основывается на том, что существует 5% критического населения, которое необходимо склонить на свою сторону, а затем идеи начнут распространяться дальше, и по достижении 20% процесс уже невозможно будет остановить. Модель «привратника» представляет собой контроль потока новостей и создание фильтра на восприятие только выгодной информации, в то время как новости представляются сквозь призму заданной идеологии¹⁹⁶.

В-третьих, концептуальное и функциональное соединение в устойчивую связь параметров обеспечения информационной безопасности и параметров обеспечения национальной безопасности и отражение этой связи в документах стратегического планирования Российской Федерации (*принципы, нормы*). Как

---

¹⁹⁶ Почепцов Г.Г. Теория коммуникаций. М.: Рефл-бук: Ваклер, 2006.

отметил глава КНР Си Цзиньпин, «Отсутствие кибербезопасности – отсутствие национальной безопасности»¹⁹⁷. Концептуализация должна сопровождаться активностью, направленной на систематическое разоблачение подрывной деятельности западных НПО и других агентов влияния коллективного Запада в информационной сфере.

В-четвертых, еще одним важным условием противодействия распространению деструктивного контента в социальных медиа и сетевых СМИ является переход от стратегии реагирования на угрозы, появляющиеся в информационной среде/киберпространстве (например, уже распространенную в сети Интернет и СМИ информацию) к стратегии заполнения информационных пустот качественной и объективной информацией. Разновидностью такого подхода может стать стратегия «вытеснения контентом», когда объем специально продуцируемого позитивного и конструктивного контента постепенно вытесняет деструктивный. Речь фактически идет о налаживании эффективной системы контрпропаганды в России и за рубежом.

В-пятых, нужна модернизация собственных *ресурсов* в информационно-коммуникативной среде. Так, крайне необходимо создание собственного DNS-сервера и отечественного программного обеспечения (ПО) не только для нужд информатизации общества и обеспечения независимости в киберпространстве, но и для эффективного и безопасного обслуживания критической инфраструктуры (здесь целесообразна и доработка нормативно-правовой базы в целях устранения противоречий в подходах и определению правового статуса «критической инфраструктуры», «критически важных объектов» и «потенциально опасных объектов»). Создание отечественного DNS-сервера должно сопровождаться налаживанием сотрудничества со странами ЕАЭС и ОДКБ в целях создания безопасного информационного пространства в Северной Евразии и обеспечения общей кибербезопасности, а также совместным со

---

¹⁹⁷ Разумов Е.А. Киберсуверенитет как аспект системы национальной безопасности КНР // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы VII международной научно-практической конференции. 2017. С. 707-710.

странами ЕАЭС и ОДКБ постоянным мониторингом в связи с активным внедрением технологий искусственного интеллекта на предмет потенциальных угроз. Сюда же можно отнести выработку и согласование единых принципов информационной политики и привлечение максимального широкого круга отечественных и зарубежных специалистов, ученых, общественных деятелей к обсуждению проблем безопасности, войны, мира.

Предложенное пятикомпонентное оформление механизма, как и другие, основано на принципе концентрации усилий на одной приоритетной угрозе в рамках четвертой «триады гибридных угроз» с целью ослабления / ликвидации этого элемента «триады». Ожидаемым результатом является следующее: реализация этих пяти компонентов (совокупность практик, мероприятий, инструментов) позволит существенно ослабить приоритетную угрозу (распространение деструктивного контента в социальных медиа и сетевых СМИ), что автоматически вызовет ослабление двух других угроз из состава «триады гибридных угроз» (Т4) в информационной сфере, так связи между ними очевидны. Инверсивное действие вектора поддержки приоритетной угрозы двух других элементов позволит дать четкое определение статуса «критической инфраструктуры», «критически важных объектов» и «потенциально опасных объектов», что, в свою очередь, позволит начать системные мероприятия по укреплению их безопасности. Инверсия также приведет к корректной оценке потенциального развития «угрозоемкости» использования искусственного интеллекта и выработке соответствующей политики, направленной на ослабление этой угрозы национальной безопасности России.

Механизмы обеспечения национальной безопасности России в условиях гибридной войны на международно-политическом направлении (векторе).

На указанном направлении в подразделе 1.3. были выделены три гибридные угрозы, составляющие пятую «триаду гибридных угроз» (Т5): эрозия международного права и появление новых сфер международно-правового регулирования (включая правовое регулирование в сфере использования искусственного интеллекта); нарушение норм международного права и

целенаправленная подмена его все более укрепляющимся «правом сильного». В рамках реализуемого векторного подхода сравнение этих угроз (векторов) позволил выявить приоритетную угрозу – *эрозия международного права*. Результаты сравнительного анализа были верифицированы методом экспертных оценок¹⁹⁸, подтвердивших приоритетность обозначенной угрозы, а также то, что две другие гибридные угрозы – появления новых сфер международно-правового регулирования и подмена норм международного права укрепляющимся «правом сильного» – являются серьезными угрозами, однако в первом случае носят объективный характер, так как социальный прогресс так или иначе предполагает появление новых сфер регулирования, а во втором случае указанная угроза является производной от угрозы, определенной в качестве приоритетной. Существование выделенной в качестве приоритетной угрозы во многом обуславливает «угрозоемкость» двух других угроз в «триаде» (Т5). При этом, с точки зрения «угрозоемкости», в том числе в обозримой перспективе, эти две угрозы носят второстепенный характер. Соответственно при укреплении самого международного права и механизмов, обеспечивающих корректную его работу, за что Российская Федерация последовательно выступает весь период своей истории, эти две угрозы могут быть существенно ослаблены и / или ликвидированы.

Далее, в рамках реализации инверсивной векторной модели необходимо провести концентрацию усилий по нейтрализации всех трех угроз в рамках пятой «триады» (сложение), и направить их в качестве нового вектора на нейтрализацию приоритетной угрозы (*эрозия международного права*). Это, как в случае других четырех «триад», позволит сэкономить ресурс и провести эффективную его концентрацию на конкретном направлении, что может рассматриваться в качестве кратного усиления вектора (умножение).

---

¹⁹⁸ Экспертный опрос был проведен 16-21 июля 2021 г. в Москве, в опросе приняли участие 29 экспертов – специалистов в сфере национальной безопасности.

Оформление механизма обеспечения национальной безопасности России на этом направлении (эрозия международного права) может включать в себя следующие мероприятия и инструменты.

Во-первых, сохранения базовых условий действия международного порядка, основанного на международном праве (*принципы, нормы*). Здесь необходимо дальнейшее отстаивание позиции, согласно которой альтернатив существующему, согласно Уставу ООН, международному правопорядку нет. Необходимо акцентировать внимание союзников, партнеров и геополитических оппонентов на том, что сегодняшняя ситуация в мире, когда США и их союзники беспрестанно нарушают международное право, является по сути кульминацией правового вандализма Запада. Настойчивые попытки заменить международный правопорядок «порядком, основанным на правилах» должны и далее осуждаться Россией¹⁹⁹. Необходимо последовательно разоблачать политику двойных стандартов по отношению к России и ее союзникам, ставшей составляющей гибридной войны, агрессивной политики США и НАТО.

Во-вторых, достижению целей на этом направлении может способствовать появление новых *средств* воздействия на международно-правовую практику. Так, необходимо возродить дипломатическую практику времен СССР, когда советская дипломатия регулярно и систематически предлагала новеллы, помогавшие совершенствовать международное право и разрешать сложные правовые коллизии. В современном мире разворачивается большое количество кризисов различной природы, которые зачастую приходится решать вне правовых рамок. Так, актуальной видится проблема односторонних действий и многосторонности в международной политике, а также ряд других проблем, формирующих новые сферы международно-правового регулирования (информационная безопасность, искусственный интеллект и проч.). К примеру, Россия может предложить свое решение проблемы в русле «*подлинная*

---

¹⁹⁹ Статья Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова «О праве, правах и правилах», Москва, 28 июня 2021 года // МИД РФ [Официальный сайт]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/ckNonkJE02Bw/content/id/4801890 (дата обращения: 28.06.2021).

многосторонность – истинная многосторонность» (концепции, по сути противоположной тому, что сегодня под «многосторонностью» понимает Запад). Возрождение такой практики потребует выстроить принципиально новую систему взаимодействия корпуса юристов-международников, работающих в соответствующих ведомствах, с экспертным и научным сообществами.

В-третьих, в качестве нового средства достижения цели нейтрализации эрозии международного права необходимо внедрять механизмы рефлексивного управления во внешнеполитическую деятельность Российской Федерации. Рефлексивное управление в данном случае предполагает совмещение двух смыслов этой управленческой практики: во-первых, как искусство манипуляции, а во-вторых, как специфический метод социального контроля.

В-четвертых, модернизация качества субъектности современной России в существующей системе международных отношений. Здесь прежде всего необходима разработка концептуально выверенного решения проблемы актуализации «права сильного», которое в качестве существенного фактора деструктивно влияет на систему международного права. Это решение должно учитывать интересы России как Великой державы, с одной стороны, но при этом не создавать предпосылок для плохо предсказуемых эффектов в системе международных отношений, с другой. В отличие от других игроков, входящих в число региональных держав, Россия располагает не только многовековым *опытом подлинно Великой державы*, центра силы и несущей конструкции системы международной безопасности, но всеми признаками Великой державы (за исключением состояния экономической системы). Поэтому, решая эту сложную задачу, которую можно представить в виде дилеммы безопасности (усиление России / разбалансировка системы международных отношений), важно усиливаться и проецировать свою силу «изнутри», т.е. укрепление системы национальной безопасности неизбежно будет проецировать «безопасную силу» за пределы национальных границ на сколь угодно отдаленные расстояния и на всех направлениях. Это можно представить как новый тип проактивности, знаменующий отход российской

внешнеполитической практики от реактивной (реагирующей) внешней политики. Такая практика способна не просто дискредитировать «право сильного» в англо-саксонской интерпретации (США и их союзники), но вытеснить его как явление из современной международно-политической жизни.

В-пятых, ключевым условием успешной нейтрализации проблемы эрозии международного права является принципиальный пересмотр инструментов внешней политики в сторону их актуализации. Практика кулуарных договоренностей, подкупа элит и сомнительных политических союзов с «условно лояльными» центрами силы в ряде случаев должна заменяться на максимально жесткие и открытые договоренности с ясно читающимися последствиями для нарушителей этих договоренностей. Ситуация с уходом из российской сферы влияния Украины, Грузии и Молдовы, ряда кризисов с другими постсоветскими республиками говорят в пользу такого рода принципиальных изменений.

Так выглядит пятикомпонентное оформление механизма, основанного на принципе концентрации усилий на одной приоритетной угрозе (проблема эрозии международного права) в рамках пятой «триады гибридных угроз» с целью ослабления / ликвидации этого элемента «триады». Ожидаемым результатом является следующее: реализация этих пяти компонентов (совокупность практик, мероприятий, инструментов) позволит ослабить приоритетную угрозу. В связи с чем ожидается ослабление двух других угроз из состава «триады гибридных угроз» указанной сфере в силу существования между ними двусторонних связей и зависимостей. Инверсивное действие вектора поддержки приоритетной угрозы двух других элементов может замедлить процесс эрозии международного права, обозначить ведущую роль России в разработке новых практик для новых сфер международно-правового регулирования, что автоматически усилит позиции России на мировой арене. Т.е., применение предложенных механизмов в рамках нейтрализации приоритетной угрозы скажутся на состоянии двух других гибридных угроз за счет существующих между ними взаимосвязей в рамках «триады».

Итак, в этом подразделе представлены выработанные в ходе исследования актуальные механизмы обеспечения национальной безопасности России в условиях гибридной войны в тех пяти ключевых сферах (направлениях), где концентрируются пять групп угроз, определенные как «триады гибридных угроз». Предложенные механизмы были разработаны с учетом специфики гибридной войны коллективного Запада против России благодаря применению векторного подхода. Функциональность предложенных механизмов была верифицирована с помощью метода экспертных оценок. Такие свойства векторов как сравнение, сложение, умножение и инверсия позволили предложить инверсивную векторную модель нейтрализации / ликвидации угроз в составе «триад гибридных угроз» путем использования определенных политики, мероприятий и инструментов, составивших в сумме пятикомпонентные механизмы нейтрализации / ликвидации приоритетной угрозы в каждой из «триад». Это, в свою очередь, влечет ослабление двух других угроз в каждой «триаде» (первый этап) с перспективой полной ликвидации самой «триады» (второй этап). Таким образом функционал векторного подхода позволил создать в рамках исследования инверсивную векторную модель взаимодействия системы национальной безопасности с выявленными структурами гибридных угроз. Суть совокупности всех представленных механизмов, иллюстрирующих действие инверсивной векторной модели, определяется единым функциональным принципом, а именно: концентрация усилий на одной приоритетной угрозе в рамках «триады гибридных угроз» с целью ослабления / ликвидации этого элемента «триады» в условиях ограниченных ресурсов.

2.3. Комплексный стратегический подход к взаимодействию России с ключевыми геополитическими оппонентами на основе инверсивной векторной модели

Как указывалось выше, ключевым направлением противодействия гибридному воздействию на состояние национальной безопасности является

ликвидация внешних угроз. Это невозможно без стабилизации положения внутри страны. Устойчивость власти, стабильность общественно-политической обстановки могут рассматривать в качестве ключевого фактора в успешном противостоянии гибридным угрозам.

Угрозы национальной безопасности России выдвигают ряд системных требований к дальнейшему развитию механизма выработки управленческих решений. В современных условиях механизм должен быть более рациональным. Целесообразность выработки тех или иных управленческих решений определяется рациональными расчетом и политическими интересами России.

При разработке стратегии взаимодействия с коллективным Западом в условиях гибридной войны, важно учитывать специфику американской активности на мирополитической арене. США в целом демонстрируют достаточно логоритмичную модель военно-политического поведения. Это, в частности, выражается в том, что, если новая стратегия продемонстрировала свою эффективность единожды, она будет применяться впоследствии для решения схожих задач. Такой подход позволяет экономить ресурсы и время. Это в настоящий момент отчетливо можно проследить на уже отмеченном выше тренде, в рамках которого США размещают в ключевых регионах своих интересов посольские учреждения «нового поколения» (военно-разведывательные центры в едином комплексе с дипломатическими миссиями). Ровно такой же логикой руководствуется Вашингтон и в гибридном противостоянии с Россией, стремясь реализовать стратегию втягивания Москвы в гонку вооружений (война «на истощение», отражение явления «износа»). Так как именно такая стратегия в свое время позволила США выиграть «холодную войну» с СССР.

Последние десятилетия прокси-войны, инициированные США для решения тактических задач в ходе гибридного противостояния с Российской Федерацией, направлены на перенапряжение экономики (о чем прямо

указывается в уже упомянутом докладе RAND Corporation²⁰⁰), разложение национальных элит, размывание традиционных ценностей российского общества и подмена российской суверенной повестки своей деструктивной повесткой. Одновременно США реализовывали стратегию международной изоляции России и формирования на ее границах пояса нестабильности. В связи с этим стоит упомянуть доктрину Вульфовица (1992 г., Пол Вульфовиц – бывший заместитель министра обороны США, неоконсерватор), констатирующую необходимость сохранения за США статуса единственной сверхдержавы и предотвращения появления противника США на постсоветском пространстве и в любых других частях света («враждебных региональных держав»). Ключевые идеи доктрины, закрепляющей однополярность и политику превентивных действий, были завуалированы тезисами о коллективной безопасности. В этом же ряду стоят и разработки американского политолога Збигнева Бжезинского, очертившего Евразийскую дугу нестабильности (вооруженные конфликты на территории Евразии)²⁰¹, считавшего США мировым гегемоном и отрицавшего возможность обретения подобной роли другими государствами до 2018—2033 годов²⁰². В настоящий момент разработки американских консерваторов, отчасти признавших, что США не располагают ресурсом для подлинного доминирования в мире и организации эффективного контроля в глобальном масштабе, постепенно трансформируют свою политику. Сегодня она в большей степени проявляется в инспирировании хаоса инструментарием гибридных войн и выкачивания ресурсов с территорий ослабленных политических режимов. Последнее, очевидно, представляется, адаптированной формой геополитического контроля над противником. В 2021 году США в качестве нового инструмента гибридной войны против Китая и России взяли на вооружение проблему изменения климата: Вашингтон в

---

²⁰⁰ Extending Russia Competing from Advantageous Ground. 2019. // RAND Corporation [Официальный сайт]. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3063.html (дата обращения: 18.07.2021).

²⁰¹ Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. NY: Basic Books, 1997.

²⁰² Збигнев Бжезинский: Россия рискует превратиться в пустое пространство 30.10.2008. // Комсомольская правда [Сайт]. URL: <https://www.kp.ru/daily/24190.4/397290/> (дата обращения: 4.08.2021).

условиях жесточайшего внутривнутриполитического кризиса тем не менее ищет инструменты, которые позволят США продолжить борьбу за мировое превосходство²⁰³.

Таким образом, гибридная война сегодня – это часть стратегии глобализации: она носит цивилизационный характер (как разновидность гибридной войны). Цель такого типа противодействия: раздробить и ослабить геополитического противника с тем, чтобы проще было контролировать и страну (элиты и общество), и ее природные ресурсы. Эта задача упрощается применением «мягкой силы», концепция которой была предложена еще во второй половине 1980-х годов американским политологом Дж. Наем²⁰⁴. Ее умелое применение дает необходимый инициатору гибридной войны эффект: противник начинает разрушать себя сам, помогая агрессору.

Однако следует упомянуть, что сегодня многие первоочередные задачи внешней политики Российской Федерации, определяемые Президентом РФ, стали реализовываться через негосударственных акторов международных отношений – «акторов вне суверенитета», которые являются не только исполнителями, но и реальными участниками процесса выработки управленческих решений в России. Часто это приводит к подмене национальных интересов корпоративными или частными, нивелированию эксклюзивного права ведения политики органами государственной власти, к определенным изменениям в модели выработки управленческих решений. С одной стороны, решения вырабатываются с учетом возможностей и ресурсов провластных неправительственных организаций, с другой – в тесном контакте с ними со стороны государственных субъектов. Такой подход, как представляется, в полной мере отражает специфику технологий гибридной войны, ведущейся против России, за счет расширения и спектра субъектов, и спектра политико-технологических решений, направленных на отражение гибридных угроз. Как

---

²⁰³ Харитонов Н.И. Экогеополитика как новый концепт в геополитической парадигме международных отношений // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 86. С. 185.

²⁰⁴ Nye J.S., Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004.

представляется, учет этой специфики позволит существенно продвинуться в выработке контргибридных технологий.

Инверсивная векторная модель обеспечения национальной безопасности России: алгоритм и этапы реализации. В параграфе 2.1. в рамках векторного подхода была предложена инверсивная векторная модель обеспечения национальной безопасности России, нацеленной на нейтрализацию / ликвидацию угроз в «триадах гибридных угроз», концентрирующихся в ключевых сферах (направлениях, векторах) – духовной и социокультурной, военно-политической, экономической, информационной, международно-политической. Реализация предложенных в подразделе 2.2. пятикомпонентных механизмов, базирующихся на едином принципе, в свою очередь, влечет ослабление двух других угроз в каждой «триаде» (первый этап) с перспективой полной ликвидации самой «триады» (второй этап). Единый функциональный принцип заключается в концентрации усилий на одной приоритетной угрозе в рамках «триады гибридных угроз» (путем операций сравнения, сложения и умножения векторов) с целью ослабления / ликвидации этого элемента «триады» в условиях ограниченных ресурсов.

Соответственно, описанный в подразделе 2.1. процесс инверсии в рамках одной «триады гибридных угроз» (первый этап), может быть реализован и на уровне самих пяти «триад» (второй этап). Охарактеризованное в подразделе 1.3. синхронное воздействие пяти «триад» на систему национальной безопасности, оказывающих друг на друга поддерживающее и мультиплицирующее действие, также может быть представлено в виде векторов. Нейтрализация одной из «триад» будет оказывать на другие четыре «триады» не поддерживающее, как ранее, действие, а ослабляющее. Таким образом, процесс инверсии в представленной инверсивной векторной модели функционален и на уровне пяти «триад» гибридных угроз. Соответственно и на этом уровне может продемонстрировать свою функциональность тот же *единый принцип*, скорректированный в сторону увеличения числа приоритетных целей, учитывая малое их конечное количество (всего пять «триад», в рамках которых определена

и верифицирована приоритетная угроза, а не все пятнадцать гибридных угроз, составляющих эти «триады»). А именно: концентрация усилий на пяти приоритетных угрозах в рамках «триад гибридных угроз» с целью ослабления / ликвидации всех пяти «триад» в условиях ограниченных ресурсов. Речь идет о следующих приоритетных угрозах, определенных в параграфе 1.3.:

- действие политики «мягкой силы» со стороны коллективного Запада (из «триады» T1);
  - повышение роли негосударственных игроков (из «триады» T2);
  - экономический контроль российской элиты, части общества и государственных структур со стороны Запада (из «триады» T3);
  - распространение деструктивного контента в социальных медиа и сетевых СМИ (из «триады» T4); эрозия международного права (из «триады» T5).
- Пятикомпонентные механизмы их нейтрализации были предложены и верифицированы в параграфе 2.2.

Таким образом, системе обеспечения национальной безопасности необходимо сконцентрировать усилия на скорейшую синхронную нейтрализацию / ликвидацию указанных пяти приоритетных угроз (на первом этапе). Для чего предлагается использовать инверсивную векторную модель (в рамках векторного подхода) с целью экономии ресурса, включая временной ресурс. Их успешная нейтрализация / ликвидация в соответствии со свойством инверсии позволит в перспективе ликвидировать все пятнадцать гибридных угроз, представленных пятью «триадами» (на втором этапе) (*Рис. 2.3*).

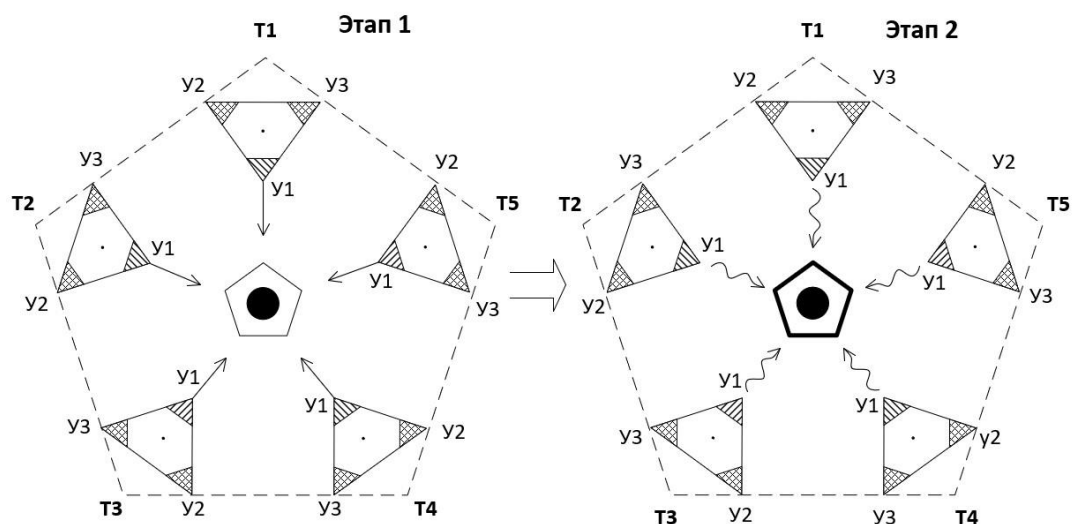

Рис. 2.3. Два этапа реализации инверсивной векторной модели нейтрализации гибридных угроз национальной безопасности (*разработано автором*).

Представленная конструкция на основе реализации инверсивной векторной модели является идеальной и может быть реализована при условии статичности факторов (как условий), воздействующих на систему национальной безопасности.

Поэтому с учетом реализации американской стратегии «перенапряжения России» и нарастанием международной напряженности и гибридного давления на РФ указанный выше функциональный принцип, лежащий в основе инверсивной векторной модели и механизмов нейтрализации / ликвидации гибридных угроз может быть скорректирован для реализации второго этапа: концентрация усилий на меньшем (менее пяти) количестве приоритетных «триад гибридных угроз» с целью ослабления / нейтрализации / ликвидации всех пяти «триад» в условиях ограниченных ресурсов и разновекторного влияния внешних и внутренних факторов. Такой подход может позитивно сказаться на эффективности модели противодействия гибридным угрозам.

Как определить это «меньшее количество» в наборе из пяти «триад гибридных угроз»? Здесь речь должна идти не только о количестве «триад», но и составе (сферах, направлениях), где они группируются, т.е. о их «качестве».

Относительно последнего видится целесообразным ориентироваться на приоритетность «триад» по шкале их «угрозоемкости» (и критерию наличия тенденции к резкой интенсификации), разработанную и верифицированную в подразделе 1.3. Что касается количества, то оно, с одной стороны должно быть «критическим» в плане прогресса в процессе ослабления / нейтрализации / ликвидации всех пяти «триад», а с другой стороны, учитывать ограниченность ресурса, который можно затратить на этот процесс, и плохо прогнозируемое воздействие разноректорных внутренних и внешних факторов.

Для определения «критического» количества «триад» (соответствующего количеству приоритетных гибридных угроз) для первоочередного воздействия на них в рамках второго этапа предлагается использовать адаптированное «правило Бисмарка»²⁰⁵. В классическом виде «правило Бисмарка» (основа политики баланса сил в международных отношениях, «правило» было высказано им русскому послу Сабурову) выглядит следующим образом: «Вся политика может быть сведена к формуле — постарайся быть среди троих в мире, где правит хрупкий баланс пяти великих держав. Это единственная подлинная защита против формирования враждебных коалиций»²⁰⁶. В этом «правиле» представляет интерес именно то, как «железный канцлер» Отто фон Бисмарк определил «критическую» сумму сил, позволяющую сохранять баланс, позволяющий обеспечивать реализацию интересов его страны, находясь «внутри» этой системы, как «три» из «пяти». Речь здесь, безусловно, идет и о рациональной трате ресурса на сохранение текущего выгодного баланса.

«Правило Бисмарка» выглядит как вполне универсальная модель, не только с точки зрения теории баланса сил в международных отношениях, но и с точки зрения определения критического набора ключевых силовых полей в сложных системах для успешной реализации национальных стратегий. В силу

---

²⁰⁵ Максимов А.С., Харитонова Н.И. Взаимодействие России с ключевыми геополитическими оппонентами в условиях гибридной войны: комплексный стратегический подход / А.С. Максимов, Н.И. Харитонова // Государственное управление. Электронный вестник. — 2022. — №95. — С. 108-123.

²⁰⁶ Уткин А.И. Единственная сверхдержава. М., 2003. С. 471.

этого, есть основания полагать, что такой подход пригоден и для определения «критического» количества «триад гибридных угроз» для синхронного и комплексного воздействия с целью запуска инверсивного механизма, направленного на ослабление / нейтрализацию / ликвидацию всех пяти «триад».

Применение адаптированного «правила Бисмарка» к решению задачи определения «критического» количества «триад» для первоочередного и синхронного воздействия на них позволило определить в качестве «критического» количества три «триады» из пяти. «Качественный» состав этих трех «триад» определяется шкалой «угрозоемкости» «триад» - первые три «триады» по шкале (в соответствии с критериями приоритетности угроз и наличия тенденции к резкой интенсификации): в духовной и социокультурной (Т1), военно-политической (Т2) и экономической (Т3) сферах.

То есть, речь идет о сосредоточении усилий на ликвидацию следующих трех приоритетных гибридных угроз (ключевых в этих трех «триадах»):

- действие политики «мягкой силы» со стороны коллективного Запада (из «триады» Т1);
- повышение роли негосударственных игроков (из «триады» Т2);
- экономический контроль российской элиты, части общества и государственных структур со стороны Запада (из «триады» Т3).

В соответствии с предложенной инверсивной векторной моделью успешная нейтрализация указанных трех «триад» позволит ослабить две оставшиеся «триады» (информационной (Т4) и международно-политической (Т5) сферах и ликвидировать соответствующие две приоритетные угрозы из состава указанных двух «триад»:

- распространение деструктивного контента в социальных медиа и сетевых СМИ (из «триады» Т4);
- эрозия международного права (из «триады» Т5)) и таким образом в перспективе выйти на полную нейтрализацию / ликвидацию гибридных угроз национальной безопасности России (Рис. 2.4).

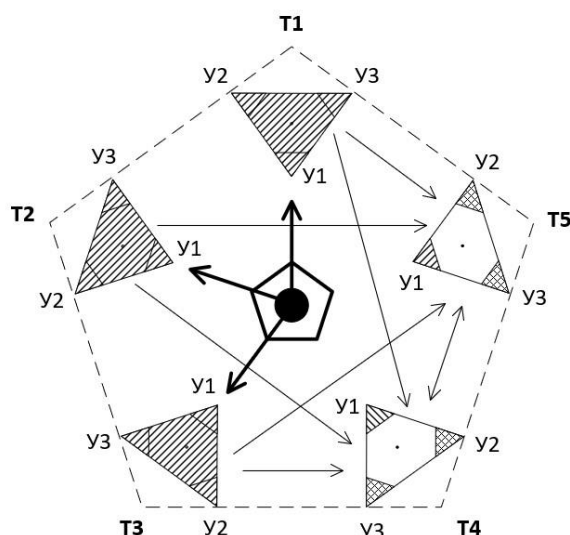

Рис. 2.4. Применение адаптированного «правила Бисмарка» к реализации инверсивной векторной модели ликвидации угроз национальной безопасности (разработано автором).

Таким образом, инверсивная векторная модель обеспечения национальной безопасности можно представить в виде *алгоритма, реализующегося во времени*. На первом этапе путем реализации пятикомпонентных механизмов происходит нейтрализация приоритетных угроз из состава «триады» с последующим ослаблением двух других угроз в каждой из пяти «триад» (первый этап – ликвидация не более чем пяти угроз одновременно) с перспективой полной ликвидации самих пяти «триад» на втором этапе (Рис. 2.3). Однако, в условиях *ограниченных ресурсов*, в том числе временных, разнонаправленного действия внутренних и внешних факторов целесообразно сосредоточиться на ослаблении / нейтрализации / ликвидации трех «триад» (в духовной и социокультурной (Т1), военно-политической (Т2) и экономической (Т3) сферах), т.е. трех приоритетных угроз в рамках этих трех «триад», что в перспективе позволит сделать ликвидацию всех «триад гибридных угроз» *необратимым процессом* (Рис. 2.4) без перенапряжения системы обеспечения национальной безопасности и ее ресурсной базы.

Учитывая то, что инверсивная векторная модель позволяет достичь *стратегической цели* – успешной ликвидации гибридных угроз национальной

безопасности с учетом ограниченной ресурсной базы и времени, она может быть определена в качестве *стратегической модели обеспечения национальной безопасности в условиях гибридной войны*.

Совершенно очевидно, что реализация такого типа стратегии потребует повышение значения прогностических практик, в особенности в части потенциальных театров военных действий, задействованных сил и средств, инструментария силового и несилового реагирования. Для этих целей в подразделе 2.1 был предложен метод картографирования конфликтов. Не меньшее значение имеет и упомянутое выше научное и экспертное сопровождение активных мероприятий и специальных операций. Формирование и отлаживание такого взаимодействия между государственными структурами и экспертами на текущем этапе гибридного противостояния видится одной из ключевых задач.

Комплексный стратегический подход к взаимодействию с ключевыми геополитическими оппонентами на основе инверсивной векторной модели. В экспертной среде существует мнение, что гибридную войну провоцирует не сила нападающего, а слабость объекта нападения. Чтобы свести к минимуму вероятность гибридной войны необходимо решать проблему уязвимостей во всех сферах и на всех уровнях жизни общества, то есть нужно работать на опережение и не допускать появления угроз²⁰⁷. С этим мнением можно согласиться лишь частично. Так, Китай не является слабым государством, но и против него ведется гибридная война. Здесь необходимо уточнение: потенциальный агрессор с большим успехом ведет гибридную войну против тех государств, которые обеспечивают национальную безопасность традиционными методами, характерными для эпохи модерна.

Поэтому, рассуждая об эффективной модели противодействия гибридным угрозам, в первую очередь речь должна идти о переходе к *концепции комплексной безопасности*, сочетающей военные и технические приемы и

---

²⁰⁷ Коданева С.И. «Гибридные угрозы» безопасности России: выявление и противодействие // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т.13. №2. С. 61.

средства, но и комплекс мер предупреждения всех существующих гибридных угроз, постоянный мониторинг, аналитическое сопровождение и превентивное выявление будущих угроз. Как указывают специалисты, *контргибридные меры* – это обеспечение комплексной безопасности государства, базирующийся не на противодействии существующим угрозам, а на определении и устранении собственных уязвимостей в тех сферах, где противники страны реализуют различные инструменты и способы ведения гибридной войны²⁰⁸.

Комплексное воздействие на гибридные угрозы, определенные в качестве приоритетных в «триадах» в духовной и социокультурной (Т1), военно-политической (Т2) и экономической (Т3) сферах, может включать, наряду с выработанными пятикомпонентными механизмами, следующие активные мероприятия и нововведения достаточно универсального характера, призванные переформатировать характер взаимодействия России с Западом в условиях текущего гибридного противоборства (в формате практических рекомендаций).

Во-первых, необходимо существенно скорректировать подход к формулированию отдельных положений Военной доктрины Российской Федерации. В частности, в документ необходимо включить все известные гибридные механизмы воздействия на военно-политическую безопасность РФ, в частности, инструменты «мягкой силы». Необходимо также уточнение структуры силовых структур в РФ, способов их применения, а также корректировки руководящих документов. Учитывая особенности перехода гибридного противоборства в силовую фазу необходимы уточнения в части повышения готовности всех имеющихся сил и средств к действиям в мирное время, угрожаемый период, скрытый от населения и в начале активной фазы без объявления войны – до перехода в конвенциональную или тотальную войну.

Во-вторых, необходима корректировка информационной политики, что должно найти отражение в Доктрине информационной безопасности РФ. Дело в том, что направляющую в информационно-коммуникативном пространстве

---

²⁰⁸ Там же С. 62-63.

задает Запад, а Россия действует в соответствии с запрограммированными этой направляющей параметрами (парадигмой). Реактивный и оборонный характер российской информационной политики вкупе с отсутствием собственного идейного начала – легитимизационной составляющей внутренней и внешней политики – приводит российский вектор воздействия к встречному столкновению с западным вектором. Поэтому необходимо провести новые векторы воздействия параллельно либо в обход заданной Западом направляющей, что должно повысить эффективность российской информационной политики.

Разработка мер противодействия западной пропаганде должна строиться на основе национальных интересов российского общества и предусматривать национально ориентированное законотворчество в области СМИ и информационного суверенитета, ужесточение наказания за экстремизм, создание новых структур противодействия гибридным угрозам и выведения их в самостоятельные подразделения, возвращение эксклюзивного права реализации информационной политики государственным органам и снижение влияния на нее негосударственных акторов. При создании информационного суверенитета, специальные службы России должны не просто реагировать, анализировать, парировать. Система национальной безопасности, определив критическую атаку на информационный суверенитет, должна реагировать асимметрично, как, например, в случае незаконного пересечения границы РФ, вплоть до нанесения сопоставимого урона государству-агрессору. Т.е. такая атака должна восприниматься как *Casus belli*. Соответственно, в этом случае инверсия вектора будет реализована через переход информационного противоборства в военное.

В-третьих, необходима концептуализация категории «пространство безопасности» с тем, чтобы сделать эту концепцию ключевым инструментом актуальной российской геополитики.

В-четвертых, выведение на новый уровень стратегических, партнерских и союзнических отношений с иностранными государствами в рамках интеграционных структур (СГ, СНГ, ШОС, ЕАЭС, АТЭС, БРИКС, увеличение

числа стран-партнеров, укрепление коллективной безопасности (СНГ, ОДКБ) на основе политики расширения общего «пространства безопасности», различных форматов со-развития.

В-пятых, несмотря на устоявшиеся представления о природе «мягкой силы», в рамках которого «для успешного позиционирования себя в качестве ведущего мирового игрока, необходимы три составляющие: экономическая привлекательность, привлекательные идеология и культура, высокий уровень технологического развития»²⁰⁹, России следует разработать собственную концепцию «мягкой силы», которая могла бы «работать» внутри страны и за ее пределами. Вовне целесообразно транслировать следующие смыслы: «Россия – миролюбивая страна», «Россия – страна-миротворец», «Россия всегда готова прийти на помощь в борьбе с гуманитарными катастрофами» (примеры такой помощи – помощь с вакцинами Италии и США в 2020 г.); «Россия стоит на страже традиционных ценностей, выступает в их защиту, за их сохранение и развитие» (как указывалось, на Западе есть запрос на традиционные ценности). Внутри страны целесообразно не только транслировать, но и на практике реализовывать политику по возвращению к традиционной системе школьного образования-воспитания, программы патриотического воспитания, политику национальной идентичности и проч. Как уже указывалось, политика идентичности – важнейший ресурс государства по обеспечению стратегической социально-политической стабильности, информационной безопасности и поддержанию «ценностного суверенитета общества»²¹⁰.

В-шестых, активное использование негосударственных игроков в рамках контрибридных технологий. В этом контексте важно упомянуть то, что отражает специфику работы российских госструктур с негосударственными акторами международных отношений. Это по сути отражение тех сетевых

---

²⁰⁹ Коданева С.И. «Гибридные угрозы» безопасности России: выявление и противодействие // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т.13. №2. С. 52.

²¹⁰ Сургуладзе В.Ш. Политика идентичности в реалиях обеспечения национальной безопасности: Стратегия, теория, практика. М., 2019

эффектов, которые становятся результатом продуманной работы западных госструктур. У противника России нет штабов (центры разработок планов, замыслов, стратегий) как таковых, в привычном понимании, но есть «проводники» - НПО, бизнес-структуры и проч. В таких условиях российские специальные службы не могут вести работу по обеспечению национальной безопасности старыми методами. Условные «штабы» рассредоточены не только по периметру границ России, но и на территории России. Поэтому можно констатировать, что для выявления локальных центров принятия решения и «проводников» влияния Запада требуется ведение не контрразведывательной деятельности, а именно разведывательной. Цель разведки в таком принципиально новом измерении – найти факты и обнаружить их соответствие видимым проявлениям. Такой подход к противоборству предполагает полное подчинение негосударственных акторов национальным, а не государственно-корпоративным безопасности и влиянию. Видится целесообразным создание принципиально новых подразделений гибридного противоборства с функциями ОРД, а также научное сопровождение замысла, планирования, проведения специальных мероприятий, обработки информации, подготовки аналитики и решений по гибриднему противоборству. Важное значение в рамках этого подхода имеет цензура экспертных мнений, которые представлены в СМИ, как на внутреннем политическом поле, так и внешнем, в соответствии с запланированным результатом (т.к. порой секретной является не сама информация, а аналитика, которая из неё вытекает).

В-седьмых, необходимо введение в правовое поле таких понятий как «информационное вторжение», «ресурсная блокада», «предгибридные действия» и др., характеризующих современное гибридное противоборство, с целью привлечения к ответственности страну-агрессора (такие действия должны приравниваться к объявлению войны страной-агрессором). Документы, регулирующие силовую составляющую гибридной войны, также требуют уточнения, например, в части смещения акцента наказания за наёмничество от частных лиц к государствам, в которых зарегистрированы ЧВК, принимающих

участие в прокси-войнах, «цветных революциях» и проч., что, однако не предполагает отказ от создания российских ЧВК за границей (в «чужом» правовом поле) для решения специфических внешнеполитических задач.

В-восьмых, необходимо вернуть в стратегические документы РФ категорию «великая держава» применительно к России, в Конституцию РФ – категорию «государственная идеология» и разработать концептуально новые идеологемы, способные, наряду с прочими задачами, эффективно воздействовать на процесс укрепления национальной безопасности и международной субъектности России.

В-девярых, необходима разработка, продвижение и реализация глобального проекта России, который будет являться и частью внутренней повестки. В условиях глобального идеологического кризиса (прежде всего идеологии либерализма на Западе) такой глобальный проект может содержать и новые идеологические конструкты, имеющие вполне универсальный характер и отвечающие актуальным запросам населения планеты (безопасность, социальная справедливость, традиционные ценности, суверенитет, незыблемость национальных интересов и проч.). Ключевыми вводными здесь должно быть следующее: кризис идей западного либерализма; популистский характер демократии «по американскому образцу», неприемлемость для подавляющей части современных государств китайского варианта левой идеи; секуляризация сознания населения так называемых стран «третьего мира» и не только в условиях социальных кризисных явлений).

Итак, предложенные выше практические рекомендации направлены на обеспечение национальной безопасности России и повышение субъектности Российской Федерации в современном мире, ставшим полем для реализации операций гибридной войны.

Предложенные инверсивная векторная модель воздействия на гибридные угрозы, пятикомпонентные механизмы их нейтрализации / ликвидации (как указывалось, с учетом ограниченной ресурсной базы и времени инверсивная векторная модель может быть определена в качестве стратегической модели

обеспечения национальной безопасности в условиях гибридной войны) и данные выше практические рекомендации позволяют выйти на формулирование *комплексного стратегического подхода к взаимодействию с ключевыми геополитическими оппонентами* – США, отдельными странами ЕС, НАТО. Предложенный в исследовании подход основан на стратегии, в основе которой лежит векторность (организация/активация усилий на определенных направлениях) и гибридность (системные действия на разных направлениях одновременно) и представленная в исследовании инверсивная векторная модель обеспечения национальной безопасности в условиях гибридной войны. Подход базируется на принципах²¹¹ прагматизма, примата национальных интересов и национальной безопасности, проактивности и готовности взаимодействовать с лояльными политическими и бизнес-структурами внутри геополитических субъектов, выступающих в качестве оппонентов России. Таким образом стратегический подход в соответствии с инверсивной векторной моделью предполагает рациональное распределение различных по характеру усилий на разных направлениях в определенный период времени. В целом, предлагаемый стратегический подход базируется на таких свойствах политической стратегии как мобилизационный потенциал, способность сконцентрировать все доступные ресурсы в определенное время и в ограниченном пространстве²¹². Реализация подхода позволит в краткосрочной перспективе вовремя распознавать планы противника и снизить интенсивность гибридной войны, организовать эффективное противодействие гибридным угрозам, что позитивно скажется на состоянии национальной и международной безопасности России.

Такой подход может быть эффективным хотя бы потому, что коллективный Запад в условиях глобализации далеко не всегда способен контролировать все потенциальные зоны уязвимости и адекватно реагировать на реальные и виртуальные гибридные угрозы, в том числе по причине

---

²¹¹ Принципы - правила, соблюдение которых обеспечивает функционирование подхода/модели.

²¹² Попов А.В. Политика и стратегия // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2015. №.4. С.95.

ограниченности имеющихся в его распоряжении ресурсов. Об этом свидетельствует, в частности, анализ RAND Corporation, представленный в докладе «Pering into the Cristal Ball. Holistically Assessing the Future of Warfare» («Вглядываясь в хрустальный шар. Целостная оценка будущей войны») (2020 г.), ставший плодом труда более 120 военных и академических экспертов из США, Великобритании, Бельгии, Китая, Германии, Израиля, Японии, Иордании, Польши и ОАЭ. Специалисты сделали прогноз до 2030 года и попытались ответить на вопросы: «Где случится следующая война? Кто будет её участниками? Почему она произойдёт? Как она будет вестись?». В числе выводов были следующие: США «попытаются сохранить свои позиции ведущей мировой военной сверхдержавы в мире», но при этом «столкнутся с рядом стратегических дилемм». Прежде всего, к 2030 году Соединённые Штаты «могут постепенно утратить способность диктовать стратегические результаты и определять, когда и зачем в будущем будут происходить войны». А поскольку будущие военные действия станут «растаскивать ограниченные ресурсы США в противоположные стороны», перед Америкой встанет «грандиозный стратегический выбор: стать намного более избирательной в отношении того, где, когда и почему она применяет свои военные силы, или поддерживать и даже удвоить свои обязательства, зная, что цена, уплаченная за это, будет значительно более высокой»²¹³.

Стратегический подход к взаимодействию с коллективным Западом, ведущим против России гибридную войну, основывается на инверсивной векторной модели нейтрализации / ликвидации гибридных угроз. Однако при верификации модели путем сценарного анализа можно было наблюдать разноуровневую и разнонаправленную активность, что вполне отражает векторный подход, лежащий в основе указанной модели. В то время как подход к борьбе с гибридными угрозами, базирующийся на предложенной модели, предполагает алгоритм эффективного отражения генерируемых Западом угроз

---

²¹³ Pering into the Cristal Ball. Holistically Assessing the Future of Warfare 2020. // RAND Corporation [Сайт]. URL: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10073.html (дата обращения: 03.08.2021).

(активность в Контуре 1), стратегический подход к взаимодействию с Западом, напротив, является проактивным, нацеленным на активное изменение геополитической реальности, включая проектную и контргибридную деятельность (активность в Контуре 2). Вместе они представляют *комплексный стратегический подход обеспечения национальной безопасности России в условиях гибридной войны (Рис. 2.5).*

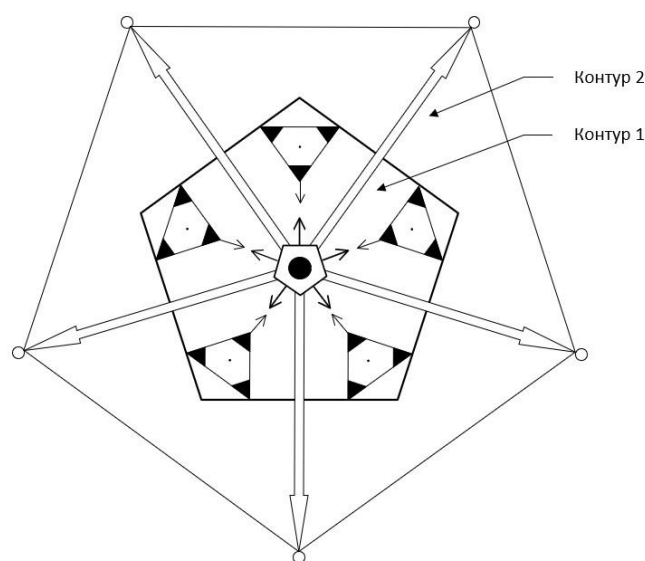

Рис. 2.5. Комплексный стратегический подход обеспечения национальной безопасности России в условиях гибридной войны (разработано автором).

Принципиальным, важным является то, что новая проактивность, реализуемая во внешнем контуре, формируется внутри системы обеспечения национальной безопасности с учетом опыта внешнего воздействия, но при этом не является простым отражением, а лишь «подсказкой», позволяющей учитывать слабые места и уязвимости того или иного геополитического оппонента. Но при этом одновременно учитывающей специфику отечественной концепции «мягкой силы» и других инструментов, указанных выше. Россия может стать ключевым актором мировой политики только в том случае, если она будет реализовывать самостоятельный и уникальный глобальный проект. По мнению автора, целесообразно было бы в рамках такого проактивного подхода разработать концепцию «безопасной силы» как вполне универсального инструмента для

трансляции геополитическим оппонентам в ходе взаимодействия. Другими словами, новая российская проактивность должна стать проекцией «безопасной силы», базирующейся на том же работающем принципе привлекательности, что и характерно и для западной концепции «мягкой силы». Однако в данном случае будет преодолено противоречие между западной концепцией «мягкой силы» и слабой возможностью ее применения Россией (и, соответственно, плохими результатами ее применения) и некорректным применением концепции «жесткой силы» Западом, легко идущим на нарушение международного права в угоду собственным военно-политическим интересам. Есть все основания полагать, что создание концепции «безопасной силы» и ее проецирование в зонах национальных интересов России может способствовать углублению интеграционных процессов, появлению новых стратегических союзов и переходу к *новому типу «пространства безопасности»* (с силовым центром в России), на который в мире в эпоху гибридных войн отмечается колоссальный запрос (наряду с консервативной идеологией), и который, в свою очередь, также нуждается в концептуализации.

Если принять в расчет прогнозы экспертов, что в краткосрочной перспективе неизбежен конфликт между США и новым мировым гегемоном – Китаем²¹⁴ (споры ведутся лишь относительно характера этого противостояния) и формирование «новой биполярности», России может быть отведена совершенно уникальная роль в статусе ключевого мирового актора и третьей по мощи державы в мире. Реализуя предложенную в исследовании стратегию, Россия будет способна предложить миру «третий путь», а именно возможность сохранить независимость и суверенитет, безопасность и потенциал к развитию и

---

²¹⁴ Кузичина А.А. США и Китай: когда состоится «битва за Анкоридж»? // Россия и современный мир. 2020. №4 (109). С. 158-173; Петров А.А. Китай-США: перспективы выхода из торговой войны. // Международная жизнь. 2020. № 4. С. 50-57; Farley R. A 2030 War Between America and China Would Shake the World // The National Interest. 2019. 06 Sept. URL: <https://nationalinterest.org/blog/buzz/2030-war-between-america-and-china-would-shake-world-78771>; Graham A. Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap? L.: Scribe, 2017; Holt H. The Hundred-Year Marathon: China's Secret Strategy to Replace America as the Global Superpower. 2015. P. 38-39; Lee B. Assessing Made in China 2025: The US-China Trade War and Ways Going Forward // Claremont Colleges Library. 2019. P. 47-49.

выбору собственной модели политического и социально-экономического развития (строя) в условиях «новой биполярности». Россия может предстать перед остальным миром, не желающим быть втянутыми в новый глобальный этап гибридного противостояния, как крупная и устойчивая геополитическая сущность, средоточие стабильности, безопасности и социальной справедливости, предлагающей всем, у кого есть соответствующий запрос, приемлемую модель со-развития. Но для этого России сначала необходимо выстоять в гибридной войне, ведущейся на данный момент против нее самой. Для этого, в частности, важно удерживать ключевых западных геополитических акторов (противника) в ими же развязанных конфликтах и создавать условия для перенапряжения их военной и экономической систем с целью ослабления их переговорных позиций в диалоге с Россией.

Таким образом, в качестве вывода к параграфу, необходимо констатировать, что нейтрализация / ликвидация всего набора гибридных угроз с помощью предложенного стратегического подхода, и переход к комплексному подходу во взаимодействии с коллективным Западом – вместе должны в среднесрочной перспективе изменить парадигму отношений «Россия-Запад». Это, в свою очередь, повысит роль России в мире и укрепит ее международную субъектность. Соответственно, Россия может выйти из модели отношений с коллективным Западом, сложившихся в 1990-х гг. после краха СССР («победитель-побежденный» / «ведущий-ведомый» / «патрон-клиент») и соответствующих навязанных моделей внешнеполитического поведения «побежденной стороны».

Изменив модель внешнеполитического поведения и парадигму отношений с Западом, Россия сможет реализовать возможности превентивной и перспективной политики по формированию лояльной внешнеполитической среды. Позитивным следствием может стать расширение ближнего сегмента зоны геополитических интересов России (прежде всего, речь идет о постсоветском пространстве), решение ключевых проблем во внутренней

политике, выход из частичной международной изоляции, ослабление уже реализующейся угрозы прямого столкновения с блоком НАТО в формате прокси-войны. Есть все основания полагать, что такая перспектива благоприятно скажется на состоянии системы международной безопасности.

Таким образом, во второй главе исследования представлены выработанные на основе векторного подхода актуальные механизмы обеспечения национальной безопасности России в условиях гибридной войны в пяти ключевых сферах (направлениях), где концентрируются пять групп угроз, определенные как «триады гибридных угроз». Функциональность предложенных механизмов были верифицированы с помощью метода экспертных оценок. Такие свойства векторов как сравнение, сложение, умножение и инверсия позволили разработать инверсивную векторную модель нейтрализации / ликвидации гибридных угроз составе всех пяти «триад». Сутью совокупности актуальных механизмов нейтрализации / ликвидации угроз, иллюстрирующих действие инверсивной векторной модели, определяется единым функциональным принципом (концентрация усилий на одной приоритетной угрозе в рамках «триады гибридных угроз» с целью ослабления / ликвидации этого элемента «триады» в условиях ограниченных ресурсов). Инверсивная векторная модель ликвидации гибридных угроз национальной безопасности имеет алгоритмичный характер. На первом этапе путем реализации пятикомпонентных механизмов происходит нейтрализация приоритетных угроз из состава «триады» с последующим ослаблением двух других угроз в каждой из пяти «триад» (первый этап – ликвидация не более чем пять угроз одновременно) с перспективой полной ликвидации самих пяти «триад» на втором этапе. Определено, что в условиях ограниченных ресурсов, в том числе временных, разнонаправленного действия внутренних и внешних факторов целесообразно сосредоточиться на первоочередной нейтрализации / ликвидации трех «триад» (в духовной и социокультурной, военно-политической и экономической сферах), т.е. трех приоритетных угроз в рамках этих трех «триад», что в перспективе

позволит сделать ликвидацию всех «триад гибридных угроз» необратимым процессом без перенапряжения системы обеспечения национальной безопасности и ее ресурсной базы. Верификация посредством метода экспертных оценок и сценарного анализа подтвердила, что предложенная в исследовании инверсивная векторная модель позволяет достичь стратегической цели – успешной ликвидации гибридных угроз национальной безопасности с учетом ограниченной ресурсной базы и времени, соответственно, она может быть определена в качестве комплексной стратегической модели обеспечения национальной безопасности в условиях гибридной войны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Последние десятилетия перед политической наукой остро стоит проблема гибридного противоборства, ставшего сопутствующим глобализации явлением. В пересмотре и дополнении нуждаются ряд положений теорий международных отношений, международной безопасности, национальной безопасности. Вместе с тем, учитывая текущий уровень научной разработки проблематики гибридных войн, преждевременно утверждать, что гибридная война является новым явлением в истории человечества, скорее, речь должна идти о новом гибридном инструментарии, который используется в современных конфликтах. Что однако не означает, что гибридные угрозы национальной безопасности современных государств преувеличиваются специалистами. Скорее, наоборот, значение их «угрозоемкости» чаще всего недооценивается. Современные государства, стремящиеся к региональному и глобальному лидерству, беспрестанно сталкиваются с геополитической агрессией, реализуемой гибридным инструментарием. Для успешного противостояния гибридным вызовам и грозам они нуждаются в выработке действенных механизмов обеспечения национальной и международной безопасности в условиях непрекращающегося гибридного противоборства.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что в рамках взаимодействия «Россия-Запад» коллективный Запад с начала 1990-х годов по настоящий момент придерживается поведенческой стратегии «победившей стороны» и с этих позиций стремится достичь полного поражения России в гибридной войне. В свою очередь Россия в указанный период придерживается поведенческой модели «проигравшей стороны» и реализует оборонительную тактику, что мешает ей вырабатывать эффективную стратегию противодействия гибридным угрозам. Находясь в устаревшей парадигме взаимодействия с геополитическими оппонентами и не справляясь с существенной частью гибридных угроз, Россия не реализует полностью возможность превентивной и

перспективной политики по формированию лояльной внешнеполитической среды. Это свидетельствует об отсутствии эффективных механизмов противодействия гибридным угрозам, и соответственно, обеспечения национальной безопасности на этом направлении.

В рамках исследования были решены следующие задачи:

1. Охарактеризованы исследовательские подходы к оценке современного состояния национальной безопасности России в условиях гибридной войны как проблеме международных отношений.

2. Выявлена и охарактеризована специфика использования методов и технологий гибридной войны на постсоветском пространстве как ключевом театре противоборства России с коллективным Западом.

3. Определены, охарактеризованы и классифицировать угрозы национальной безопасности России в условиях гибридной войны, смоделировать их активность.

4. Разработана инверсивная векторная модель обеспечения национальной безопасности России.

5. Разработаны актуальные механизмы обеспечения национальной безопасности России в условиях гибридной войны с использованием инверсивной векторной модели.

6. Разработан и верифицирован комплексный стратегический подход к взаимодействию с основными геополитическими оппонентами на основе предлагаемой в исследовании инверсивной векторной модели, предложен ряд практических рекомендаций.

Сочетание системного, системно-деятельностного, геополитического, векторного подходов, положений теорий международных отношений, национальной безопасности, ряда специальных политологических и

общенаучных методов для решения проблемной ситуации, обозначенной в исследовании, позволило прийти к следующим новым выводам (результатам).

Во-первых, состояние систем национальной безопасности современных государств в условиях гибридных войн нестабильно и перманентно подвергается напряжению, поэтому они вынуждены адаптироваться, видоизменяться, вырабатывать новые свойства и качества, чтобы эффективно противостоять гибридным угрозам. Гибридная война, цивилизационная по характеру, ведется мощными державами, недовольными существующим статусом-кво и стремящимися изменить существующий мировой порядок и укрепить свой статус в международно-политической системе. Следовательно, активность таких государств, генерирующих гибридную нестабильность в различных регионах мира, провоцируют появление угроз международной безопасности и стабильности. Однако существующие в политической науке концепции и подходы не позволяют дать комплексную оценку состоянию безопасности РФ в условиях гибридной войны. Гибридная война, с одной стороны, нуждается в дальнейшем изучении как проблема международных отношений, имеющая большой потенциал к дальнейшей трансформации, сопровождающейся появлением новых рисков и угроз для международной и национальной безопасности. С другой стороны – гибридная война оказывает ощутимое негативное влияние на состояние национальной безопасности России. Также предложено авторское определение гибридной войны, характеризующееся гибкостью и высоким уровнем адаптивности: гибридная война - это наступательная стратегия, направленная на десоверенизацию государства-оппонента и деконструкцию сфер его влияния с целью последующего перевода под полный или частичный геополитический контроль страны-инициатора гибридного противоборства. Таким образом, гибридная война является фактором, влияющим на состояние систем международной и национальной безопасности современных государств. Россия подвергается комплексному

воздействию в рамках непрерывно ведущейся против нее гибридной войны, инициированной коллективным Западом.

Во-вторых, опыт использования методов и технологий гибридной войны на постсоветском пространстве позволяет рассматривать постсоветское пространство как театр военных действий в рамках гибридной войны против России, констатировать возникновение угроз международной безопасности через дестабилизацию приграничных регионов других стран, появление новых маршрутов нелегальных трафиков и проч. и, соответственно – угроз национальной безопасности и стран-жертв и смежных государств. Это является следствием недостаточной теоретической проработки проблемы и недостаточного отражения в стратегических документах России проблематики гибридных угроз в целом и возможных мер противодействия. В то время как опыт государств-жертв гибридного воздействия в формате «цветных революций» показывает, что ключевым направлением в политике нейтрализации подобных сценариев является купирование внешних угроз. Жертвой применения технологий «цветных революций», становится не государство, имеющее большой потенциал социально-экономического развития, но при этом находящееся на сложном этапе своего развития, как принято считать. Выбор государства-жертвы на указанном театре военных действий обусловлен его геополитическим положением, значимостью для решения тактических задач в ходе реализации геостратегии страны-инициатора гибридной войны, уровнем технологического развития. В работе выявлен и сформирован перечень факторов, играющих роль при выборе механизмов гибридного воздействия на страну-жертву, таких как чрезмерная открытость общества, переходный характер государственности, место страны в геостратегии инициатора гибридной войны и проч. Констатируется недостаточность мер, отсутствие системы и действенных механизмов противодействия гибридным угрозам, слабая научная и экспертная поддержка процессов разработки соответствующей политики, а также необходимость выработки принципиально новых

эффективных механизмов предупреждения и нейтрализации гибридных угроз с целью обеспечения национальной безопасности России.

В-третьих, современный мир находится на заре новой военной эры, которая требует разработки и принятия новых гибких стратегий военно-политического взаимодействия между ключевыми акторами мировой политики. Успехи России в конфликтном взаимодействии на новых принципах будет зависеть от способности нашего государства вовремя распознать угрозы гибридного характера, адаптации и разработки новых превентивных и ответных средств. Это позволит Российской Федерации опередить изменения в международно-политической среде, исключительно быстро трансформирующейся и продуцирующей угрозы нового типа. Именно поэтому в настоящее время представляются весьма востребованными научные разработки технологий ведения гибридных войн и противодействия им. Любое практическое решение требует полноценного научного обоснования, обобщения на концептуальном уровне наработанного опыта противодействия в рамках гибридной войны. Констатируется факт непрерывности гибридной войны, ведущейся коллективным Западом против России и того факт, что Россия является объектом в боевой операциональной системе противника (коллективного Запада). Определено, что модель линейного сопротивления государства гибридным угрозам является неустойчивой и, соответственно, неэффективной. В исследовании предложена авторская классификация гибридных угроз и их структур: пять функциональных групп угроз представляют собой «триады гибридных угроз», при синхронной активности которых возникает синергетический эффект негативного воздействия на систему национальной безопасности России, критического по характеру, предложена шкала ранжирования «триад» по уровню «угрозоемкости» и характеристика вариантов их трансформации и интенсификации в краткосрочной перспективе (5-10 лет) с учетом меняющейся мировой обстановки. Подтверждена функциональность и операциональность предложенной вербальной модели

«триад гибридных угроз» и синергетического эффекта при их синхронной активности в отношении страны-мишени гибридного воздействия.

В-четвертых, для разработки актуальных механизмов обеспечения национальной безопасности России через выявление, диагностику и нейтрализацию / ликвидацию гибридных угроз целесообразно применение векторного подхода. Функционал векторного подхода позволил создать в рамках исследования модель алгоритмического взаимодействия системы национальной безопасности с выявленными в ходе исследования структурами гибридных угроз. Модель, базирующаяся на свойствах векторов (сравнение, сложение, умножение и инверсия), развернутая в пространстве и времени, получила название инверсивной векторной модели. Она может быть использована в прикладных целях как модель обеспечения национальной безопасности России в условиях гибридной войны в рамках декомпозиции задачи комплексной нейтрализации гибридных угроз и лечь в основу актуальных механизмов обеспечения национальной безопасности России и комплексного стратегического подхода к взаимодействию России с ключевыми геополитическими оппонентами.

В-пятых, на основе инверсивной векторной модели было разработано пятикомпонентное оформление механизма, основанного на принципе концентрации усилий на одной приоритетной угрозе в составе каждой из «триад» в тех пяти ключевых сферах (направлениях). Это, в свою очередь, влечет ослабление двух других угроз в каждой «триаде» (первый этап) с перспективой полной ликвидации самой «триады» / всех пяти «триад» (второй этап). Суть совокупности всех представленных механизмов, иллюстрирующих действие инверсивной векторной модели, определяется единым функциональным принципом, а именно: концентрация усилий на одной приоритетной угрозе в рамках «триады гибридных угроз» с целью ослабления / ликвидации этого элемента «триады» в условиях ограниченных ресурсов. В числе указанных механизмов: картографирование гибридных конфликтов, введение в число

участников процесса принятия внешнеполитических решений институтов, представляющих научное и экспертное сообщество, новый тип проактивности внешней политики и др. Разработанные в ходе исследования механизмы (использование определенных политики, мероприятий и инструментов), предназначенные для нейтрализации «триад гибридных угроз» и возможного синергетического эффекта их синхронной активности, были предложены с учетом специфики гибридной войны коллективного Запада против России. Функциональность предложенных механизмов верифицируема методом экспертных оценок.

В-шестых, предложенная в исследовании инверсивная векторная модель взаимодействия системы национальной безопасности России с выявленными структурами гибридных угроз пригодна для выработки на ее основе комплексного стратегического подхода к взаимодействию с ключевыми геополитическими оппонентами (США, отдельные страны ЕС, НАТО) и обеспечения национальной безопасности, базирующийся на принципах прагматизма, примата национальных интересов и национальной безопасности, проактивности и готовности взаимодействовать с лояльными политическими и бизнес-субъектами внутри стран-оппонентов. Суть стратегии заключается в следующем: в условиях ограниченных ресурсов, в том числе временных, разнонаправленного действия внутренних и внешних факторов целесообразно сосредоточиться на первоочередной нейтрализации / ликвидации трех «триад» (в духовной и социокультурной, военно-политической и экономической сферах), что в перспективе позволит сделать ликвидацию всех пяти «триад гибридных угроз» необратимым процессом без перенапряжения системы обеспечения национальной безопасности и ее ресурсной базы. Нейтрализация / ликвидация всех структур гибридных угроз с помощью предложенного стратегического подхода и переход к комплексному подходу во взаимодействии с коллективным Западом вместе способны в среднесрочной перспективе изменить парадигму отношений Россия-Запад. Это, в свою очередь, повысит роль России в мире и укрепит ее международную субъектность. Таким образом Россия может выйти

из модели отношений с коллективным Западом, сложившихся в 1990-х гг. («победитель-побежденный» / «ведущий-ведомый» / «патрон-клиент») и соответствующих навязанных моделей внешнеполитического поведения «побежденной стороны». Качественно скорректировав модель внешнеполитического поведения и парадигму отношений с коллективным Западом, Россия сможет реализовать возможности превентивной и перспективной политики по формированию лояльной внешнеполитической среды. Позитивным следствием может стать расширение ближнего сегмента зоны геополитических интересов России, решение ключевых проблем во внутренней политике, выход из частичной международной изоляции, ослабление угрозы прямого столкновения с блоком НАТО в формате прокси-войны. Предполагается, что обозначенная перспектива благоприятно скажется на состоянии системы международной безопасности. В рамках реализации разработанной в ходе исследования стратегии предложен ряд практических рекомендаций, в силу которых: активное использование негосударственных игроков в рамках контргибридных технологий; концептуализация категории «пространство безопасности» и разработка концепции «безопасной силы», корректировки отдельных положений стратегических документов РФ и структуре ВС РФ, разработка и запуск глобального проекта «третьего пути» в условиях грядущей «новой биполярности» и др. Функциональность предложенного подхода верифицируема методами экспертных оценок и сценарного анализа.

Таким образом, цель исследования, заключавшаяся в разработке инверсивной векторной модели и комплексного стратегического подхода (на основе этой модели) обеспечения национальной безопасности России в условиях гибридной войны, была достигнута.

Гипотеза исследования, согласно которой предложенные в исследовании инверсивная векторная модель и базирующийся на ней комплексный стратегический подход, включающие систему актуальных механизмов противодействия гибридным угрозам и обеспечения национальной безопасности

России в условиях гибридной войны, позволят эффективно решать внешнеполитические проблемы и обеспечивать национальную безопасность Российской Федерации, упрочить положение государства на мировой арене в текущей геополитической обстановке, создадут возможности продвижения национальных интересов и сформируют предпосылки к утверждению международного статуса России как ключевого центра силы в системе нового мирового порядка, т.е. качественно скорректирует поведенческую стратегию в отношениях «Россия-Запад», нашла подтверждение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Демократические» принципы: в Европарламенте составили рекомендации по поводу отношений с Россией [Электронный ресурс] // RT. — Режим доступа: https://russian.rt.com/world/article/861926-evroparlament-rekomendacii-otnosheniya-rossiya?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop
2. «Ограничение доходов и навязывание затрат»: эксперты о сути новой антироссийской стратегии США 05.06.2019 [Электронный ресурс] // Царьград. — Режим доступа: https://tsargrad.tv/news/ogranichenie-dohodov-i-navjazyvanie-zatrat-jeksperty-o-suti-novoj-antirossijskoj-strategii-ssha_202567
3. «Русская гибридная война». 15.10.2020. [Электронный ресурс] // Путин сегодня. — Режим доступа: <https://www.putin-today.ru/archives/110194>
4. Акулинин В.Н., Елифанова Н.С. Концепция гибридной войны в практике межгосударственного противостояния / В.Н. Акулинин, Н.С. Елифанова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2015. — №36. — С. 53-60.
5. Арзуманян Р.В. Стратегия иррегулярной войны: теория и практика применения. Теоретические и стратегические проблемы концептуализации, религиозные и военно-политические отношения в операционной среде иррегулярных военных действий / Р.В. Арзуманян. — М.: АНО ЦСОиП. 2015.
6. Ашурбейли И. Третья сфера вооружённой борьбы: зарождение и становление / И. Ашурбейли. — М. 2015.
7. Барановский Е.Г., Владиславлева Н.Н. Методы анализа международных конфликтов / Е.Г. Барановский, Н.Н. Владиславлева. — М.: Научная книга, 2002. — 240 с.
8. Баранцев Р.Г. О тринитарной методологии / Р.Г. Баранцев // Между физикой и метафизикой: наука и философия. — СПб, 1998. — С.51-61.

9. Баранцев Р.Г. Универсальная семантика триадических структур в науке-искусстве-религии / Р.Г. Баранцев // Языки науки -языки искусства. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — С.61-65.
10. Баранцев Р.Г. Системная триада – структурная ячейка синтеза / Р.Г. Баранцев // Системные исследования. Ежегодник 1988. — М., 1989. — С. 193-210.
11. Бартош А.А. Конфликты XXI века. Гибридная война и цветная революция / А.А. Бартош. — М.: Горячая линия-Телеком, 2018. — 284 с.
12. Бартош А.А. Парадигма гибридной войны / А.А. Бартош // Вопросы безопасности. — 2017. — №3. — С. 44-61.
13. Бартош А.А. Стратегия и контрстратегия гибридной войны [Электронный ресурс] / А.А. Бартош // Военная мысль. 10.10.2018. — Режим доступа: <https://vm.ric.mil.ru/Stati/item/138034/>
14. Бартош А.А. Фактор внезапности в гибридной войне и национальная безопасность России 10.11.2018 [Электронный ресурс] / А.А. Бартош // Научно-исследовательский центр «Национальная безопасность». — Режим доступа: <https://nic-pnb.ru/vojny-konflikty-voennoe-stroitelstvo/faktor-vnezapnosti-v-gibridnoj-vojne-i-natsionalnaya-bezopasnost-rossii/>
15. Белозеров В.К., Соловьев А.В. Гибридная война в отечественном военном и политическом дискурсе / В.К. Белозеров, А.В. Соловьев // Власть. — 2015. — № 9. — С.5-11.
16. Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии / Ж. Бодрийяр. — М.: РИПОЛ классик, 2018. — 288 с.
17. Борчев М.А. Околоземный космос как возможная сфера вооруженной борьбы / М.А. Борчев // Военная мысль. — 1998. — №3. — С. 20-26.
18. Брычков А.С. и др. Гибридные войны XXI столетия: происхождение, сущность и место в цивилизационном процессе: Монография / А.С. Брычков. — Смоленск, 2009.
19. В Украине вырос уровень преступности. 19.09.2014 [Электронный ресурс] // FORUM. — Режим доступа: <http://for-ua.com/article/1055491>

20. Валентин Евстигнеев: БиоПРО США: уровень биологических угроз вокруг России оценивает Пентагон 09.06.2012 [Электронный ресурс] // Регнум. — Режим доступа: <https://regnum.ru/news/economy/1540632.html>
21. Викулов С.Ф., Горгола Е.В., Мкртчян С.С. Американский милитаризм в XXI веке: борьба за глобальное лидерство: монография / С.Ф. Викулов, Е.В. Горгола, С.С. Мкртчян. — М.: Изд-во АПВЭиФ, МАНИИПТ, МОИУП, 2015. — 431с.
22. Владимир Путин: «Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России» 20.02.2012 [Электронный ресурс] / В. Путин // Международная жизнь. — Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/8286>
23. Война 3.0 // Невское время. — 2014. — 29 августа.
24. Война и мир в терминах и определениях / Под ред. Д.О. Рогозина. — М., 2004.
25. Гаджиев К.С. О тотализации войны в гибридном измерении / К.С. Гаджиев // Власть. — 2019. — № 3. — С. 9-19.
26. Гейтс Р. Сбалансированная стратегия / Р. Гейтц // Россия в глобальной политике. — 2009. — № 2.
27. Генштаб России объяснил суть американского «Троянского коня» 02.03.2019. [Электронный ресурс] // РИА Новости. — Режим доступа: <https://ria.ru/20190302/1551501526.html>
28. Герасимов В. Векторы развития военной стратегии / В. Герасимов // Красная Звезда. — 2019. — 4 марта.
29. Герасимов В. Ценность науки в предвидении / В. Герасимов // Военно-промышленный курьер. — 2013. — 26 февраля.
30. Гибридная война превратилась в новый вид межгосударственного противостояния. 8.10.2018. [Электронный ресурс] // РСМД. — Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gibridnaya-voyna-prevratilas-v-novyy-vid-mezhgosudarstvennogo-protivostoyaniya/>
31. Гибридные войны XXI века. Материалы межвузовского круглого стола. 29.01.2015 г. — М.: Изд-во ВУ, 2015. — 310 с.

32. Глава Антитеррористического центра СНГ: до 30% боевиков возвращаются на родину 03.12.2019. [Электронный ресурс] // ТАСС. — Режим доступа: <https://tass.ru/interviews/7241907>
33. Гладышевский В.Л., Горгола Е.В. Гибридная война запада и обеспечение ресурсного противодействия сетевому сценарию для России / В.Л. Гладышевский, Е.В. Горгола // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2017. — Т.13. — Вып.2. — С. 369-383.
34. Гоббс Т. Левиафан / Пер. А. Гутермана. — М.: Мысль, 2001. — 478 с.
35. Дробот Г.А. Трансформация функций и роли государства в глобализирующемся мире. Ч.1. / Г.А. Дробот // Обозреватель – Observer. — 2015. — №11(310).
36. Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России / А.Г. Дугин. — М.: АРКТОГЕЯ-центр, 2000.
37. Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством / А.Г. Дугин. — М.: АРКТОГЕЯ, 1999. — 928 с.
38. Дяттерев Д.А. Прикладной количественный анализ и моделирование международных отношений / Д.А. Дяттерев. — М.: РУДН, 2016. — 556 с.
39. Егорченков Д.А., Данюк Н.С. Теоретико-идеологические подходы к исследованию феномена "гибридных войн" и "гибридных угроз": взгляд из России / Д.А. Егорченков, Н.С. Данюк // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2018. — №1. — С 26-48.
40. Захаров М. «Гибридная война» в степях Украины: Кто сделал первый выстрел? [Электронный ресурс] / М. Захаров // Мир и политика. — М., 2014. — 21 мая. — Режим доступа: <http://mir-politika.ru/13626-gibridnaya-voyna-v-stepyah-ukrainy-kto-sdelal-pervyy-vystrel.html>
41. Збигнев Бжезинский: Россия рискует превратиться в пустое пространство 30.10.2008 [Электронный ресурс] / З. Бжезинский // Комсомольская правда. — Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/24190.4/397290/>
42. Как Россия побеждает в гибридной войне против США 14.12.2020 [Электронный ресурс] // Око планеты. — Режим доступа: <https://oko->

planet.su/politik/politikmir/632146-kak-rossiya-pobezhdaet-v-gibridnoy-voyne-protiv-ssha.html

43. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / М. Калдор. — М.: Изд-во Института Гайдара. 2015. — 416 с.
44. Кардаш И.Л. Военно-полицейская операция как форма применения войск (сил) при осуществлении мероприятий контртеррористического профиля (теория вопроса) / И.Л. Кардаш // Организация сотрудничества компетентных органов государств - участников СНГ при проведении контртеррористических мероприятий: совместная военно-полицейские операции. Сборник статей / под общ. ред. Золотова В.В. — М.: Редакция журнала «На боевом посту», 2017.
45. Карпович О.Г., Манойло А.В. Политика многополярности: новые вызовы и угрозы / О.Г. Карпович, А.В. Манойло. — М., 2020.
46. Карякин В.В. Геополитика третьей волны : трансформация мира в эпоху Постмодерна: монография / В.В. Карякин. — М.: ИГ «Граница», 2013. — 431 с.
47. Килкуллен Д. Спускаясь с гор: Грядущая война в городах [Электронный ресурс] / Д. Килкуллен // ВикиЧтение. — Режим доступа: <https://pub.wikireading.ru/123630>
48. Коданева С.И. «Гибридные угрозы» безопасности России: выявление и противодействие / С.И. Коданева // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2020. — Т.13. — №2. — С.44-71.
49. Козырев Г.И. Война как политический феномен / Г.И. Козырев // Социология. — 2013. — №2. — С. 118-127.
50. Коноплева А.А., Веремьев А.С., Чобитько С.П. Гибридная война как современный социокультурный феномен / А.А. Коноплева, А.С. Веремьев, С.П. Чобитько // Манускрипт. — 2018. — №7 (93). — С. 86-89.
51. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля

- 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ.) [Электронный ресурс]
// Официальный интернет-портал правовой информации. — Режим доступа:
<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>
52. Контурсы цифровой реальности: Гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего / Под ред. Иванова В.В., Малинецкого Г.Г., Сиренко С.Н. — М.: ЛЕНАНД, 2018.
53. Кобылко Э. Гибридные войны. Часть I: закон ведения гибридной войны 23.03.2016. [Электронный ресурс] / Э. Кобылко // Международная жизнь. — Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/14929>
54. Кревельд, М. Ван. Мы вступили в эпоху войн нового типа: интервью / М. ван Кревельд. // Nota bene. — 2005. — № 7.
55. Кревельд, М. Ван. Трансформация войны / М. ван Кревельд. — М., 2005.
56. Крицкий Ю.В. Новая сфера вооруженной борьбы 15.07.2013 // Центр военно-политических исследований [Электронный ресурс] / Ю.В. Крицкий. — Режим доступа: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/26485>
57. Крицкий Ю.В., Чеховский В.Г. Сферы вооруженной борьбы и театры военных действий / Ю.В. Крицкий, В.Г. Чеховский // Военная мысль. — 2022. — №9. — С. 21-28.
58. Крутиков Е. Китай готовится к Третьей мировой войне / Е. Крутиков // Взгляд. — 2015. — 26 мая.
59. Кузичина А.А. США и Китай: когда состоится «битва за Анкоридж»? / А.А. Кузичина // Россия и современный мир. — 2020. — №4 (109). — С. 158-173.
60. Кузютин И.И. Возможные меры противодействия «цветным революциям» / И.И. Кузютин // Достижения науки и образования. — 2016. — № 7 (8). — С. 96-99.
61. Кучинская М.Е. Феномен гибридизации современных конфликтов: отечественный и западный военно-политический дискурс / М.Е. Кучинская // Проблемы национальной стратегии. — 2018. — № 6. — С. 122-143.

62. Лавров: атака на А321 равноценна нападению на РФ, право на самооборону будет реализовано. 18.11.2015 [Электронный ресурс] // ТАСС. — Режим доступа: <https://tass.ru/politika/2449158>
63. Ларина Е., Овчинский В. Пятое измерение войны [Электронный ресурс] / Е. Ларина, В. Овчинский // Завтра. — 2013. — 2 декабря. — Режим доступа: <http://www.zavtra.ru/content/view/pyatoye-izmerenievojny>
64. Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии / М.М. Лебедева. — М.: Аспект Пресс, 1999.
65. Люттвак Э. Государственный переворот, практическое пособие / Э. Люттвак. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, Университет Дмитрия Пожарского, 2012.
66. Макиавелли Н. Государь / Н. Макиавелли. В 2 т. — М.: РИПОЛ классик, 2013.
67. Максимов А.С. Актуальные механизмы нейтрализации гибридных угроз национальной безопасности России в рамках инверсивной векторной модели / А.С. Максимов // Среднерусский вестник общественных наук. — 2021. — Т.16. — № 4. — С. 88-103.
68. Максимов А.С. Национальная безопасность России в условиях гибридной войны / А.С. Максимов // Конституционная реформа и национальные цели развития России: социально-экономические и политико-правовые приоритеты. Сборник статей и докладов международной научно-практической конференции (2 декабря 2020 г.). Под редакцией П.А. Меркулова, О.В. Малаховой. — Орёл: Изд-во Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2021. — С. 169-172.
69. Максимов А.С. Противодействие технологиям «цветных революций» в России: оценка эффективности / А.С. Максимов // «Стратегическое управление в сфере национальной безопасности: воплощение идей умиротворения и сдерживания. К 800-летию благоверного князя Александра Невского» : Материалы VIII Международной научно-практической конференции Факультет национальной безопасности, Институт права и

национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ (Москва, 23 июня 2021 г.).

70. Максимов А.С. Специфика использования методов и технологий гибридной войны на постсоветском пространстве / А.С. Максимов // Этносоциум и межнациональная культура. — 2021. — №5(155). — С. 69-78.
71. Максимов А.С. Угрозы национальной безопасности России в условиях гибридной войны / А.С. Максимов // Среднерусский вестник общественных наук. — 2021. — Т.16. — №3. — С. 109-130.
72. Максимов А.С., Харитонов Н.И. Взаимодействие России с ключевыми геополитическими оппонентами в условиях гибридной войны: комплексный стратегический подход / А.С. Максимов, Н.И. Харитонов // Государственное управление. Электронный вестник. — 2022. — №95. — С. 108-123.
73. Малинецкий Г.Г., Посашков С.А., Скурлягин А.А. Гуманитарно-технологическая революция, кризис совести, риски и проекты будущего // Стратегические приоритеты. — 2019. — №1(21). — С. 48-76.
74. Манойло А.В. Технологии несилового разрешения современных конфликтов / Под ред. А.И. Петренко. — М.: Горячая линия – Телеком, 2008. — 392 с.
75. Манойло А.В. Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов / А.В. Манойло // Мировая политика. — 2015. — № 1. — С. 1-19.
76. Маруев А.Ю. Векторный подход к определению геополитических интересов современной России и геостратегия их реализации и защиты : диссертация ... доктора политических наук : 23.00.04 / Маруев Алексей Юрьевич; [Место защиты: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ]. — М., 2010.
77. Маруев А.Ю. Векторный подход к определению геополитических интересов Российской Федерации [Электронный ресурс] / А.Ю. Маруев // Военная мысль. — 2010. — №12. — С. 3-13. — Режим доступа: <http://militaryarticle.ru/voennaya-mysl/2010-vm/10303-geopolitika-i-bezopasnost-16>

78. Маруев А.Ю. Россия и США в условиях противоборства: военно-политический аспект / А.Ю. Маруев // Военная мысль. — 2009. — №8. — С. 2-12.
79. Меркурьев В.В., Агапов П.В. Противодействие технологиям «цветных революций» в системе мер по предупреждению преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства / В.В.Маркурьев, П.В. Агапов // Всероссийский криминологический журнал. — 2014. — № 2. — С. 63-71.
80. Могилевский В.Д. Методология систем: вербальный подход / В.Д. Могилевский. — М., 1999.
81. Модестов С.А. О сущности и содержании понятия "военно-полицейская операция" / С.А. Модестов // Организация сотрудничества компетентных органов государств - участников СНГ при проведении контртеррористических мероприятий: совместная военно-полицейские операции. Сборник статей / под общ. ред. Золотова В.В. — М.: Редакция журнала «На боевом посту», 2017.
82. Моргентау Г. Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир / Г. Моргентау. — Нью-Йорк, 1948.
83. Мунтян М.А. Геополитика: история и современность. Курс лекций / М.А. Мунтян. — Т. 2. — М.: НП «Центр общественных экспертиз», 2009.
84. Най Дж. Будущее силы или о непредсказуемой эволюции войн 10.02.2015 / Дж. Най // День. — 2015. — №21.
85. НАТО приняла стратегию против гибридных войн. [Электронный ресурс] // NewsLand. — 2015. — 2 декабря. — Режим доступа: <https://newsland.com/user/4296735949/content/nato-priniala-strategiiu-protiv-quotgibridnykh-voinquot/4854888>
86. Нечеткие гибридные системы. Теория и практика / Под ред. Н.Г. Ярушкиной. — М.: Физмат, 2007.
87. Никитин А.И. Конфликты, терроризм, миротворчество / А.И. Никитин. — М.: Навона, 2010. — 232 с.

88. Общая теория национальной безопасности / Под общ. ред. А.А. Прохожева. — М.: Изд-во РАГС, 2012.
89. Орлова С.В. Механизмы противодействия рискам и угрозам дестабилизации гражданского общества / С.В. Орлова // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2017. — №4. — С.27-32.
90. Орлова С.В. Механизмы противодействия технологиям дестабилизации политического режима в современной России на примере арабской весны / С.В. Орлова // Власть. — 2019. — №6. — С. 317-320.
91. Панарин И. Доктрина генерала Герасимова и Гибридная война 14.03.2019. [Электронный ресурс] / И.Н. Панарин // Деловой мир. — Режим доступа: <https://gazeta-delovoy-mir.ru/2019/03/14/4639/>
92. Панарин И.Н. Гибридная война против России (1816-2016 гг.) / И.Н. Панарин. — М., 2016.
93. Панова А.В. Национальное сознание и правосознание в условиях информационной экономики / А.В. Панова. — Владимир: АРКАИМ. 2019.
94. Пашенцев Е.Н. Злонамеренное использование искусственного интеллекта: новые угрозы для международной информационно-психологической безопасности и пути их нейтрализации [Электронный ресурс] / Е.Н. Пашенцев // Государственное управление. Электронный вестник. — 2019. — №76. — С. 279-300. — Режим доступа: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2019/vipusk_76_oktjabr_2019_g./kommunikazionnii_menedjment_i_strategitcheskaja_kommunikazija_v_gosudarstvennom_upravlenii/pashentsev.pdf
95. Петров А.А. Китай - США: перспективы выхода из торговой войны / А.А. Петров // Международная жизнь. — 2020. — № 4. — С. 50-57.
96. Поздняков А.И. Критерии оценки эффективности обеспечения национальной безопасности / А.И. Поздняков // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. — 2011. — № 17 (403).
97. Поздняков А.И. Системно-деятельностный подход в военно-научных исследованиях: монография / А.И. Поздняков. — М.: ВАГШ, 2008.

98. Поздняков А.И. Сравнительный анализ основных методологических подходов к построению теории национальной безопасности / А.И. Поздняков // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2013. — №21(210). — С. 46-53.
99. Половинкин В.Н., Фомичев А.Б. Размышления о военной науке / Под ред. В.В. Чиркова. — СПб., 2016.
100. Полунин А. НАТО: курс на гибридную войну. Что дает альянсу новая стратегия борьбы с Россией? [Электронный ресурс] / А. Полунин // Свободная пресса. — Режим доступа: <http://svpressa.ru/politic/article/137300/>
101. Попов А.В. Политика и стратегия / А.В. Попов // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2015. — №4. — С. 91-98.
102. Попов И.М. Война управляемого хаоса в Сирии [Электронный ресурс] / И.М. Попов // Военная история и футурология. — Режим доступа: <http://www.milresource.ru/Syria-Popov.html>
103. Попов П.В. Государственно-целевой подход к концепции гибридной войны / П.В. Попов // Азимут научных исследований: экономика и управление. — 2019. — Т.8. — №4 (29). — С. 51-53.
104. Послание Президента Российской Федерации от 12.12.2012 г. б/н [Электронный ресурс] // Президент России. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36699>
105. Почепцов Г.Г. Теория коммуникаций / Г.Г. Почепцов. — М.: Рефл-бук: Ваклер, 2006.
106. Путин В.В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. — 2012. — 20 февраля.
107. Разумов В.И. Категориально-системная методология в подготовке ученых / В.И. Разумов. — 2-е изд. — Омск : Ом. гос. ун-т, 2008. — 277 с.
108. Разумов Е.А. Киберсуверенитет как аспект системы национальной безопасности КНР / Е.А. Разумов // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы VII международной научно-практической конференции. — 2017. — С. 707-710.

109. Распоряжение Правительства Российской Федерации об утверждении «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» от 13.02.2019 г. №207-р. [Электронный ресурс] // Сайт Правительства России. — Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXl22JjAe7irNxс.pdf>
110. Репко С.И. Гибридные войны США (1979-2017) / С.И. Репко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. — 2017. — Вып. 1 (778). — С. 156-165.
111. Родачин В.М. Гибридные войны и обеспечение национальной безопасности России / В.М. Родачин // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2019. — Т.9. — №4 (40). — С. 93-99.
112. Сабит Х., Хабиб. Характер современных локальных войн и вооруженных конфликтов в условиях многополярного мира. Дисс. ...кандидата исторических наук. / Сабит Х., Хабиб. — М., 2003.
113. Санжаревский И.И. Инверсионно-ресурсная модель политической власти: демократия как политический режим конвертации ресурсов во власть / И.И. Санжаревский // Вестник Поволжского института управления. 2016. №4 (55). С. 5-9.
114. Сараф М.Я. Инверсии ценностей как основной показатель системных изменений культурного пространства / М.Я. Сараф // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2018. №. С. 644-646.
115. Свечин А.А. Стратегия / А.А. Свечин. — М.: Военный вестник, 1927.
116. Скрытые угрозы зарубежного программного обеспечения. 8.10.2021. [Электронный ресурс] // РСМД. — Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/skrytye-ugrozy-zarubezhnogo-programmnogo-obespecheniya/>
117. Современная политическая наука. Методология: Научное издание / Отв. ред. О.В. Гоман-Голутвина, А.И. Никитин. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во «Аспект-Пресс», 2020. — 776 с.

118. Соколова С.Н. Риски и угрозы гибридных войн в современном обществе: парадоксы реальности / С.Н. Соколова // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. — 2017. — №2. — С. 35-40.
119. Статья Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова «О праве, правах и правилах», Москва, 28 июня 2021 года [Электронный ресурс] / С.В. Лавров // МИД РФ. — Режим доступа: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4801890
120. Степанова Е.А. Военно-гражданские отношения в операциях невоенного типа / Е.А. Степанова. — М.: Права человека, 2001. — 272 с.
121. Столтенберг: главы МИД НАТО одобряют новую стратегию гибридной войны. 30 ноября 2015 [Электронный ресурс] // РИА Новости. — Режим доступа: <https://ria.ru/20151130/1332861135.html?ysclid=lrhrp2gd47737885491>
122. Сургуладзе В.Ш. Политика идентичности в реалиях обеспечения национальной безопасности: Стратегия, теория, практика / В.Ш. Сургуладзе. — М., 2019.
123. Сушенцов А.А. Промежуточные уроки афганского конфликта. 06.03.2012. [Электронный ресурс] / А.А. Сушенцов // РСМД. — Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/promezhutochnye-uroki-afganskogo-konflikta/>
124. США призвали Молдавию пересмотреть решение по участку земли для их посольства в Кишиневе 04.12.2020. [Электронный ресурс] // ТАСС. — Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10176557>
125. Тарасов А. Военные урбанисты: бульдозеры с бомбами и управляемые пулеметы в городских боях. Конфликт в Сирии дает представление о войнах будущего [Электронный ресурс] / А. Тарасов // Известия. — Режим доступа: <https://iz.ru/977694/aleksei-tarasov/voennye-urbanisty-buldozery-s-bombami-i-upravliaemye-pulemety-v-gorodskikh-boiakh>

126. Терентьева Л.В. Территориальный аспект юрисдикции и суверенитета государства в киберпространстве / Л.В. Терентьева // LEX RUSSICA (Русский закон). — 2019. — №4(419). — С. 139-150.
127. Тертеров Г. «Цветные революции» / Г. Тертеров // 21-й век. — 2016. — №3(40). — С. 16-26.
128. Тиханычев О.В. Гибридные войны: новое слово в военном искусстве или хорошо забытое старое? / О.А. Тиханычев // Вопросы безопасности. — 2020. — № 1. — С. 30-43.
129. Удовлетворенность жизнью в России достигла уровня 2013 года. 18.01.2021. [Электронный ресурс] // Ведомости. — Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2021/01/18/854527-udovletvorennost-zhiznyu>
130. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Военной доктрины Российской Федерации. 25 декабря 2014 года. Пр-2976. // Российская газета. — 2014. — 30 декабря. — № 6570.
131. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». 30 ноября 2016 г. № 640. Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. — № 49. — ст. 6886.
132. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». 31 марта 2023 г. № 229 [Электронный ресурс] // Президент России. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/news/70811>
133. Указ Президента Российской Федерации. «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». 5 декабря 2016 г. № 646. Собрание законодательства Российской Федерации от 12 декабря 2016 г. — № 50. — ст. 7074.
134. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Сайт президент России. — Режим доступа:

<http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/QZw6hSk5z9gWq0plD1ZzmR5cER0g5tZC.pdf>

135. Указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2016. — № 1 (ч. II). — Ст. 212.
136. Устав ООН // ООН. — Режим доступа: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>
137. Уткин А.И. Единственная сверхдержава / А.И. Уткин. — М., 2003.
138. Федеральный Закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23522>
139. Ферстер Ш. Тотальная война. Концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861–1945 гг. / Ш. Форестер // Россия и война в XX столетии. Взгляд из удаляющейся перспективы. Материалы международного интернет-семинара. — М., АИРО, 2005.
140. Фукидид. История. / Пер. Ф. Г. Мищенко. В 2 т. — М., 1887—1888.
141. Харитонов Н.И. Американская "биоПРО" как угроза региональной безопасности в Евразии / Н.И. Харитонов // в сб. Стратегическое управление в сфере национальной безопасности России: обеспечение национальных интересов и реализация стратегических приоритетов. Материалы Четвертой научно-практической конференции, Москва. 14 апреля 2016. — М., 2017. — С. 132-138.
142. Харитонов Н.И. Американская «биоПРО» — элемент биологического терроризма / Н.И. Харитонов // Научно-практический бюллетень Национального антитеррористического комитета. — 2018. — Т.49. — № 1. — С. 211-224.
143. Харитонов Н.И. Непризнанные государства: «спорная субъектность» как вызов международной безопасности / Н.И. Харитонов // Среднерусский вестник общественных наук. — 2017. — Т.12. — № 2. — С.64-76.

144. Харитонов Н.И. Экогеополитика как новый концепт в геополитической парадигме международных отношений / Н.И Харитонов // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 86. С. 178-199.
145. Чижевский Я.А. Развитие военно-политического дискурса: представляем неологизмы «асимметричный конфликт» и «гибридная война» / Я.А. Чижевский // Политическая наука. — 2016. — №2. — С. 269-283.
146. Шарп Дж. 198 методов ненасильственной борьбы» [Электронный ресурс] / Дж. Шарп // Albert Einstein Institution. — Режим доступа: <http://www.aeinstein.org/wp-content/uploads/2013/10/The-198-Methods-of-Nonviolent-Action-Russian-.pdf>.
147. Шарп Дж. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения / Пер. с англ. Н. Козловской. — М.: Новое издательство, 2005.
148. Шевченко А.В. Информационная устойчивость политической системы / А.В. Шевченко. — М.: Изд-во «Граница», 2005.
149. Шеллинг Т. Стратегия конфликта / Т.Шеллинг. — М., 2007.
150. Шукшин В.С., Суворов В.Л. Гибридные войны современной эпохи как угроза безопасности России / В.С. Шукшин, В.Л. Суворов. — М.: Изд-во «У Никитских ворот», 2022. — 336 с.
151. Эпоха войн нового типа. Интервью с Мартином ван Кревельдом / М. ван Кревельд // NOTA BENE. — № 480, 18 июня 2006.
152. Bachmann S.D., Gunneriusson H. Russia's hybrid war in the East: the integral nature of the information sphere / S.D. Bachmann, H. Gunneriusson. — Georgetown Journal of International Affairs. 2015; Fall.
153. Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives / Z. Brzezinski. — NY: Basic Books, 1997.
154. Carr E. The Twenty Years' Crisis / E. Carr. — L.: Palgrave, 2001.
155. Cerny Ph. Neomedievalism, Civil Wars and the New Security Dilemma: Globalization as Durable Disorder / Ph. Cerny // Civil Wars. — 1998. — Vol.1. — №1 (Spring). — P. 36–64.

156. Chandler A.D. Strategy and Structure: Chapters in the History of the Industrial Enterprise / A.D. Chandler. — Cambridge: MIT Press, 1962.
157. Countering America's Adversaries Through Sanctions Act (CAATSA); H.R. 3364, Pub.L. — 115-44. [Электронный ресурс] // Congress.gov. — Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364>
158. Countering Hybrid Warfare: Conceptual Foundations and Implications for Defence Forces. — 2019.
159. Counter-Unconventional Warfare. White paper. — Режим доступа: <https://info.publicintelligence.net/USASOC-CounterunconventionalWarfare.pdf> — 2014.
160. Creveld, Martin van The Transformation of war / Martin van Creveld. — Free Press, 1991. — 272p.
161. Dower J.W. An American century of carnage: Measuring violence in a single superpower world. 01.04.2017 [Электронный ресурс] / J.W. Dower // Salon. — Режим доступа: <https://www.salon.com/2017/04/01/an-american-century-of-carnage>
162. Extending Russia Competing from Advantageous Ground. 2019. [Электронный ресурс] // RAND Corporation. — Режим доступа: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3063.html
163. Farley R. A 2030 War Between America and China Would Shake the World [Электронный ресурс] / R. Farley // The National Interest. — 2019. 06 Sept. — Режим доступа: <https://nationalinterest.org/blog/buzz/2030-war-between-america-and-china-would-shake-world-78771>
164. FM 3-0. Operations. Washington, Department of the Army, 2017. — Режим доступа: <https://fas.org/irp/doddir/army/fm3-0.pdf>;
165. FM 3-05.130. Army Special Operations Forces Unconventional Warfare, Washington, Department of the Army. — Режим доступа: <https://fas.org/irp/doddir/army/fm3-05-130.pdf>;

166. FM 3-05.301. Psychological Operations Process Tactics, Techniques, and Procedures. Washington, Department of the Army, 2007. — Режим доступа: <https://info.publicintelligence.net/USArmy-PsyOpsTactics.pdf>;
167. FM 3-12. Cyberspace and electronic warfare operations. Washington, Department of the Army, 2017. — Режим доступа: <https://fas.org/irp/doddir/army/fm3-12.pdf>;
168. Frier N. Hybrid Threats and Challenges: Describe... Don't Define / N. Frier. — Режим доступа: <http://smallwarsjournal.com/blog/journal/docs-temp/343-freier.pdf>.
169. Global Trends – 2040 [Электронный ресурс] // National Intelligence Council. — Режим доступа: <https://www.dni.gov/index.php/global-trends-home>
170. Graham A. Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap? / A. Graham. — L.: Scribe, 2017.
171. Hersprin D.R. Rumsfeld's Wars: The Arrogance of Power / D.R. Hersprin. — Lawrence, Kans.: University Press of Kansas, 2008.
172. Hoffman F. Conflict in the 21st Century: the Rise of Hybrid Wars / F. Hoffman. — 2007.
173. Holt H. The Hundred-Year Marathon: China's Secret Strategy to Replace America as the Global Superpower / H. Holt. — 2015.
174. Hunter E., Pernik P. The Challenges of Hybrid Warfare / E. Hunter, P. Pernik. — 2015. — Tallinn: International Centre for Defence and Security. — Режим доступа: https://icds.ee/wp-content/uploads/2013/Eve_Hunter_Piret_Pernik_-_Challeng-es_of_Hybrid_Warfare.pdf
175. Hybrid Warfare. Briefing to the Subcommittee on Terrorism, Unconventional Threats and Capabilities. Committee on Armed Services, House of Representatives. September 10, 2010. — Режим доступа: <https://www.gao.gov/assets/100/97053.pdf> etc.
176. Hybrid warfare: A new phenomenon in Europe's security environment. Praha; Ostrava: Published by Jagello 2000 for NATO Information Centre in Prague; — 2015. — №. 8.

177. Hybrid Warfare: NATO's New Strategic Challenge? General Report. NATO Parliamentary Assembly. October 10, 2015. — Режим доступа: <https://www.nato-pa.int/download-file?filename=sites/default/files/documents/2015%20-%20166%20DSC%2015%20E%20BIS%20-%20HYBRID%20WARFARE%20-%20CALHA%20REPORT.docx>
178. Insurgencies and Counterinsurgency Field Manual FM 3-24/MCWP 3-33.5 [Электронный ресурс] // Federation of American Scientists. — Режим доступа: <https://fas.org/irp/doddir/army/fm3-24.pdf>
179. Irregular Warfare. Joint Operating Concept. Washington, Department of Defense, 2007. — Режим доступа: https://www.globalsecurity.org/military/library/policy/dod/iw-joc_v1_2007.pdf;
180. Judson J. US Army Special Ops commander lifts curtain on 2035 strategy [Электронный ресурс] / J. Judson // Defensenews. — Режим доступа: <https://www.defensenews.com/digital-show-dailies/sofic/2017/05/17/us-army-special-ops-commander-lifts-curtain-on-2035-strategy>.
181. Kaldor, M. New and Old Wars : Organized Violence in a Global Era / M. Kaldor. 3rd ed. — Oxford : Wiley, 2013. — 282 p.
182. Kilcullen D. The Accidental Guerrilla: Fighting Small Wars in the Midst of a Big One / D. Kilcullen. — Oxford University Press, 2009.
183. Kilcullen, D. Out of the Mountains: The Coming Age of the Urban Guerrilla / D. Kilcullen. — Oxford University Press, 2015. — 352 p.
184. Korybko A. Hybrid wars: The indirect adaptive approach to regime change. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. 2015. — 127 p.
185. Kudors A. Note d'information. Guerre hybride: un nouveau défi de sécurité pour l'Europe / A. Kudors. — 2015. — Режим доступа: <http://www.parleu2015.lv/files/cfsp-csdp/wg3-hybrid-war-backgroundnotes-fr.pdf>
186. La guerre hybride et le choix de la riposte. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.nato.int/docu/review/2014/Russia-UkraineNato-crisis/Russia-Ukraine-crisis-war/fr/index.htm>

187. Laughland J. The Trial of Slobodan Milosevic and the Corruption of International Justice / J. Laughland. — London: Pluto Press, 2007.
188. Lee B. Assessing Made in China 2025: The US-China Trade War and Ways Going Forward / B. Lee // Claremont Colleges Library. — 2019.
189. Morgenthau H.J. In Defense of the National Interest / H.J. Morgenthau. — Lanham, Maryland: University Press of America, 1951. — 283 с.
190. NATO's Bi-Strategic Command Capstone Concept. 19.1.2010. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_82705.htm
191. Nemeth W.J. Future war and Chechnya: a case for hybrid warfare. Naval postgraduate school / W.J. Nemeth. — Monterey, 2002. — 100 p. — Режим доступа: http://calhoun.nps.edu/bitstream/handle/10945/5865/02Jun_Nemeth.pdf?sequence=1
192. Niebuhr R. Ideology and the Scientific Method / R.B. McAfee (ed.). The Essential Reinhold Niebuhr: Selected Esseys and Addresses. — New Haven: Yele University Press, 1968.
193. Niebuhr R. Moral Man and Immoral Sosity: A Study of Ethics and Politics / R. Niebuhr. — Louisville: Westminster John Knox Press, 2001.
194. Niebuhr R. The Irony of American History / R. Niebuhr. — Chicago: The University of Chicago Press, 2008.
195. Nye J. S., Jr. The future of power / J.S. Nye, Jr. // Project-syndicate. — FEB 5, 2015. — № 3.
196. Nye J.S., Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J.S. Nye, Jr.. — N.Y.: Public Affairs, 2004. — 192 p.
197. Pering into the Cristal Ball. Holistically Assessing the Future of Warfare 2020. [Электронный ресурс] // RAND Corporation. — Режим доступа: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10073.html
198. Putin Is Winning Russia's Hybrid War against America 09.12.2020 [Электронный ресурс] // National Review. — Режим доступа: <https://www.nationalreview.com/2020/12/putin-is-winning-russias-hybrid-war-against-america/>

199. Quadrennial Defense Review Report. Washington, Department of Defense, 2010. Режим доступа: <https://comw.org/qdr/fulltext/1002QDR2010.pdf>;
200. Racz A. Russia's hybrid war in Ukraine breaking the enemy's ability to resist [Электронный ресурс] / A. Racz // FIIA Report 43. — Helsinki, 2015. — № 101. — Режим доступа: [http://stratcomcoe.org/ andras-racz-russias-hybrid-war-ukraine-breaking-enemys-ability-resist](http://stratcomcoe.org/andras-racz-russias-hybrid-war-ukraine-breaking-enemys-ability-resist)
201. RAND Counterinsurgency Study – Rethinking Counterinsurgency, John Mackinlay, Alison Al-Baddawy. — RAND Corp., 2006.
202. SIPRI. YEARBOOK. 2012. Armaments, disarmament and international security. Stockholm International Peace Research Institute. — Oxford university press, 2012.
203. Stowell, J. What is Hybrid Warfare? / J. Stowell // Global Security Review. 2018 (Aug.1).
204. The Army Operating Concept (AOC): Win in a Complex World (2020-2040). 31.10.2014. — TRADOC Pamphlet 525-3-1.
205. The National Military Strategy of the United States of America 2015. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/2015_National_Military_Strategy.pdf
206. The Secretary General's Annual Report 2018.
207. Toynbee A.J. A study of history / A.J. Toynbee. — Oxford, 1935.
208. Vershbow A. Speech by NATO Deputy Secretary General Ambassador Alexander Vershbow at the Interparliamentary conference on CFSP/CSDP / A. Vershbow. — Riga, 2015. 5 March. — Режим доступа: http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_117919.htm?selectedLocale=en
209. Whitney Webb: «Lights Out!» Did Trump and His Neocons Recycle Bush-Era Plan to Knock Out Venezuela's Power Grid?, Even as the Venezuelan government blamed the recent power outage on U.S.-led «sabotage,» the U.S. has long had a plan on the books for targeting the civilian power grid of adversarial nations / W. Webb. — Mint Press News (MPN), — 2019. — 11 March. — Режим доступа:

<https://www.mintpressnews.com/did-the-us-recycle-a-bush-era-plan-to-take-outvenezuelas-power-grid/256113/>

210. Will hybrid warfare doctrine draw NATO and Russia further apart? 08.12.2015
[Электронный ресурс] // РБК. — Режим доступа: https://www.rbth.com/international/troika/2015/12/08/will-hybrid-warfare-doctrine-draw-nato-and-russia-further-apart_548775
211. Williamson M., Mansoor P.R. Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present / M. Williamson, P.R. Mansoor. — Cambridge: Cambridge University Press. 2012.
212. Worldwide Threat Assessment of the US Intelligence Community. 06.03.2018.
[Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Coats_03-06-18.pdf

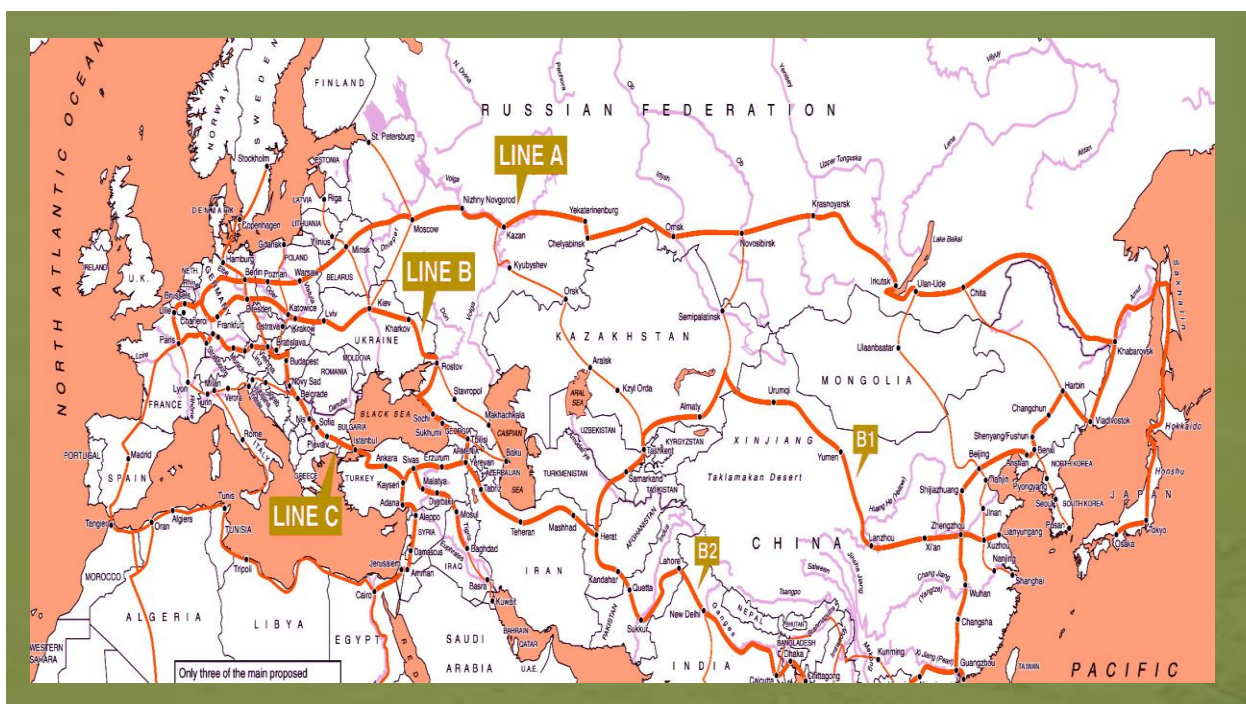
ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Пример нового субрегиона: IV Ржечь Посполита (по принципу «от Можа до Можа» с включением территорий Украины, Белоруссии, южных регионов России)

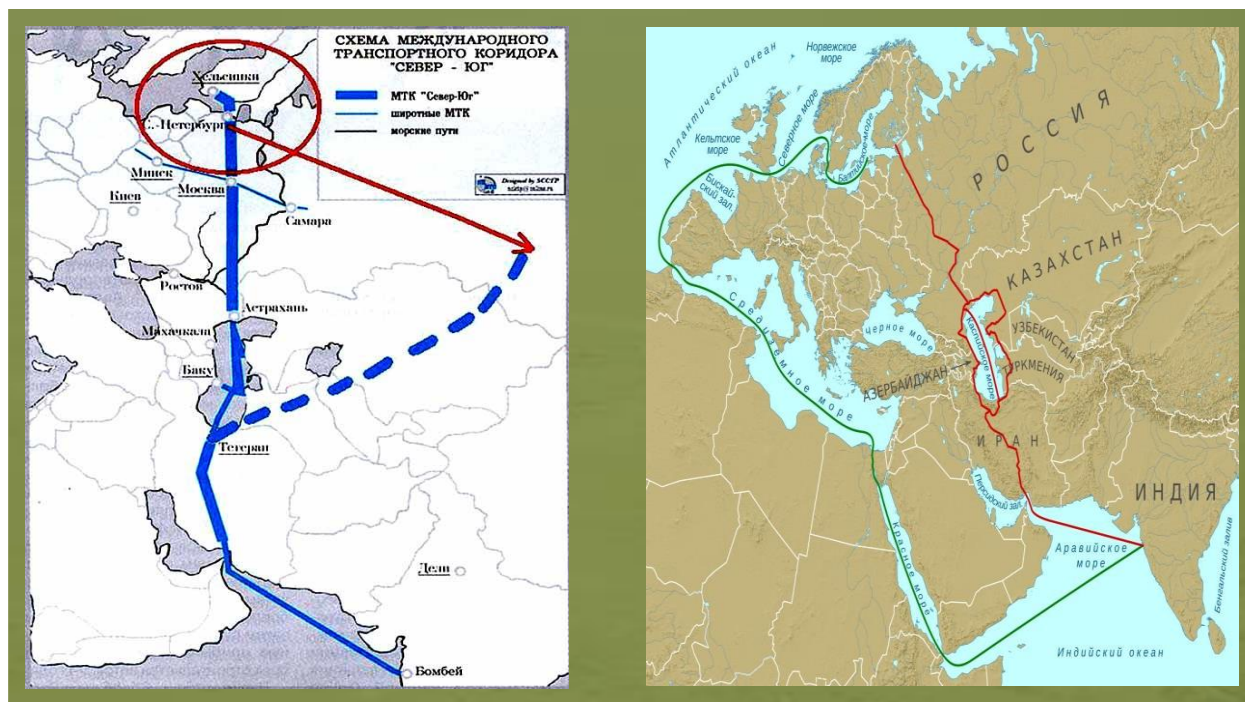
**Карта предполагаемой IV Ржечи Посполитой:
Р.Земкевич "Ржечь Посполитая Многих Народов".**

Приложение 2. Проект «Новый Шелковый Путь»: основными бенефициарами выступают Китай, Европейский союз, государства Центральной Азии, Белоруссия, Россия

Приложение 3. Международный транспортный коридор № 9 «Север – Юг»: основными бенефициарами выступают Германия, Россия, Азербайджан, Иран, с большой долей вероятности Индия

Приложение 4. Карта «потенциальной конфликтной (военной) дуги Евразии»

Приложение 5. Карта Большой Центральной Азии

